ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 11, № 1-2, 2019

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**
Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 11, Number 1-2, 2019

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**
Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2019
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2019
Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 11, № 1-2, 2019, 268 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:
660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: sisp@nkras.ru
www.soc-journal.ru
Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088
Учредитель и издатель:
Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 11, Number 1-2, 2019, 268 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation
E-mail: sisp@nkras.ru
www.soc-journal.ru
Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,
«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена
© Научно-инновационный центр, 2019

Члены редакционной коллегии

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этноло-

гических исследований им. РГ.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, Член Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI "Higher school of social relationships" (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department "Foreign Languages and Professional Communication", Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Member of the All-Russian Public Organization "Russian Association of Linguists and Cognitive Scientists" (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair "World Languages and Cultures", Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution "Kirov Regional Museum of Local Lore", Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions "Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen" (Kirov, Russian Federation)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

© Современные исследования социальных проблем
2019, Том 11, № 1-2 • http://soc-journal.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

UDC 811.11-26

FUNCTIONAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF ENGLISH BUSINESS AND FINANCIAL JARGON

Nikitina I.N.

The article is devoted to the study of functional and semantic peculiarities of English business and financial jargon, based on the metaphor. The author subject the studied lexical constructions to structural and semantic classifications. The work also tests the use of jargon in a euphemistic function.

Keywords: *jargon; metaphor; English language; business discourse; euphemistic function.*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЖАРГОНИЗМОВ СФЕРЫ БИЗНЕСА И ФИНАНСОВ

Никитина И.Н.

Статья посвящена изучению функциональных и семантических особенностей английских жаргонизмов сферы бизнеса и финансов, в основе построения которых лежит метафора. Авторы подвергают исследуемые лексические конструкции структурной и семантической классификации. В работе проверяется возможность использования жаргона в эвфемистической функции.

Ключевые слова: *жаргонизм; метафора; английский язык; деловой дискурс; эвфемистическая функция.*

Introduction

The problem of studying functional and semantic features of business jargon, as the speech of a certain professional group, characterized by a large number of words and expressions peculiar only to this group, is still only at the stage of accumulation of material. The boundaries of the phenomenon designated by "jargon" as well as its functions are not yet clearly defined.

The aim of the research is to specify functional and semantic peculiarities of English business and financial jargon.

The theoretical significance of the work is determined by its contribution to the study of the topical issue of business jargon. The practical significance of this study lies in the application of its results in the practice of translating English jargon of business discourse into Russian.

Materials and research methods

The materials of the investigation are jargon words and expressions, presented in two special modern English dictionaries [1; 2]. The basis of the research is the descriptive-comparative and functional methods. Analysis and description of linguistic material is based on general scientific methods of observation, comparison and generalization of linguistic facts.

The research results

The analysis of the dictionaries shows that the most productive way to form English business jargon is the metaphor.

The research focuses on the metaphor, as a way to form English business jargon. The corpus of analyzed metaphorical jargon words and expressions amounts to 179 units. All the units are classified and compared according to the function, form and meaning.

The term "metaphor" is understood as "a figure of speech in which a word or phrase literally denoting one kind of object or idea is used in place of another to suggest a likeness or analogy between them" [3].

Metaphorization – one of the main and inexhaustible sources of language development. It generates bright images that business jargon is based on.

At the first stage of the research, the functions of metaphorical jargon are analyzed.

Researchers tend to distinguish the following jargon functions:
– jargon makes speech more concise, emotionally expressive,
– jargon serves to mask information,
– jargon is a sign of belonging to a particular professional group [4, p. 187].

A considerable part of modern English business jargon also distinguishes the euphemistic function, that is, the possibility of using them in the professional sphere "as words / phrases that replace the direct name of negative or unpleasant phenomena that the speaker wants to disguise"[5, p. 4].

At the second stage of the research, the form of metaphorical jargon is analyzed.

The metaphor in the material under study can be presented in two varieties:

1) a metaphor expressed by a one-word jargonism, for example, *kite* – a worthless check / bill of exchange;

2) a metaphor expressed by jargon-phrase, for example, *bear hug* – a notice given to a target company, saying that it will be made (notice the company about its upcoming takeover).

The basic principle of creating a metaphor is a comparison of diverse objects.

At the third stage of the research, all analyzed metaphorical jargonisms are divided into groups depending on the subject of comparison, which is the basis of the metaphor. Thus, two large groups represent semantic classification of modern English business jargon. The first group includes business jargon, which is based on a comparison with the world of animals, for example:

lame duck – a company or a businessman in financial difficulties,

gadfly – a shareholder who appears at shareholders' meetings and asks awkward questions.

In the second group of analyzed metaphorical jargonisms of business and finance, one can trace comparison with the world of human beings. This group is more numerous and diverse. It accounts for almost 72% of all analyzed metaphorical jargon words and expressions. The metaphors of this group are presented by the following subgroups:

a) technical metaphors, for example,

on the rims – poor, operating with little money;

b) war metaphors, for example,

bullet – a fixed-interest security with a fixed date of maturity and no sinking fund;

c) medical metaphors, for example,

teething problem – the difficulties that arise at the beginning of a new enterprise, expected to become fewer as the enterprise grows;

d) cookery metaphors, for example,

gravy – extra money (in addition to one's wages);

e) hunting metaphors, for example,

call bird– a low-priced product advertised to attract customers to the point-of-sale where they are offered more expensive goods;

f) metaphors associated with a person's everyday life, for example,

to have a bath – to suffer a financial loss,

slicker – a clever and crafty person.

Discussion

The research of English business and financial jargon shows that masking function of jargon is limited to negative or unpleasant phenomena that the speaker wants to disguise with the help of jargon. So it seems more correct to speak about euphemistic function of jargon. Thematic affiliation of metaphorical jargon may give a picture of interests and ideals prevailing in the definite culture at the certain time period. Future research of business and financial jargon with reference to different languages seems to be essential.

Conclusion

As a result of the study functional and semantic peculiarities of English jargon of business discourse are specified. The directions of future research are identified.

The study did not have sponsorship.

References

1. Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. Oxford University Press Inc., New York. 2003. 501 p.
2. Hoshovskaja. B. Idiomaticheskie vyrazhenija v delovom anglijskom jazyke. SPb.: Izdatel'stvo «Lan'». 1997. 160 s.

3. Merriam-Webster Dictionary. [Available from: https://www.merriam-webster.com/dictionary/metaphor].
4. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk: Uchebnik dlja vuzov. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 s.
5. Nikitina I.N. Euphemism-formation technique in modern English. Yelm, WA, USA. 2015. 199 p.

Список литературы

1. Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. Oxford University Press Inc., New York. 2003. 501 p.
2. Хошовская. Б. Идиоматические выражения в деловом английском языке. СПб.: Издательство «Лань». 1997. 160 с.
3. Merriam-Webster Dictionary [Доступно: https://www.merriam-webster.com/dictionary/metaphor].
4. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
5. Nikitina I.N. Euphemism-formation technique in modern English. Yelm, WA, USA. 2015. 199 p.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikitina Irina Nikolaevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Business Communication
Samara State University of Economics
141, Soviet Army Str., Samara, Samara Region, 443090, Russian Federation
i.n.nikitina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4740-9570

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Никитина Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и иноязычной деловой коммуникации
Самарский государственный экономический университет
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская область, 443090, Российская Федерация
i.n.nikitina@gmail.com

UDC 808.1

OCCASIONAL WORD-FORMATION AT THE LEXICAL LEVEL IN J. ROWLING WORKS

Romanyuk M.Yu.

The paper deals with the peculiarities of contemporary English language occasionalisms in J.K. Rowling works. The main purpose of the article is to detect, describe and systematize occasionalisms in structural, word-forming and semantic aspects. Relevance of this research is due to the necessity of specifying the main tendencies of nominational processes of contemporary English and describing the main means of the occasional word-formation.

Keywords: *occasional word-formation; occasionalisms; linguistic phenomenon; derivational model.*

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В РАБОТАХ ДЖ. РОУЛИНГ

Романюк М.Ю.

ТВ статье рассматриваются особенности окказионализмов современного английского языка в произведениях Дж. Роулинг. Основная цель работы заключается в выявлении, описании и систематизации окказионализмов в структурно-словообразовательном и семантическом аспектах.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью установления тенденций номинативных процессов современного английского языка и описания основных способов окказионального словообразования.

Ключевые слова: *окказиональное словообразование; окказионализмы; лингвистический феномен; деривационная модель.*

In this paper we analyze the specific features of occasional word-formation at the lexical level in the works of J. Rowling, as well as highlight the most productive ways of occasional units formation.

After analyzing the real material of the books of J. Rowling, we identified the following ways of forming lexical occasionalisms: composition; fusion; affixation; conversion.

The occasional word formation reality and its universal linguistic phenomenon character is considered indisputable. The lexical macropolis of the English language at the present stage of development is intensively replenished with occasional units created by word composition and affixal derivation.

Among occasional composites, it is possible to distinguish occasional complex words constructed according to the word-formation types presented in the language. The most common derivational model is the N+N. Majority of the occasional composites were created by the author to denote fictional objects and phenomena of the fairy-tale world.

Ron was having far worse problems. He had patched up his wand with some borrowed *Spellotape*, but it seemed to be damaged beyond repair [2; 62].

«A promise is a promise», Hermione reminded Harry bossily. «You said you'd go to the *deathday party*» [2; 85].

«… this is a Pocket *Sneakoscope*. If there's someone untrustworthy around, it's supposed to light up and spin» [3; 7].

Harry didn't like to think how much gold the *Firebolt* would cost [3; 40].

«Or we could have a game of chess», he said hastily, «or *Gobstones*. Percy left a set» [3; 142].

«It's called a *Time-Turner*», Hermione whispered, «and I got it from Professor McGonagall on our first day back» [3; 262].

«*Ton-Tongue* Toffee», said Fred brightly. «George and I invented them, and we've been looking for someone to test them on all summer» [4; 32].

His half-moon glasses glittered in the *wandlight* as he peered around at the surrounding trees [4; 355].

Harry swam on past the rock, following the *mersong* [4; 315].

A small part of occasional complex words refers to the inhabitants of the fairy-tale world.

«Harry had met Mr. Ollivander before – he was the *wand-maker* from whom Harry had bought his own wand over three years ago in Diagon Alley» [4; 195].

Well, you know his opinion of Dumbledore – the man's such a *Mud-blood-lover* – and Durmstrang doesn't admit that sort of riffraff [4;103].

«No one asked your opinion, you filthy little *Mudblood*», he spat [2; 73].

«All right there, *Scarhead*?» – yelled Malfoy shooting underneath him as though to show off the speed of his broom [2; 115].

«They called Slytherin himself *Serpent-tongue*» [2;115].

«Good *man-goblin*, I should say», amended Ted hastily [5; 153].

Merchieftainess Murcus has told us exactly what happened at the bottom of the lake, and we have therefore decided to award marks out of fifty for each of the champions, as follows [4; 320].

«I could've taken those *mer-idiots* any time I wanted» [4; 322].

In J. Rowling's texts the group of occasional composites containing the word *wizard* as a component was highlighted. The fact is due to the fabulous genre of works.

«It isn't funny!» Mr. Weasley shouted. «That sort of behavior seriously undermines *wizard-Muggle* relations! I spend half my life campaigning against the mistreatment of Muggles, and my own sons» [3; 33].

«And here, all the way from Egypt, our referee, acclaimed *Chairwizard* of the International Association of Quidditch, Hassan Mostafa!» [4; 66].

The next most productive model is N + V:

«It's all to do with bewitching things that are *Muggle-made*, you know, in case they end up back in a Muggle shop or house» [2; 20].

«There are rumors about a new Muggle Protection Act – no doubt that flea-bitten, *Muggle-loving* fool Arthur Weasley is behind it» [2; 33].

«Maybe», said Hermione, shrugging, «or it might have *Muggle-repelling* charms on it, like the World Cup stadium» [4; 104].

It should be noted that the word *Muggle*, being a semantic occasional one, has become an active component in the process of occasional word formation.

Sirius had been in Azkaban, the terrifying wizard jail guarded by creatures called dementors, sightless, *soul-sucking* fiends who had come to search for Sirius at Hogwarts when he had escaped [4; 13].

«Nah… presents!» said Seamus, spotting the large pile at the foot of his bed. Ron, Dean, and Neville decided that now they were awake they might as well get down to some *present-opening* too [4; 259].

The next most frequently used is the N + Adj model:

Most of them had never seen an owl even at nighttime. Mr. Dursley, however, had a perfectly normal, *owl-free* morning. [1; 4].

«It shouldn't take more than a few weeks», said Professor McGonagall. «You will have it back if we are sure it is *jinx-free*» [3; 153].

The complex words' component *free* is highly efficient for regular word formation is still quite active in the process of occasional word formation.

In September of this year, he hired Alastor «Mad-Eye» Moody, the notoriously *jinx-happy ex-Auror*, to teach Defense Against the Dark Art [4; 277].

Along with productive models, the authors, although to a much lesser extent, use unproductive ones. In the last example, the occasional *ex-Auror* unit is formed according to the Adj + N model, which is unproductive in the texts under consideration. It is also possible to single out such unproductive models as:

– compound words derived from the N + Adv model.

Madam Pomfrey had gone to rescue Ron from Percy's clutches; she led him over to Harry and the others gave him a blanket and some *Pepperup* Potion, then went to fetch Fleur and her sister [4; 319];

– compound words using two word-formation methods – composition and conversion according to the N + N or Adj + N model.

«If all goes well, Professor Boggart Snape will be forced into that *vulture-topped* hat, and that green dress, with that big red handbag» [3; 89].

«You're joking, Weasley!» said Malfoy, behind them. «You're not telling me someone's asked that to the ball? Not the *long-molared* Mudblood?» [4; 256].

Thus, the most common methods among lexical occasionalisms are: 49% – composition, 14% – fusion, 19% – affixing, 18% – conversion.

To sum up, productive occasional word formation in prose is in full compliance with the general trends of productive word formation of

modern English. Composition is the most productive way to form lexical occasionalisms. Affixation, fusion, conversion, complex-deriviations are almost equivalent in number. To create original and unique author's lexical units standard language models are mainly used. The basis of an image in art, especially the verbal image, is the principle of associativity. In order for the newly created on the basis of associative links language unit to be perceived by the reader as figurative, it must be created on the basis of easily recognizable, customary and easily distinguished by the reader language models (in our case, word-building models).

References

1. Rowling J.K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone / J.K. Rowling. First American edition, 1998. 327 p.
2. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J.K. Rowling. Arthur A. Levine Books, 1999. 352 p.
3. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban / J.K. Rowling. Bloomsbury, 2000. 320 p.
4. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J.K. Rowling. Bloomsbury, 2000. 640 p.
5. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J.K. Rowling. Arthur A. Levine Books, 2007. 784 p.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Romanyuk Marina Yur'evna, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460000, Russian Federation
marina.roma@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1777-7046

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Романюк Марина Юрьевна, доцент, к.п.н., доцент
Оренбургский государственный университет
Пр. Победы, 13, 460000, Российская Федерация
marina.roma@mail.ru

© Современные исследования социальных проблем
2019, Том 11, № 1-2 • http://soc-journal.ru

УДК 811.111

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И РЕЧЕВЫХ ТАКТИК В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖАНРА «БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЕ»

Айвазашвили Э.О.

В данной статье рассмотрена роль коммуникативных стратегий и речевых тактик в реализации коммуникативно-прагматического потенциала современного англоязычного бизнес-дискурса. Автор анализирует специфику понятий «речевая стратегия» и «речевая тактика» как единиц коммуникативно-прагматической парадигмы с высоким уровнем абстрагирования текстообразовательного процесса, делает обзор функционально-прагматических свойств кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом дискурсе и выявляет характерные для жанра «бизнес-совещание» коммуникативные стратегии и релевантные им речевые тактики.

Ключевые слова: *коммуникативно-прагматическая парадигма; речевая стратегия; речевая тактика; бизнес-дискурса; бизнес-совещание.*

THE ROLE OF COMMUNICATIVE STRATEGIES AND SPEECH TACTICS IN THE IMPLEMENTATION OF THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF THE GENRE OF «BUSINESS MEETING»

Aivazashvili E.O.

The article considers the role of communicative strategies and speech tactics in the implementation of the communicative and pragmatic potential of modern English business discourse. The author analyzes the specifics of the concepts of «speech strategy» and «speech tactics» as units

of communicative-pragmatic paradigm with a high level of abstraction of the text-formation process, gives an overview of the functional and pragmatic properties of cooperative speech strategies and tactics in the English business discourse and identifies the communicative strategies and relevant speech tactics typical for the genre of «business meeting».

Keywords: *communicative and pragmatic paradigm; speech strategy; speech tactics; business discourse; business meeting.*

Руководствуясь определением бизнес-совещания как образца сложного, ограниченного временными и пространственными рамками, коммуникативного взаимодействия, характеризующегося четкой последовательной структурой и комплексной лингвистической деятельностью всех его участников, регулируемой первым лицом или заменяющим его сотрудником, мы хотим подчеркнуть, что именно факт особой упорядоченности, заранее принимаемой всеми участники речевого общения, позволяет говорить о бизнес-совещании как о самостоятельном специфическом жанре современного бизнес-дискурса. Однако, не смотря на некоторые весьма успешные попытки определить возможные варианты бытования подобной упорядоченности в различных «конверсинальных» видах речевого общения, ответы на многие вопросы пока не найдены.

Мы согласны с точкой зрения О.С. Иссерс, что объяснения «могут быть получены через описание стратегических направлений и тактических приемов, реализуемых» в ходе речевого общения [4, с. 54]. Иными словами, выявив «набор» наиболее характерных для изучаемого нами жанра бизнес-совещания речевых стратегий и тактик, мы, в полной мере, сможем представить его коммуникативно-прагматический потенциал.

Какова же общая сущность явлений «речевая стратегия» и «речевая тактика»? Отмечая характерный для данных единиц коммуникативно-прагматической парадигмы высокий (по сравнению с речевым актом) уровень «абстрагирования текстообразовательного процесса», Н.Ф. Алефиренко подчеркивает существующее между ними «родовидовое соотношение» [1, с. 207]. Он придерживается

точки зрения, что стратегия речевого общения «определяет основную задачу и генеральную интенцию», в то время как тактика представляет собой «способ решения» этой задачи «в рамках избранной речевой стратегии» [там же].

З.И. Комарова убеждена, что феномены «речевая стратегия» и «речевая тактика» важно рассматривать не с позиции их «превосходства» над речевыми актами, а делать упор на то, что, в первую очередь, – это направленные на максимальное соблюдение «условий успешности» речевые действия, организованные «в зависимости от цели взаимодействия» [5, с. 444]. Она определяет речевую стратегию как «совокупность речевых действий, направленных на контроль оптимального решения коммуникативной задачи говорящего», а тактику речевого общения как «приём реализации речевой стратегии» [там же].

Тем не менее, стратегическое и тактическое планирование не всегда может гарантировать абсолютную успешность коммуникативного взаимодействия. Это объясняется, в первую очередь, тем, что любой из прагматических параметров, включая коммуникативную ситуацию, социальные правила, пресуппозиции коммуникантов, их личностные и социальные характеристики и т.д., способны влиять на результаты коммуникативной интеракции [7, с. 8].

Что касается современного бизнес-дискурса, то, по утверждению Д.С. Храмченко, в нем наблюдается существование «типичных вариантов речевого поведения», под которыми он и понимает коммуникативные стратегии и связывает их с процессом решения «конкретной практической задачи» и с «планом ее реализации» [8, с. 43]. Он соглашается с мнением О.С. Иссерс по поводу того, что нацеленность на «экономию усилий в процессе общения» – это прямой путь к не просто «стандартизации коммуникативных ситуаций», а к вполне определенной «ритуализации» речевого поведения, что вкупе дает бизнес-коммуникантам реальную возможность для прогнозирования речевых действий всех участников интеракции, а значит для применения «стратегического подхода в стандартных речевых ситуациях» [там же, с. 44].

Выбор современными исследователями присущих деловому общению комбинаций речевых стратегий, во многом определяется как научным подходом, применяемым к их изучению, так и жанром, выступающем в качестве объекта изучения.

Так, например, в исследовании Т.Н. Астафуровой мы обнаруживаем три типа стратегий, бытующих, по ее мнению, в рамках деловой коммуникации. Среди них:

1. дискурсивные стратегии, которые направлены на регламентирование последовательности коммуникативных ходов,
2. имплицитные и эксплицитные риторические стратегии, нацеленные на воздействие на всех задействованных в интеракции коммуникантов,
3. компенсационные стратегии, позволяющие применять коррективы, необходимые для устранения различного рода коммуникативных сбоев [2, с. 168].

А.А. Бодрова и Н.В. Коробова считают, что связь между понятиями «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика» аналогична связи категорий «род» и «вид», поясняя, что первая из них отражает «генеральную интенцию» говорящего, в то время как вторая представляет его «отдельные практические коммуникативные намерения» [3, с. 15]. В ходе описания тактических ходов разрешения конфликта и анализа языковых средств их реализации в произведениях английской художественной литературы XX–XXI веков, они обнаруживают существование 6 типов стратегий, вполне применимым и к сфере делового общения, – стратегии уступки, директивной, манипулирующей, конфронтационной, регулятивной и индифферентной стратегий [там же]. В пояснении к сути каждого из указанных типов они отмечают, что:

1) в рамках директивной стратегии адресант «руководит обсуждением, не терпит возражений, но может стремиться к консенсусу»;
2) манипулирующая стратегия в их видении предполагает сосредоточение общего контроля над развитием коммуникативной ситуации «в руках» адресанта, стремящегося к реализации своей цели с полным подчинением адресата;

3) конфронтационная стратегия присуща коммуникативным ситуациям, в которых адресант «готов отстаивать свою точку зрения любой ценой»;
4) в рамках стратегии уступки адресант для достижения поставленной цели намеренно принимает точку зрения адресата;
5) посредством использования регулятивной стратегии реализуется урегулированию возникшего между коммуникантами конфликта;
6) индифферентная стратегия предполагает стремление одного из коммуникантов повлиять на другого через демонстрацию полного равнодушия к проблеме [там же, с. 16].

А.Д. Храмченко считает, что в различных жанрах бизнес-коммуникации наиболее рекуррентными можно считать такие стратегии речевого поведения как «использование взаимных уступок и допустимых компромиссов в случаях возникновения конфликтных ситуаций»; «ориентацию на сближение или изменение позиций на почве объединения позиций»; «последовательное отстаивание своих интересов в различного рода спорах или торгах»; «заблаговременное выявление и устранение проблемных вопросов и нежелательных моментов, способных отрицательно сказаться на общении»; «анализ потенциальных возможностей установления контакта с предполагаемым партнёром»; «манипулирование разнообразными языковыми средствами с целью оказания необходимого влияния на него» и т.д. [8, с. 47–49].

А.В. Радюк, рассматривая функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом дискурсе, определила их роль как «гармонизирующую», поскольку они, с ее точки зрения, поддерживая «общую тональность взаимодействия», «способствуют конструктивному достижению … результатов» [6, с. 6]. Разрабатывая собственную функционально-синергетическую модель речевого воздействия, А.В. Радюк в качестве критериев классификации речевых стратегий выбирает их функциональное назначение, отношение участников коммуникации «к принципу организации речевого общения» и «степень открытости

прагматического воздействия и глобальности намерения» [там же, с. 7]. С ее точки зрения, каждый из коммуникантов создает особую внешнюю среду для любого другого участника делового общения и в этом качестве способен осуществлять взаимодействие в рамках трех основных схем: взаимного изменения в результате кооперации, подчинения одной из систем другой и сохранения исходных позиций. В качестве главных критериев эффективного речевого воздействия А.В. Радюк называет, с одной стороны, достижение цели коммуникации, с другой – «сохранение баланса отношений с собеседником» [там же, с. 7]. В рамках современного английского делового дискурса ей удалось выявить бытование таких речевых стратегий как:

1) стратегии «контактирования» (с соответствующими ей тактиками «приветствия», «вежливости», «непринужденной беседы», «благодарности» и др.);
2) стратегии «усиления прагматического воздействия» (в которой она выделила различные тактики – «настойчивого повторения», «аннотирования», «сопоставления», «похвалы» и др.);
3) стратегии «ослабления прагматического воздействия» (с тактиками «вежливости», «игнорирования», «сдерживания эмоций» и др.);
4) стратегии «скрытого воздействия» (представленную тактиками «преувеличения», «приуменьшения», «иронии» и др.);
5) стратегии «распознавания и нейтрализации прагматического воздействия» (с тактиками «частичного согласия», «отказа с альтернативой», «отказа при сохранении баланса отношений», «разоблачения», «ультиматума», «подчинения» и др.) [6].

Однако мы уже не раз отмечали, что понятия «деловое общение», «деловой дискурс» и «бизнес-дискурс» нельзя рассматривать как идентичные феномены. Да и сам бизнес-дискурс представляет собой слишком обширное и многоуровневое явление, представленное такими жанрами как бизнес-переговоры, бизнес-презентация, бизнес-совещание, бизнес переговоры о продаже, бизнес-тренинг, деловое письмо, электронное деловое письмо, деловое общение по мобильному телефону, бизнес-доклад и т.д. И каждый из этих жан-

ров наделен своим собственным инструментарием коммуникативных стратегий и соответствующих им речевых тактик в реализации собственного коммуникативно-прагматического потенциала.

Проведенный нами анализ фактического экспериментального материала из собранных нами примеров англоязычных бизнес-совещаний позволил выявить специфические, характерные именно для жанра «business meeting», коммуникативные стратегии и релевантные им речевые тактики. К ним относятся: коммуникативная стратегия ухода от конфликта (с тактиками обращения к повестке дня, резюмирования точек зрения участников, направления дискуссии в нужное русло и переноса принятия решения за рамки совещания); коммуникативная стратегия улаживания конфликта (с тактиками улаживания конфликта через переговоры, авторитарного навязывания решения спора и шутливого пикирования); коммуникативная стратегия стимулирования деятельности команды (с тактиками инклюзивного долженствования, координирования дискуссии и завуалированной директивы) и коммуникативная стратегия ответного реагирования (с тактиками согласия, уклонения, частичного согласия, несогласия и реагирования на перебивание).

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта, Наука, 2005. 412 с.
2. Астафурова Т.Н. Лингвокогнитивный подход к исследованию межкультурной коммуникации // Вестник ВолГу. Серия 2. Языкознание. Вып. 2. 2002. С. 165–171.
3. Бодрова А.А., Коробова Н.В. Коммуникативные стратегии разрешения конфликта (на материале английского языка) // Вестник ЧелГУ. 2011. №8. С. 15–18.

4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
6. Радюк А.В. Стратегии нейтрализации речевого воздействия в английском деловом дискурсе // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2013. №13 (156). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-neytralizatsii-rechevogo-vozdeystviya-v-angliyskom-delovom-diskurse (дата обращения: 13.08.2018).
7. Резуненко М.Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе: автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 19 с.
8. Храмченко Д.С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук. Москва, 2014. 448 с.

References

1. Alefirenko N.F. Sovremennye problemy nauki o yazyke. M.: Flinta, Nauka, 2005. 412 s.
2. Astafurova T.N. Lingvokognitivnyj podhod k issledovaniyu mezhkul'turnoj kommunikacii // Vestnik VolGu. Seriya 2. Yazykoznanie. Vyp. 2. 2002. S. 165–171.
3. Bodrova A.A., Korobova N.V. Kommunikativnye strategii razresheniya konflikta (na materiale anglijskogo yazyka) // Vestnik CHelGU. 2011. №8. S. 15–18.
4. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. Izd. 5-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 s.
5. Komarova Z.I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnyh issledovanij v lingvistike: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Izd-vo UFU, 2012. 818 s.
6. Radyuk A.V. Strategii nejtralizacii rechevogo vozdejstviya v anglijskom delovom diskurse // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye

nauki. 2013. №13 (156). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-neytralizatsii-rechevogo-vozdeystviya-v-angliyskom-delovom-diskurse (data obrashcheniya: 13.08.2018).
7. Rezunenko M.F. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sudej, gosudarstvennyh obvinitelej i advokatov v sudebno-processual'nom diskurse: avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk. Stavropol', 2007. 19 s.
8. Hramchenko D.S. Funkcional'no-pragmaticheskaya ehvolyuciya angli-jskogo delovogo diskursa: dis. na soiskanie uchyonoj stepeni doktora filol. nauk. Moskva, 2014. 448 s.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Айвазашвили Эвелина Омариевна, аспирант кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения.
Пятигорский государственный университет
Просп. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357532, Российская Федерация
evelina.aivazashvili@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Aivazashvili Evelina Omarieva, post-graduate student of the Chair of Theoretical Linguistics and Practice of Cross-Cultural Communication
Pyatigorsk State University
9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357532, Russian Federation
evelina.aivazashvili@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6345-7495

УДК 81-26’347.78.034

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СИТКОМЕ «ОТЧАЯННЫЕ ДОМОХОЗЯЙКИ»

Брагина М.А., Ласица Л.А.

В данной статье рассматривается понятие «прецедентный феномен» (ПФ), существующие способы перевода данного языкового явления и основные факторы, влияющие на выбор способа перевода. Авторы описывают наиболее востребованные способы перевода прецедентных феноменов разного типа в ситкоме «Отчаянные домохозяйки» с английского на русский язык.

Ключевые слова: *прецедентный феномен; сложности перевода прецедентных феноменов; эквивалентный перевод; адаптированный перевод; способы перевода прецедентных феноменов.*

THE WAYS OF TRANSLATION OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE SITCOM «DESPERATE HOUSEWIVES»

Bragina M.A., Lasitsa L.A.

The article deals with the concept of “precedent phenomenon”(PP), the existing methods of translation of this language phenomenon and the main factors influencing the choice of translation method. The authors describe the most popular ways to translate precedent phenomena of different types from English into Russian in the sitcom “Desperate Housewives”.

Keywords: *precedent phenomenon; difficulties of precedent phenomena translation; equivalent translation; adapted translation; ways of precedent phenomena translation.*

Введение

Прецедентные феномены – это значимые выражения, имена или тексты для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение

к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [1].

Материалы и методы исследования

Скрипт ситкома «Отчаянные домохозяйки» на английском [4] и русском языках [5].

Основные методы исследования – сопоставительный метод.

Результаты исследования

К ПФ относят пословицы, поговорки, цитаты из кинофильмов и сериалов, Библии и литературы, а также известные даты и события.

Перевод прецедентных феноменов считается сложной задачей, так как для адекватного перевода нужно обладать немалым багажом знаний. Прецедентный феномен связан со страной и культурой того или иного народа, следовательно, реципиент может не обладать теми же фоновыми знаниями, то есть той информацией, которая обеспечивает взаимопонимание при коммуникации.

Исследователи выделяют несколько причин по которым возникают сложности при передаче ПФ:

1) Отсутствие того или иного предмета или явления в языке перевода;
2) Передача не только предметного значения, но и национальной специфики понятия.

Перед переводчиком стоит задача передать реалии. Л.С. Бархударов говорил, что основной проблемой реалий является несовпадение лексем исходного языка, с лексемами переводящего языка. [2] Он разделил реалии на три группы соответствия:

1) полное соответствие;
2) частичное соответствие;
3) отсутствие соответствий.

Прецедентные феномены относят к категории слов реалий и, следовательно, можно сделать вывод, что при переводе ПФ будут использованы те же приемы, что и при переводе реалий. Так, мы считаем, что можно использовать способы передачи реалий, предложенных в классификации В.Н. Комиссарова [3].

Первый способ – это заимствование. В него входят два приема передачи: транскрипция и транслитерация.

Второй – это перевод. Применяется в тех случая, когда два вышеперечисленных приема является нежелательными. Перевод в свою очередь может быть произведен следующим образом:

1) введение неологизма;
2) калькирование;
3) полукалькирование;
4) адаптированный перевод

Кроме того, можно прибегнуть к приблизительному переводу. Еще одним способом перевода является опущение реалии в переводном тексте. При применении данного способа перевода ПФ теряет свою окраску, теряет свой смысл и информацию о культуре, которую он несет.

Обсуждение

Рассмотрим примеры перевода ПФ в американском ситкоме «Отчаянные домохозяйки».

– **Let's get this over with.** [4] – Вперед и с песней. [5] – Здесь используется адаптированный перевод, поскольку фраза на русском языке тоже является прецедентным высказыванием (ПВ);

– I know you are **out of your minds with grief**. [4] – Я знаю вы оба убиты горем. [5] – Эквивалентный перевод, ПВ;

– **Stop stalling** and go. [4] – Хватит тянуть кота за хвост и иди. [5] – адаптированный перевод, ПВ;

– It is **the age-old question**. [4] – Проблема стара как мир. [5] – Адаптирование, прецедентная ситуация (ПС);

– **Says the prince as he rides off into the sunset**.[4] – Ах, сказал принц и ускакал за горизонт. [5] – Здесь был использован дословный перевод, ПВ;

– **The heart wants what it wants**. [4] – Сердцу не прикажешь. [5] – Эквивалентный перевод, ПВ;

– **For God sakes ,** Tom, they're just kids. [4] – Господи, Том, они всего лишь дети. [5] – Адаптированный перевод, Прецедентное имя, теоним;

– **Everyone has a little dirty laundry**.[4] – Впрочем, у всех свое грязное белье. [5] – Дословный перевод, ПВ;

– “I’ll chop you up into little bits.” But it was centuries ago. **“I’ll make mincemeat out of you”.** [4] – ««Я порублю тебя на кусочки.» Конечно, фраза устарела. Сейчас говорят: «Фарш из тебя сделаю.»» [5] – Дословный перевод, ПВ.

Из примеров видно, что наиболее востребованными способами перевода прецедентных феноменов являются дословный и адаптированный перевод.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что существуют такие способы перевода как адаптированный, дословный, эквивалентный и другие переводы. Выделяются факторы, от которых зависит способ перевода, такие как отсутствие явления или понятия в языке перевода и передача не только предметного значения, но национальной специфики понятия.

Перевод прецедентных феноменов в тексте ситкома «Отчаянные домохозяйки» произвести различными способами, но наиболее востребованными являются адаптированный и дословный перевод.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 2015. 240 с.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. С. 148–150.
4. Интернет-сайт EnglishSub [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://englishsub.ru/serialy/otchayannye-domohozyajki-na-anglijskom-s-russkimi-i-anglijskimi-subtitrami/ (дата обращения: 17.11.2018).
5. Интернет-сайт Seasonvar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://seasonvar.ru/serial-58-Otchayannie_domohozyajki-01-sezon.html (дата обращения:17.11.2018).

References

1. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. M.: Nauka. 1987. 261 s.

2. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda). M.: Mezhdunar. otnosheniya. 2015. 240 s.
3. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty). M.: Vysshaya shkola. 1990. S. 148–150.
4. Internet-sayt EnglishSub [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://englishsub.ru/serialy/otchayannye-domohozyajki-na-anglijskom-s-russkimi-i-anglijskimi-subtitrami/ (data obrashcheniya: 17.11.2018).
5. Internet-sayt Seasonvar [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://seasonvar.ru/serial-58-Otchayannie_domohozyajki-01-sezon.html (data obrashcheniya:17.11.2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ласица Любовь Александровна, доцент, кандидат филологических наук
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
lasitsa-la@mail.ru

Брагина Мария Александровна, студентка факультета филологии и журналистики, 4 курс
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
murmurmar00@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lasitsa Lyubov Aleksandrovna, associate professor, candidate of philological sciences
Orenburg State University
13, Pobedy pr., Orenburg, 460018, Russian Federation
lasitsa-la@mail.ru

Bragina Maria Alexandrovna, student of the Faculty of Philology and Journalism, 4th year
Orenburg State University
13, Pobedy pr., Orenburg, 460018, Russian Federation
murmurmar00@mail.ru

© Современные исследования социальных проблем
2019, Том 11, № 1-2 • http://soc-journal.ru

УДК 81

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Габидуллина Ф.И., Ибрагимова Э.Р.

Статья посвящена проблеме перевода названий поэтических произведений на примере переводов стихотворений Марины Цветаевой. Названия стихотворений, как и художественных произведений вообще, признаются их «сильным» местом, требующим особого внимания и от автора, и от переводчика. В статье исследованы случаи дословного перевода, смены названия, применение лексической и грамматической трансформации; предложены свои варианты перевода некоторых названий.

Ключевые слова: *М. Цветаева; перевод; лексическая трансформация; грамматическая трансформация; дословный перевод; смена названия.*

ABOUT SOME METHODS OF TRANSLATION OF POETIC WORKS' TITLES

Gabidullina F.I.

This article is devoted to the problem of translation of poetic works' name on the example of translations M. Tsvetaeva's poems. These and other factors cause the need to appeal to different methods. In this article we have studied the cases of word-for-word translation, name changes, the using of lexical and grammatical transformation; we have proposed our own versions of some names' translation.

Keywords: *M. Tsvetaeva; translation; lexical transformation; grammatical transformation; word-for-word translation; name change.*

Введение

Перевод литературного произведения – сложный и продуктивный творческий процесс, в результате которого создается пере-

водное произведение. В силу необходимости передачи всех особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики для создания адекватного и полноценного текста, переводчику возлагаются большие требования, самым главным из которых является не только хорошее знание языка подлинника и языка, на который делается перевод, но и практическое умение находить соответствия между обоими языками. Можно с уверенностью говорить о том, что перевод поэтического произведения – вершина мастерства переводчика, который должен сам быть хоть немного поэтом, в совершенстве владеть языком переводимого источника и родным языком, должен уметь в стихотворном размере передать замысел поэта, сохранить национальное своеобразие, духа и времени произведения.

Материалы и методы

В одной статье не представляется возможным описать все особенности перевода стихотворений известной русской поэтессы М. Цветаевой на татарский язык, поэтому нами рассматривается специфика перевода заглавий. Объект исследования – переводы стихотворений М. Цветаевой, вошедших в книгу М. Сафина «Канатлы күңел» («Окрыленное сердце»). Пристальное внимание именно к заглавию обусловлено тем, что именно оно является сильным местом произведения и, по словам ученых, требует особого отношения не только от создателя текста, но и от переводчика [1, с. 401].

Обсуждение

Анализ книги «Канатлы күңел» («Окрыленное сердце») показывает, что М. Сафин наиболее часто обращается к следующим приемам перевода: дословный перевод, трансформация, смена заголовка. Адекватность перевода часто достигается при дословном переводе. Таким образом переведены следующие стихотворения М. Цветаевой: «Простите меня, горы!..» («Кичерегез мине, таулар!»), «Бессонница» («Йокысызлык»), «Уедешь в дальние края» («Ерак якларга китәрсең»), «Рябину рубили» («Миләшне чаптылар»), « Август – астры» («Август – кашкарыйлар»). Особенно

частотным является прием трансформации. Переводчик может использовать лексические, грамматические и стилистические трансформации. Рассмотрим отдельные случаи их использования на примере перевода названий стихотворений М. Цветаевой.

Результаты

Одно из стихотворений М. Цветаевой имеет название «Русской ржи от меня поклон», что в переводе М. Сафина озвучено как «Арыш кырларына миннән сәлам». В этом случае изменения наблюдаются в нескольких местах. Во-первых, обращает внимание, что М. Сафин слово *поклон* передает через татарское слово *сәлам*. Изучение лексикографических источников позволяет говорить о том, что трансформации как таковой здесь и нет, так как *поклон* переводится на татарский язык как «1. баш иеп сәлам бирү, баш ию. 2. сәлам» [2, с. 428]. Тем не менее нам представляется, что при переводе в данном случае теряется смысловой оттенок выражения глубокого уважения. Возможно, перевод названия как «Баш иеп сәламлим арыш кырын» был бы более удачен. Продолжим анализ перевода названия стихотворения «Русской ржи от меня поклон». Очевидно, что М. Сафин использует здесь и прием опущения: в татарском варианте отсутствует слово *русский* (рус, урыс). Это можно объяснить несколькими факторами. В данном случае, как и в большинстве других, название стихотворения составляет его первая строка. Можно предположить, что при помощи опущения переводчик старается сохранить ритмическое благозвучие произведения, так как действительно «Рус арыш кырларына миннән сәлам» звучит более громоздко. Однако перевод мог бы звучать и как «Урыс арышына миннән сәлам», что даже более близко к оригинальному звучанию, но М.Сафин не выбирает данный вариант, что, по нашему мнению, продиктовано некими этическими соображениями. Дело в том, что татары являются одной из самых многочисленных наций в России, но средства медиавещания, литература и другие источники постоянно используют слова-клише *русская зима* (рус кышы), *рус кырлары* (русские поля), *русская береза* (рус каены) и

др. М. Сафин, будучи в первую очередь сыном своей нации не добавляет в этот ряд еще и словосочетание *русская рожь*. Учитывая, что М. Цветаева в последние, самые сложные годы своей жизни находит приют в Татарстане, мы считаем, что такое опущение не нарушает смысловое единство стихотворения. Примечательно, что в этом же случае М. Сафин обращается и приему конкретизации. Несмотря на то, что в стихотворении идет речь о ржаном поле, в названии оригинала упоминается лишь слово *рожь*. Переводчик решает конкретизировать: «Арыш кырларына миннән сәлам», что в буквальном переводе означает «Ржаным полям от меня привет (поклон)». Не всегда даже трансформация способствует точному переводу. Например, название стихотворения «Целую червонные листья» М. Сафин передает через предложение «Үбәм алтын яфракларны» (буквально: «Целую золотые листья»). Таким образом, перед татарским читателем предстает картина осеннего пейзажа с опадающей желтой листвой. На самом деле *червонный* переводится на татарский язык как *кызылсу алтын* [2, с. 681].

Наряду с лексической М. Сафин обращается и к грамматической трансформации. Показательны при этом случаи добавления. Например, название «Думали – человек» переводчиком озвучено как «Уйладыгыз – кеше генә». Нам кажется, добавление уменьшительной частицы *генә* в данном случае затрудняет понимание текста. Указанное произведение посвящено смерти поэта А. Блока. В оригинале речь идет о том, что общество заставило умереть певца-ангела в обличии человека, то есть оно ошибалось, принимая ангела за человека и эта ошибка подчеркивается в названии: «Думали – человек». В татарском варианте сочетание слова *человек* и уменьшительной частицы способствует восприятию название как «Думали только человек», «Думали всего лишь человек», что мешает пониманию смысла стихотворения. Думается, в таких случаях уместно использование приемов трансформации и компенсации. Как вариант, мы предлагаем название «Кеше түгел – җырчы-фәрештә...» («Не человек – певец-ангел...)».

В некоторых случаях М. Сафин использует прием смены заголовка. Название стихотворения М. Цветаевой «Тридцатая годов-

щина...» передано им как «Союзыбыз – мәхәббәтнең...». Конечно, это не классический случай того, как переводчик решает полностью изменить название, так как название представляет собой начальную строку стихотворения. Однако и этот случай заслуживает внимание. Прочитаем предложение, отрывок из которого послужил названием произведения полностью: *Тридцатая годовщина / Союза – держись, злецы* [4]. *Союзыбыз – мәхәббәтнең Утыз еллык бәйрәме* [3, с. 20].

В оригинале речь идет о союзе поэтессы и ее верном друге – письменном столе. Переводчик называет эти отношения не только союзом, но и любовью, что не портит общий смысл названия и произведения вообще. Однако нам представляется, что употребление заимствованного слова *союз* в переводе портит благозвучие стихотворения. Возможно, стоило бы рассмотреть вариант использования контекстуальных синонимов. Мы предлагаем следующие варианты перевода названия данного стихотворения: *«Мәңгелеккә кавышканның Утыз еллык бәйрәме» /« Явыз телләр аера алмый – утыз ел бергә».*

Заключение

Таким образом, в данной статье находит подтверждение идея о том, что перевод названий, как «сильных» мест произведений, требует пристального внимание не только творца, но и переводчика. На примере перевода названий стихотворений М. Цветаевой мы видим, что при этом могут использоваться такие приемы как дословный перевод, трансформации, смена названия. Изменения при этом могут быть продиктованы требованиями сохранения ритма, разницей в смысловом объеме слова, этическими соображениями.

Список литературы

1. Папулова Ю.К. О проблеме перевода заглавий // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции. 25–30 апреля 2014 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 401–411.
2. Русско-татарский словарь. М.: ИНСАН, 1997. 720 с.

3. Сафин М.Г. Канатлы күңел: сайланма шигырьләр. Яр Чаллы: Яр Чаллы типогр., 2008. 44 б.
4. Цветаева М.И. Длинные стихи. URL: http://stih.su/tridcataya-godovshhina-soyuza-derzhis/, свободный (дата обращения:10.02.2019).
5. Magsumov T.A. Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia // Журнал министерства народного просвещения. 2014. № 1 (1). С. 12–20.

References

1. Papulova Yu.K. (2014). O probleme perevoda zaglavij [On the issue of translation of titles]. *Russkij yazy`k i kul`tura v zerkale perevoda [Russian language and culture through the prism of translation]*. The material of the international scientific conference. 25–30 April 2014. Moscow: Publishing house of Moscow University, pp. 401–411.
2. *Russko-tatarskij slovar* [Russian-Tatar dictionary] (1997). Moscow: INSAN.
3. Safin M.G. (2008). Kanatly` kүңel: sajlanma shigy`r`lər [Winged soul: selected poems]. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny print. house.
4. Czvetaeva M.I. *Dlinny`e stihi [Long poems]*. – URL: http://stih.su/tridcataya-godovshhina-soyuza-derzhis/; (data obrashheniya: 10.02.2019).
5. Magsumov T.A. (2014). Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1 (1): 12–20.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Габидуллина Фарида Имамутдиновна, доцент, кандидат филологических наук
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, 423604, Российская Федерация
farida-vip@mail.ru

Ибрагимова Эльмира Рашитовна, доцент, кандидат филологических наук
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

ул. Казанская, 89, г. Елабуга, 423604, Российская Федерация
elmira915@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gabidullina Farida Imamutdinovna, Associate Professor, PhD in Philology
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya st., Elabuga, 423604, Russian Federation
farida-vip@mail.ru

Ibragimova Elmira Rashitovna, Associate Professor, PhD in Philology
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya st., Elabuga, 423604, Russian Federation
elmira915@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8990-1176

УДК 81

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Габидуллина Ф.И., Насипов И.С.

В статье на материале лексикографических источников исследуется проблема разграничения лексико-грамматических разрядов фразеологических единиц с компонентом-соматизмом «сердце» в татарском языке, выявляются наиболее частотные лексико-грамматические разряды, анализируется их лингвокультурологический потенциал.

Ключевые слова: *фразеологизм; лексико-грамматический разряд; фразеологизмы-предложения.*

LEXICO-GRAMMATICAL CATEGORIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-SOMATISM IN THE TATAR LANGUAGE

Gabidullina F.I., Nasipov I.S.

In the article on the material of the lexicographic sources the problem of differentiation of lexico-grammatical categories of phraseological units with the component-somatism «heart» in the Tatar language is investigated, the most frequent lexico-grammatical category are identified, their linguistic and cultural potential is analyzed.

Keywords: *phraseological unit; lexico-grammatical category; phraseological units-sentences.*

Введение

Ученые солидарны в том, что термин «фразеологизм» имеет два толкования: более узкое и широкое. Мы в данной работе будем придерживаться мнения В.Н. Телии, которая определяет фразеологические единицы как языковое явление, характеризующееся принадлежностью к неклассическому номинативному инвентарю языка, разной степенью идиоматичности, полной или неполной воспроизводимостью» [1, с. 56].

Материалы и методы исследования

В данной статье используются сравнительно-исторический и системно-типологический методы в соответствии с перспективой и характером исследования. Основным принципом является систематический и полный анализ исследуемой проблемы. Материалом для данной статьи послужили лексикографические источники «Фразеологический словарь татарского языка» Н. Исанбета [2; 3] и «Татарско-русский фразеологический словарь» Ф.С. Сафиуллиной [4].

Результаты

Фразеологизмы являются важным и древним фондом языка и имеют неоспоримую ценность точно и выразительно называть мысль, эмоцию, психологическое состояние и давать емкую характеристику лица или предмета. Интересно, что компонентами фразеологических единиц чаще всего являются названия частей тела, органов людей и животных. В статье исследуются фразеологизмы с компонентом-соматизмом «сердце» в татарском языке. Несмотря на то, что общеизвестна главная функция данного органа – обеспечение кровообращения – сердце во фразеологических единицах чаще всего выступает как орган, отвечающий за способность человека пережевать, совершать добрые поступки, хранить тайны и воспоминания, то есть функции данного органа поэтизируются. Поэтому фразеологизмы с компонентом «сердце» представляют особый интерес для исследователей.

Спорные вопросы вызывает выделение лексико-грамматических разрядов фразеологических единиц. Мы рассматриваем фразеологические единицы-предложения (йөрәк өзгәләнү – сердце разрывается, йөрәк таш булып кату – сердце превратилось в камень), фразеологические единицы-словосочетания (йөрәк сере – сердечная тайна, букв.: тайна сердца; йөрәк түрендә йөртү – хранить в сердце). Фразеологические единицы-словоформы, имеющие компонент йөрәк / сердце нами на зафиксированы.

Обсуждение

Глагольные фразеологизмы. Это – наиболее частотный разряд. Всего выявлено 63 единицы. В предложениях глагольные фразеоло-

гизмы выполняют функцию сказуемого. Такие единицы обозначают крайнюю степень проявления чувств, эмоций (йөрәге парчалану – сердце разрывается на части, йөрәк ярыла язу – сердце чуть не разорвалось), негативную характеристику лица, чаще всего – неспособность к сопереживанию (йөрәге бетләгән – сердце зачерствело, йөрәге мүкләнгән – сердце обрасло мхом) и т.д. Например: «– Зарифуллинның *йөрәге аска таба төшеп китте*, күзен элпә каплады: капкадан кергән мәһабәт солдат аның абысы иде» (М. Мәһдиев, «Без – 41 нче ел балалары»). Перевод: «– *Сердце* Зарифуллина *упало вниз*, глаза заволокло пеленой: видный солдат, вошедший в дверь, был его братом» (М. Магдеев, «Мы – дети 41 года»).

Глагольные фразеологизмы с компонентом сердце / йөрәк могут обозначать и устойчивое душевное состояние. Например: «– Их, Мәйсәрә, ике ел буена йөрәктән китмәдең бит» (К. Тинчурин «Зәңгәр шәл»). Перевод: «– Эх, Майсара, два года не мог забыть тебя» (К. Тинчурин, «Синий платок»).

Именные фразеологизмы. Чаще всего обозначают лицо. Например: йөрәк дусты – сердечный друг, йөрәк бәгърем – о самом близком человек, йөрәк маем – о близком человек, ласковое обращение, йөрәк парәсе – о близком, любимом человеке; куян йөрәк – заячья душа, о трусе; тынгысыз йөрәк – беспокойная душа и т.д. Могут обозначать предмет, явление как нечто сокровенное: йөрәк сере – интимная, личная тайна. Всего выявлено 18 единиц.

Адъективные фразеологизмы. Фразеологические единицы данного разряда обозначают непроцессуальный признак лица или предмета. Мы выявили следующие семантические категории адъективных фразеологизмов с компонентом «*сердце / йөрәк*»: психологические или нравственные характеристики лица (йөрәге салкын – с холодным сердцем, йөрәк бозгыч – букв. портящий сердце, о навязчивом человек, олы йөрәкле – великодушный, чуар йөрәкле – беспокойный), качество предмета (йөрәккә ятышлы – такой, к которому лежит сердце, йөрәктән чыккан (сүзләр) – искренние (слова), характеристика события (йөрәк тетрәткеч – трагический). Такие фразеологизмы часто встречаются в художественной литературе

при характеристике образов, предметов. Например: *“Саф йөрәктән чыккан* чын бүләкләр” (Подарки *от чистого сердца*) (К. Тинчурин, «Сүнгән йолдызлар»).

Адвербиальные фразеологизмы. Эти фразеологические единицы имеют значение признака действия или степень проявления какого-либо признака, могут быть соотнесены с наречиями образа действия. Например: йөрәген кысып – скрепя сердце, йөрәк салып – с душой. Всего выявлено четыре единицы.

Модальные фразеологизмы. Данные фразеологизмы выражают сильное желание чего-либо или стремление говорящего к чему-либо. Например, фразеологизм «Уф, йөрәгем, такта чәй!», зафиксированный Н. Исанбетом, обозначает реакцию татарина на сильное сердцебиение. Фразеологизм отражает любовь татар к чайному напитку, чайным церемониям и подчеркивает, что даже при сильном сердцебиении они будут просить крепкий чай. Таким образом, данный фразеологизм подверждает мнение ученых о том, что фразеологизмы имеют большое значение в раскрытии особенностей национального характера, уклада жизни [5]. Больше фразеологизмов данного разряда нами не зафиксировано.

Междометные фразеологизмы с компонентом «сердце» зафиксированы нами в художественой литературе. Приведем пример: “Чынлап та йөрәгең уф икән” (“Ты действительно очень взволнована” (К. Тинчурин, «Зәңгәр шәл»)

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что лексические и грамматические значения компонентов фразеологических единиц с компонентом «сердце / йөрәк» вбирают в себя именные, глагольные, адвербиальные, адъективные, междометные и модальные фразеологизмы. Наибольшее количество фразеологизмов с компонентом «сердце» принадлежит к глагольному разряду. Исследованные нами единицы чаще всего имеют эмоционально-оценочную коннотацию, что объясняется традиционным восприятием сердца как органа, управляющего чувствами, эмоциями.

Список литературы

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
2. Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: ике томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 1 т. 495 б.
3. Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: ике томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. 2 т. 365 б.
4. Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. Казан: Мәгариф, 2001. 335 б.
5. Kamaeva R.B. National cultural specifies of representing in the Siction work translation // Life Sci J. 2014. № 11(10). С. 653–656.
6. Зливко С.Д., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Кодификация узуальных и речевых особенностей употребления иноязычных неологизмов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 3–3. С. 151–159.
7. Magsumov T.A. Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia // Журнал министерства народного просвещения. 2014. № 1 (1). С. 12–20.

References

1. Teliya V.N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul`turologicheskij aspekty` [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: «Yazy`ki russkoj kul`tury`».
2. Isənbət N. (1989). Tatar teleneң frazeologik sүzlege: ike tomda [Phraseological dictionary of the Tatar language: in 2 vol.]. Vol 1. Kazan: Tatar. kit. nəshr.
3. Isənbət N. (1990). Tatar teleneң frazeologik sүzlege: ike tomda [Phraseological dictionary of the Tatar language: in 2 vol.]. Vol 2. Kazan: Tatar. kit. nəshr.
4. Safiullina F.S. (2001). Tatarcha-ruscha frazeologik sүzlek [Tatar-Russian Phraseological dictionary]. Kazan: Məgarif.
5. Kamaeva R.B. (2014). National cultural specifies of representing in the Siction work translation. *Life Sci J*, 11(10): 653–656.

6. Zlivko S.D., Magsumov T.A., Maksimov Ya.A. (2018) Codification of usual (lexicographical) and speech features of the use of foreign-language neologisms. *Russian Journal of Humanities*, 10 (3–3): 151–159.
7. Magsumov, T.A. (2014). Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1 (1): 12–20.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Габидуллина Фарида Имамутдиновна, доцент, кандидат филологических наук
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, 423604, Российская Федерация
farida-vip@mail.ru

Насипов Илшат Сахиятуллович, доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, 450000, Российская Федерация
nasipov2004@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gabidullina Farida Imamutdinovna, Associate Professor, PhD in Philology
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya st., Elabuga, 423604, Russian Federation
farida-vip@mail.ru

Nasipov Ilshat Sahiyatullovich, Professor, Dr in Philology
Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla
3-A, Oktyabrskaya revolution str., Ufa, 450000, Russian Federation
nasipov2004@rambler.ru

УДК 82.091

СТРУКТУРНО-ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «УРОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ» Г. ТУКАЯ

Галимзянова Э.М., Файзуллина Ф.Г.

В статье исследуется хрестоматия Г. Тукая «Уроки национальной литературы в школе». Устанавливаются принципы отбора материала, анализируется структура хрестоматии и жанровый состав включенных в нее произведений. Определяется связь хрестоматии Г. Тукая с хрестоматиями татарских и русских авторов XIX–XX вв.

Ключевые слова: *Габдулла Тукай; татарская литература; хрестоматия; дидактика; образование.*

STRUCTURAL-GENRE FEATURES «LESSONS OF NATIONAL LITERATURE SCHOOL» G. TUKAY

Galimzynova E.M., Fayzullina F.G.

The article focuses on the anthology of G. Tukay "Lessons of Russian literature at school". The principles of material selection are established, the structure of the anthology and genre composition of the works included in it are analyzed. The connection of G. Tukai›s anthology with the anthologies of Tatar and Russian authors of XIX–XX centuries is determined.

Keywords: *Gabdulla Tukay; Tatar literature; reader; didactics; education.*

Введение

В современном татарском литературоведении актуальным остается вопрос о развитии литературно-эстетической мысли у татар. В исследовании Д.Ф. Загидуллиной «Литературные законы и время»

(«Әдәбият кануннары һәм заман») подчеркивается роль татарских учебных заведений (медресе) в становлении литературной теории в национальной литературе [2, с. 112–133]. Учебные пособия и хрестоматии, предназначенные для преподавания литературы, не только формировали у учащихся знания в области литературоведения и татарской литературы, но и являлись источниками по литературной теории. В этой связи значительный интерес представляет вопрос о взаимодействии дидактического и литературоведческого дискурсов в таких хрестоматиях. Цель данной статьи – определить структурно-жанровые особенности учебного пособия Габдуллы Тукая “Уроки национальной литературы в школе”.

Материалы и методы исследования

Основным материалом исследования является созданная Г. Тукаем в 1910 году хрестоматия «Уроки национальной литературы в школе”. Данная хрестоматия рассматривается в контексте ранее создававшихся работ этого жанра (сравнительный анализ хрестоматии Г. Тукая с хрестоматиями XIX века), а также с функциональной точки зрения (анализируются отбор материала для хрестоматии, ее структура, как метод реализации познавательной и дидактической функций).

Результаты исследования

Установлено, что просветительский дискурс в литературной деятельности Габдуллы Тукая проявлялся не только в области художественного творчества: одной из сфер ее проявления была педагогика [3, с. 280–289; 4]. Педагогическая деятельность Г. Тукая определялась процессами, которые происходили в общественно-политической и культурной жизни татар в начале XX века: реформами в области национального образования, одним из проявлений которых стало включение в программы мектебов и медресе уроков татарского языка и литературы. В связи с этим встает вопрос о необходимости создания новых учебных пособий и хрестоматий.

Первые татарские хрестоматии появляются уже в середине XIX века. В 1842 году М. Ивановым была издана «Татарская хрестома-

тия», в которую были включены произведения устного народного творчества. Также в него вошли басни И. Крылова, переведенные на татарский язык, различные статьи по истории, географии и др. наукам. В 1859 году был издан «Диване хикәяте татар» («Сборник татарских хикаятов»), составленный С. Кукляшевым.

Вторая половина XIX века была ознаменована появлением целого ряда хрестоматий, составленных видными татарскими учеными и отдельными русскими востоковедами: «Буш вакыт» («Свободное время», 1868) К. Насыри, «Белек» (1872) В. Радлова, «Хикәят вә мәкаләт» («Хикаяты и пословицы», 1890) Х. Фаезханова, «Тәнбиһес-сыйбиян» («Заучивание наизусть для детей», 1898) Г. Рахманкулыя. Это были сборники дидактического характера, включавшие самые разные произведения (включенные в эти хрестоматии материалы не дифференцировались по возрастному принципу).

«Уроки национальной литературы в школе» Г. Тукая на этом фоне представляет собой хрестоматию нового типа, созданную для учащихся средних классов. При ее составлении Тукай опирался на хрестоматию А. Острогорского «Живое слово», изданную в 1907 году в Петербурге. Укажем в этой связи, что изданный ранее сборник Г. Тукая «Яңа кыйраәт» («Новое чтение», 1909), составленный из собственных произведений поэта, основывался на опыте русских авторов: К. Ушинского и Л. Толстого.

Примечательно, что отдельные известные деятели татарской литературы критиковали Г. Тукая за дидактизм, которым, по их мнению, руководствовался составитель хрестоматии. В частности, Г. Ибрагимов, указывает на то, что составитель хрестоматии должен был руководствоваться критериями национального содержания и высокой художественности включаемых в нее материалов. Каждое отобранное для хрестоматии произведение, как пишет Г. Ибрагимов, «будучи художественным, не должно быть назидательным; должно быть понятным, соответствовать духу ребенка, и самое важное – должно пробуждать в нем прекрасные чувства и побуждения» [1].

Включенные в хрестоматию отрывки из произведений татарских писателей, а также небольшие рассказы свидетельствуют о том, что

в отборе материала Тукай руководствовался не только эстетическим критерием, но в первую очередь репрезентативностью текстов в отражении национальной жизни. В частности, в хрестоматию включены отрывки из рассказов Ф. Амирхана «Татар кызы» («Татарка»), Ф. Карими «Салих бабайның өйләнүе» («Женитьба Салих-бабая»), из романа Г. Исхаки «Теләнче кызы» («Нищенка») – «Сәгадәтнең авылдагы тормышы» («Жизнь Сагадат в деревне») и др.

Среди включенных в хрестоматию стихотворений – собственные произведения Г. Тукая, также М. Гафури, М. Укмаси, С. Рамеева и др.

Материалы хрестоматии разнообразны по жанровому составу. Помимо художественных произведений, Г. Тукай включает в сборник биографии отдельных деятелей татарской культуры (З.Бигиева, З.Акчуриной-Гаспринской, Г.Баруди) и свою автобиографическую повесть «Исемдә калганнар» («Что я помню о себе»).

Кроме того, хрестоматия содержит материалы по истории и географии.

Наряду с произведениями татарских писателей Г.Тукай включает в свою хрестоматию переведенные на татарский язык произведения русских и зарубежных авторов: В. Радлова («Ночь», отрывок «Облака» из произведения «Соловей»), Г.-Х. Андерсена («Сказка о гадком утенке» в переводе Ф. Амирхана).

Включенные в хрестоматию образцы татарского фольклора (собранные К. Насыри) способствуют формированию у учащихся представлений о народном творчестве у татар, а также об особенностях народного мировосприятия.

Выводы

Хрестоматия Г. Тукая «Уроки национальной литературы в школе» в сравнении с ранее изданными образцами сочинений этого жанра представляет собой новое явление, обусловленное культурно-историческим контекстом (начало XX века как время глубинных изменений в татарской культуре, ее секуляризации, подъема национального самосознания у татар, становления новой системы национального образования). Хрестоматия Г. Тукая, соединяя в себе сочинения различных жанров и дискурсов (художественный,

исторический, биографический), ориентировано на решение познавательных, воспитательных и эстетических задач. Взяв за основу хрестоматии русских авторов, Г. Тукай стремится к решению ментально-ориентированных задач: представить учащимся татарских медресе национальную картину мира в ее историческом, ландшафтном, психологическом проявлениях и одновременно привить через литературу нравственно-этические ценности татарского народа.

Список литературы

1. Габди. «Мәктәптә милли әдәбият дәресләре» // Йолдыз. 1911. 4 гыйнвар.
2. Заһидуллина Д. Әдәбият кануннары һәм заман (Татар әдәбият нәзариясенең барлыкка килүе һәм үсеш баскычлары). Казан: Татар. китап нәшр., 2000. Б. 112–133.
3. Заһидуллина Д. Тукайның методик-педагогик карашлары // Тукай һәм XX гасыр мәдәнияте (Шагыйрьнең 110 еллыгына багышланган халыкара конференция материаллары). Казан, 1997. Б. 280–289.
4. Туишев Ю.Г. Тукайның кайбер педагогик карашлары // Совет мәктәбе. 1961. № 4.
5. Тукаев Г. Мәктәптә милли әдәбият дәресләре. Казан: «Мәгариф», 1910. 144 б.

References

1. Gabdi (1911). Mektepte milli edebiyat dereslere [National literature lessons at school]. *Yulduz [Star]*, 4 yanvar.
2. Zagidullina D. (2000). *Edebiyat kanunnari hem zaman [Literary laws and time]*. Kazan: Tatar. kit. neshr.
3. Zagidullina D. (1997). Tukaynin metodik-pedogogik karashlari [Methodical-pedagogical views Tukay] // *Tukay and spiritual culture of the XX century (Materials of the scientific conference dedicated to the 110th anniversary of Tukay)*. Kazan, pp. 280–289.
4. Tuishev U. (1961). G. Tukaynin kaiber pedogogik karashlari [. Some pedagogical views of Tukay]. *Sovet mektebe [Soviet shool]*, 4.
5. Tukayev G. (1910). *Mektepte milli edebiyat dereslere [National literature lessons at school]*. Kazan: «Megarif».

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Галимзянова Эльмера Махмутовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
ул. К. Маркса, 12, г. Казань, 420111, Российская Федерация
elmera.galimzyanova@mail.ru

Файзуллина Фания Галимулловна, научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
ул. К. Маркса, 12, г. Казань, 420111, Российская Федерация
fania.f@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Galimzynova Elmera Mahmutovna, Ph. D. in Philology, Senior Researcher
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
K. Marx str., 12, Kazan, 420111, Russian Federation
elmera.galimzyanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2639-8921

Fayzullina Faniya Galimullovna, Researcher
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
K. Marx str., 12, Kazan, 420111, Russian Federation
fania.f@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9605-131X

УДК 81'11

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ», «СЛОВАРЬ» И «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»

Гафиятова Э.В.

Цель. *В статье предложено авторское понимание основных категорий современной социолектологии: профессиональная коммуникация, словарь профессионального языка и профессиональная языковая личность. Цель исследования – выявить определения понятий «профессиональная коммуникация», «словарь» и «языковая личность».*

Метод или методология проведения работы. *Показано, что успех коммуникации в профессиональном сообществе определяется степенью коммуникативной компетентности агентов профессионального сообщества. Коммуникативная компетентность профессиональной языковой личности, в свою очередь, определяется рядом параметров, зависимых от полноты вербально-семантического и тезаурусного уровней, а также особенностей прагмалингвистического уровня языковой личности.*

Результаты. *Современный словарь профессионального языка как дескриптивный включает толкования не только кодифицированной, но и некодифицированной составляющей языка, а также специфику функционирования в профессиональном и институциональном дискурсах.*

Ключевые слова: *языковая личность; словарный запас; словарь, социолектография, структура словаря.*

TO THE DEFINITION OF NOTIONS "PROFESSIONAL COMMUNICATION", "DICTIONARY" AND "LANGUAGE PERSONALITY"

Gafiyatova E.V.

Purpose. *The article proposed the author's understanding of the main categories of modern social dialectology: professional communication,*

vocabulary of professional language and professional language personality. The purpose of the study is to identify the definitions of the concepts "professional communication", "vocabulary" and "language personality".

Method or methodology of the work. *It is shown that the success of communication in the professional community is determined by the degree of communicative competence of the professional community agents. Communicative competence of a professional linguistic personality is determined by a number of parameters dependent on the completeness of the verbal semantic and thesaurus levels, as well as the peculiarities of the pragmalinguistic level of the linguistic personality.*

Results. *The modern vocabulary of professional language as a descriptive includes the interpretation of not only the codified, but also the non-codified component of the language, as well as the specifics of functioning in professional and institutional discourses.*

Keywords: *language personality; lexicon; dictionary, sociolectography, dictionary structure.*

Введение

Деление профессий на «лингвоемкие» (или «лингвоактивные») и «нелингвоемкие» [1] – новая тема современной лингвистики, возникновение которой связано с такими проблемами социолектологии, как проблема языковой личности, проблема профессиональной коммуникации и профессионального словаря. Их связь и взаимозависимость очевидны, поскольку описание одной из них предполагает обращение к двум другим. На обширном языковом материале доказано, что диглоссия профессиональной языковой личности не является абсолютной, а сама профессиональная языковая личность проявляется во всех сферах коммуникации, не только институциональном дискурсе, но бытийном и даже бытовом [2]. В рамках современной научной парадигмы языковая личность характеризуется как личность, участвующая в «обмене информацией между индивидами посредством общей системы символов (знаков), языковых знаков» [3]. При этом вопросы манифестации языковой личности

в профессиональном (агент – агент) и институциональном (агент – клиент) дискурсах по-прежнему остаются неизученными. При этом было бы ошибочным утверждать, что проблема взаимозависимости языковой личности и ее готовности к коммуникации, т.е. «коммуникативной компетентности» не изучалась вообще. Например, классификация языковых личностей (далее ЯЛ) О.Б. Сиротининой основана на наличии у ЯЛ речевой культуры, понимаемой как «степень приближения языкового сознания индивидуума к идеальной полноте языкового богатства в том или ином виде языка» [4, с. 7]. Все ЯЛ О.Б.Сиротинина делит на шесть типов: элитарная, среднелитературная, литературно-разговорная, (4) фамильярно-разговорная, (5) просторечная, народно-речевая. Классификация В.П. Нерознак и И.И. Халеевой включает два типа ЯЛ: стандартная ЯЛ как носитель некой усредненной нормы литературного языка, и нестандартная ЯЛ, в дискурсе которой обнаруживаются отклонения от общепринятых норм [5].

Считается, что эффективная коммуникация профессионалов зависит от трех составляющих: коммуникативной компетентности, социальной перцепции и интеракции [6–8]. При этом коммуникативная компетентность участников коммуникации включает лингвистическую и социокультурную компетенции и связана, с одной стороны, со способностью восприятия (принятия/ понимания) и передачи информации, а, с другой стороны, со способностью использовать различные средства, как вербальные, так и невербальные. Считается, что показателем высокого уровня коммуникативной компетентности является способность ЯЛ влиять на коммуникативную ситуацию. Очевидно, что ЯЛ такого уровня способна использовать широкий спектр языковых средств и выбирать рациональные стратегии поведения. Основные коммуникативной стратегии личности, разработанные и описанные в отечественной лингвистики, включают инвективную, куртуазную и рационально-эвристическую [9]. Показано, что профессиональная языковая личность традиционно выбирает рационально-эвристическую стратегию, опирающуюся на здравомыслие и использующую как прямые,

так и косвенные способы воздействия на адресата [10]. При этом допустимым, а в ряде случаев и обязательным, является и переключение регистров и кодов, т.е. использование языковых средств широкого спектра [11].

Для профессиональной коммуникации весьма значимой является также и социокультурная компетентность участников коммуникации. Под социокультурной компетенцией профессиональной языковой личности в представленной работе подразумевается такая совокупность качеств, которая обуславливает успешность выполнения профессиональных задач, включающих в каждой конкретной ситуации способность мобилизовать имеющиеся знания и опыт [12]; «систему информации о наиболее существенных сторонах жизни и деятельности человека, обеспечивающих его полноценное социальное бытие» [13]. Социокультурная компетенция профессиональной языковой личности предполагает наличие достаточного уровня знаний и навыков о профессиональной культуре, а также знание и соблюдение норм, принятых в различных сферах профессиональной коммуникации, постоянный учет широкого спектра контекстов общения, а также степени формальности общения. В более узком понимании профессиональная компетентность трактуется как качества языковой личности, обладающей такими знаниями и такой профессиональной квалификацией в определенной области, которые позволяют данной языковой личности не только реализовывать определенную профессиональную деятельность, но использовать широкий спектр знаний, умений, навыков и компетенций [14].

Компетентность профессиональной языковой личности предполагает умение правильно использовать широкий спектр языковых средств, включая как кодифицированную составляющую, так и некодифицированную составляющую профессионального языка. При этом значимой является «профессиональная диглоссия», т.е. способность в зависимости от ситуации или сферы общения использовать более одной подсистемы одного национального языка [15, 16]. В данном случае речь идет об использовании языковых средств как общенационального, так и профессионального языка, а

в последнем – как единиц как профессионального стандарта, так и субстандарта. Таким образом, аккультурация языковой личности в профессиональном социуме предполагает освоение как профессионального стандарта (термины и номены), так и профессионального субстандарта (профессионализмы и жаргонизмы).

Материалы и методы

Проблемы лексикографического (а точнее – терминографического) описания различных профессиональных сфер сохраняют свою значимость и привлекают внимание отечественных и зарубежных ученых [17–21]. В последние десятилетия разработаны и используются общие для термино- и социолектографии методологические принципы, такие как системность, дескриптивность (в сочетании с нормативностью), междиплинарность, антропоцентризм, функционализм, экспланатарность [8]. Однако создание словников и словарей субстандартных языковых средств профессиональных языков, которые находят свое применение в условиях неофициального общения, по-прежнему остается лексикографической нишей. Причины такого положения дел очевидны: фиксация и семантизация единиц профессионального субстандарта предполагают высокую профессиональную и социокультурную компетентность лексикографа. В качестве основополагающих при фиксации единиц кодифицированной и некодифицированной составляющих профессионального подъязыка в современной социолектологии используются следующие постулаты:

1. Постулат системности. В основе профессионального словаря лежит логико-понятийная схема профессиональной области [22; 23]. Профессиональному языку как системе, включающей две группы единиц (кодифицированные и некодифицированные) должен соответствовать профессиональный словарь, содержащий как стандартные, так и субстандартные единицы, т.е. словарь фиксирует весь тезаурус профессионального языка, как стандартный (кодифицированный), так и субстандартный (некодифицированный). Кодификация при этом трактуется как «постижение и обнаружение нормы» [24]. Исключение составляют номены, абстрактные и условные

символы, которые обозначают конкретные и единичные референты [25][1]. Словник словаря профессионального языка может содержать ряд единиц, используемых в междисциплинарном дискурсе.

2. Постулат синхронности и употребительности (частотности). Профессиональный словарь содержит единицы, используемые профессиональным сообществом в определенный период своего развития. Границы словаря и «отсеивание» случайных языковых единиц обеспечивается только на основе корпусного подхода [28; 29]. Показательно, что современные терминологические ГОСТы содержат так называемые неофициальные термины (кряж (деревообработка) [30], т.е. единицы, утратившие статус нормативных. Например, в ГОСТ 17462–84, опубликованном в 1989 г., термин **кряж** был зафиксирован как неофициальный, а вместо него рекомендовано использовать термин **бревно.** Во всех предыдущих ГОСТах данная языковая единица фиксировалась как нормативная [31]. В настоящее время как в профессиональном, так и институциональном дискурсе лесного дела по-прежнему функционируют обе языковые единицы, а различия в их семантике специалистами оцениваются как существенные: «*В общем смысле, бревно – это очищенный от сучьев и веток ствол дерева, который используется для строительства. Отличается от* ***кряжа*** *тем, что получается из верхней части ствола, тогда как кряж производится преимущественно из нижней части*» [32].

3. Постулат функциональности. Словарь профессионального языка как дескриптивный имеет своей целью наиболее полную фиксацию не только профессиональной лексики, но и способов ее употребления. Каждая лемма словаря сопровождается таким коли-

[1] Номен традиционно включает графемную и цифровую часть: графемная часть содержит указание на родовой признак референта, а цифровая часть есть представление основных технических характеристик рефрерента [26]. Профессиональный дискурс содержит целый ряд такого рода единиц. Например, ф. 1-ЛСПХ, сведения о выполнении работ по лесному семеноводству и улучшения плодородия лесных почв, ф. № 1-ЛХ, статистические сведения о воспроизводстве лесов и лесоразведении; ф. № 14-ОИП статистические сведения о вводе молодняков в категорию хозяйственно-ценных насаждений и переводе лесных культур в покрытые лесом [27].

чеством иллюстраций ее использования в профессиональном и институциональном дискурсах, которые необходимы и достаточны для представления: (а) функций данной языковой единицы в предложении; (б) дополнительных потенциальных смыслов, развиваемых данной языковой единицей в дискурсе. Таким образом, словарь профессионального языка выполняет две важные функции: I. Справочную (информативную) функцию, которая предполагает использование словаря как источник информации об определенной сфере деятельности; II. Социальную функцию, позволяющую моделировать коммуникативное поведение ЯЛ при ее аккультурации в социуме [33].

Показательно, что в ряде случаев современный профессиональный дискурс расширяет рамки функционирования единиц, установленные словарями. Например, терминологические словари фиксируют исключительно множественное число термина ***балансы***, утверждая, что термин ***баланс*** не употребляется [34; 35]. Однако профессиональный дискурс демонстрирует функционирование обеих форм: «*Экспортная цена на балансы хвойные (Ø8–13 см, длина 2 м) составляет 28–30 EUR/кубм (280–300 грн/кубм) на условиях поставки DAF (CPT)» [36]. «В больших количествах хвойный* ***баланс*** *закупают бумажные и целлюлозные фабрики"* [37]. *«Продаем* ***баланс*** *сосны менее 12 см не более 18»* [38].

Функции нормативных словарей в профессиональной области выполняют терминологические ГОСТы [39–42], поскольку именно в них фиксируются исключительно стандартизированные формы единиц, используемых в профессиональной коммуникации, а также их толкование.

Результаты

Рассмотрим модель профессионального словаря на примере *Словаря лесного хозяйства*, источником терминологического, лексического и фразеологического материала которого явились лексикографические источники (более 80 словарей и словников), средства массовой коммуникации, произведения художественной литературы (более 170 наименований), а также анкеты информан-

тов – специалистов, владеющих стереотипами профессионального дискурса (лесники и студенты лесотехнических высших и средних учебных заведений), общий объем которых составил 22, 5 п.л.

В соответствии с задачами в словник словаря должны входить термины, а также профессионализмы и жаргонизмы. Номены в словарь не вошли. Во всех случаях функционально-стилистическая зона словарной статьи представляет указание на регистр использования единицы. Например, **shrubland,** *сущ.* [43] *терм.* местность, покрытая кустарниками, "*A* ***shrubland*** *is a specific type of ecosystem, which is identified by its large amount of shrubs and shrub-like plants. Other plants found within* ***shrubland*** *habitats include grasses, bushes, and other herbaceous plants"* [44]. *Western Australia's* ***shrublands*** *have many similarities with rangeland elsewhere such as the Russian steppes, the veldt of South Africa and the plains of America, but tend to be more ancient, less fertile and flatter than most* [45]. – **forest** *сущ.* [43] *терм.* лес ◊**boreal forest**[1] бореальный лес, лес бореальной зоны, тайга, лес с преобладанием хвойных пород деревьев (располагается в северной умеренно-влажной географической зоне, северный лес. "*What you might not know is that it is called the "****boreal forest****" and that it makes up almost one third of the world's forests."* [46]. "*The* ***boreal forest*** *is named after Boreas, the Greek god of the North wind"* [47]. Как видим, многословные единицы размещаются в одной словарной статье с главным словом. При этом словарь фиксирует данное словосочетание и в алфавитном порядке первого слова, однако словосочетание не семантизируется, но дается указание на толкование в соответствующей статье. Например, **boreal forest** см. **forest.** В структуре словарной статьи представляемого словаря выделяем семь зон: 1. Лемма/ заголовочное слово (заглавная форма слова); 2. Грамматическая зона (для однословных единиц); 3. зона шифров (паспортизация, указание на источник); 4. Функционально-стилистическая зона; 5. Зона значения, семантизация; 6. Зона локального контекста; 7. Зона комментариев (факультативная).

Каждая словарная статья в «Русском словаре лесного хозяйства» также содержит семь зон. Например, **кряж**, *сущ.* [35] *неофиц.* Тол-

[1] ◊ (ромб) вводит однословные и многословные дериваты заголовочного слова.

стый короткий отрезок ствола дерева длиной, как правило, не более 2 м., используемый для изготовления фанерного шпона, тары, лыж и т.д. «***Кряж*** *должен быть заготовлен из растущих деревьев. Не допускается поставка* ***кряжа****, заготовленного из сухостойных (засохших на корню, без коры или с отслаивающейся корой, с трещинами усушки, с синевой или с червоточиной) деревьев». «****Кряжи*** *и маркировка кряжей не должны содержать уголь, сажу, металл и пластик*» [48]. ◊ **фанерный кряж** *неофиц.*, круглый лесоматериал для выработки лущеного шпона, фанеры и строганного шпона. «***Фанерный кряж*** *диаметром 18 см допускается в количестве не более 10% от поставляемой партии*». «**Фанерный кряж** *является наиболее покупаемым, так как из него делают шпон, необходимый для изготовления фанеры и других лесоматериалов*» [49]. *тж.* фанкряж ◊ **резонансный кряж** *неофиц.*, круглый лесоматериал для выработки резонансных пиломатериалов. ◊ **спичечный кряж***,* круглый лесоматериал для выработки спичек.

Значительно в меньшем объеме в словарях лесного хозяйства фиксируются субстандартные единицы. Например, **whistle punk,** [50], сигнальщик на лебёдочной трелёвке *"A good* ***whistle punk*** *had to be alert and think fast as the safety of the others depended on* him" [50]. "*..while the* ***whistle punk*** gave the signals telling who to do what how fast in order to move each log as rapidly as possible. "*Some of the ex-loggers also called me a punk, or* **whistle punk** *If someone seemed reluctant to go aloft, an old timer snorted, "Get your ass up there, punk, come down with the hammer. We don't care how you drop!" (Interview, April 12, 1983)"* [цит. по: 51, с. 361].

В русском языке: **сотка,** сущ [52], разг. трелевочный трактор ТЛТ100 «**Т-100** (*разг. –«сотка*») – советский промышленный гусеничный трактор, выпускавшийся Челябинским тракторным заводом с 1963 по 1977 годы» [52]. *«По своей сути, трактор Т-100 – это сильно переработанная машина С-100. Только в отличие от своего прототипа, «****сотка****» была более мощной и функциональной» [53]. «Трактор Т 130, который часто называют Т-100 или даже С-100 – в народе Трактор «****Сотка****»»* [54].

Парикмахер, *сущ.* [55] разг. шутл. обрубщик сучьев, «*Сегодня инструмент «**парикмахера**» – это легкая полупрофессиональная бензопила, которая позволяет работнику намного быстрее выполнять свою работу, нежели топор, не отличается большим весом, как у вальщика и раскряжевщика*» [55]. «Парикмахеру» не требуется особых знаний в своём ремесле, работа не требует высокой ответственности и строгой последовательности [56]. ◊ **дятел-парикмахер**, сущ. [56] шутл. бензопила «Крона-202». «*Давно известна машина «**Дятел-парикмахер**» с устройством на конце стрелы, предназначенным для срезания стволов на любой высоте*» [56, с. 165].

Заключение (выводы)

Качество современного словаря профессионального языка определяется рядом параметров: полнота охвата используемой в профессионально ориентированном дискурсе лексики; точность семантизации входящих в него лемм; характеристика использования в дискурсе. Все зафиксированные в словаре единицы должны иметь функционально-стилистические пометы, характеризующие специфику функционирования данной единицы в дискурсе. Важным является снабжение каждой словарной единицы указанием на более раннюю фиксацию в лексикографическом издании, официальном документе, ГОСТе или на страницах средств массовой коммуникации.

Список литературы

1. Бочкова Л.Г., Наумова Е.В. Врач лингвоактивная профессия // ВМУ. 2007. №4(80)
2. Солнышкина М.И., Тагирова Л.И. Двуязычная социолектография: состояние и проблемы// Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 4(34). С. 125–132.
3. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. Нижний Тагил, 2006. 146 с.
4. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово: межвуз. сборник посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина. Н. Новгород, 1997. С. 7–12.

5. Нерознак В.П., Халеева И.И. Языковая личность // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. М., 2005. С. 587–591.
6. Бодалев А.А. Личность и общение: Избр. психол. тр. М., 1995.
7. Деркач А.А., Куликова Е.В., Селезнева Е.В. Акмеологические основания развития профессиональной компетентности кадров управления. Псков, 2007. 113 с.
8. Солнышкина М.И., Тагирова Л.И. Прагмалингвистическая норма профессионального субстандарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1 (20). С. 51–5.
9. Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической кофликтологии. URL: http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/ (дата обращения 12.01.2015).
10. Солнышкина М.И., Казачкова М.Б., Калинкина Т.Е. Эклектика институционального дискурса: норма или нарушение? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-1 (54). С. 164–168.
11. Солнышкина М.И., Гафиятова Э.В. Регистровые швы профессиональной коммуникации. // Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Conference proceedings. Отв. ред. О.В. Александрова. 2015. С. 80–84.
12. Шишов С.Е., Кальней В.А. Школа: мониторинг качества образования. М.: Пед. об-во России, 2000. 320 с
13. Нестеров В.В., Белкин А.С. Педагогическая компетентность / Отв. за вып. В.Ю. Банных. Екатеринбург: Учебная книга, 2003. 186 с.
14. Зеер Э. Ф. Психология профессий: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
15. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М.: Изд-во МГУ, 1969.
16. Солнышкина М.И. Межъязыковая и межкультурная асимметрия структуры профессиональной языковой личности. // III Меж. Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания труды и материалы. 2006. С. 254–257.
17. Solnyshkina M., Gafiyatova E. Modern forestry English: macro- and microstructure of low register dictionary // Journal of Language and Literature. 2014. Т. 5. № 4. С. 220–224.

18. Лесной словарь: ч. 1–3: составлен в Департаменте корабельных лесов. Санкт-Петербург: в привилегированной типографии Фишера, 1843–1845. URL: https://www.prlib.ru/item/681562 (дата обращения 25.01.2019).
19. Словарь лесных терминов. URL: http://www.wood.ru/ru/ster12.html (дата обращения 25.01.2019).
20. Словарь лесных терминов. URL: http://forestforum.ru/voc.php (дата обращения 25.01.2019).
21. Предварительное возобновление леса. URL: http://wood-prom.ru/slovar/lesovodstvo/predvaritelnoe-vozobnovlenie-lesa (дата обращения 25.01.2019).
22. Авербух К.Я., Карпова О.М. Лексические и фразеологические аспекты перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 176 с.
23. Карпова О. М., Щербакова Е. В. PR: проблемы терминографического описания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 184 с.
24. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой. М.: 391 с.
25. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. 1939. Т. V. С. 3–54.
26. Александрова Г.Н. Соотношение знаковой структуры и функций терминологических и квази-терминологических языковых единиц: автореф. дис. … канд. филол. наук: Самара, 2006. 25 с.
27. Васильева Е.А., Горланова Т.И. Примерная номенклатура дел для лесничеств Чувашской Республики. URL: http://gasi.culture21.ru/Userfiles/gasi/file/89228b89-b4a0-437f-96d1 cd9c70a8ac47/2.pdf (дата обращения 15.02.2019)
28. Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь. М.: ЛИБРОКОМ. 2009. 224 с.
29. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
30. Академик. Википедия. Кряж (деревообработка) URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1814661#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8 (дата обращения 25.01.2019).

31. ГОСТ 9462 – 71 Лесоматериалы круглые лиственных пород. Размеры и технические требования. URL: http://dendrology.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st011.shtml (дата обращения 13.02.2019).
32. Разновидности бревен. URL: https://arhdom.com/articles/brevno (дата обращения 13.02.2019).
33. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дисс….д-ра филол. наук. Тюмень, 2001. 155 с.
34. Первый лесопромышленный портал. URL: http://www.wood.ru/ru/ster03.html (дата обращения 13.02.2019).
35. List of Russian Forest Terms Not Immediately Translatable URL: http://roslesvesti.ru/wp-content/uploads/2017/01/30-nov-16-RU-EN-Forest-Glossary_copy.pdf (дата обращения 13.02.2019).
36. ALLBIZ. URL: https://ua.all.biz/les-kruglyj-dub-pilovochnik-dub-1-2-3-sort-kupit-v-g2838778 (дата обращения 13.02.2019).
37. Торговый дом Кострома. URL: http://tdkos.ru (дата обращения 13.02.2019).
38. Лесная биржа. URL: http://www.palki.ru/les2020/sell/mat4/page2.html (дата обращения 13.02.2019).
39. ГОСТ Р 57938-2017. Лесное хозяйство. Термины и определения. URL: https://allgosts.ru/65/020/gost_r_57938-2017 (дата обращения 13.01.2019).
40. ГОСТ 29008-91 (ИСО 6814-83). Машины для лесного хозяйства мобильные и самоходные. URL:https://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_29008-91 (дата обращения 13.02.2019).
41. ГОСТ 21507-2013 Защита растении. Термины и определения. URL:http://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293771/4293771090.pdf (дата обращения 13.02.2019).
42. Compilation of Forestry Terms and Definitions URL:https://www.efi.int/sites/default/files/files/publication-bank/2018/ir_06.pdf (дата обращения 13.02.2019).
43. What is a Shrubland? URL: https://www.worldatlas.com/articles/what-is-a-shrubland.html (дата обращения 13.02.2019).
44. Burnside D., Holm A., Payne A., Wilson G. Reading the rangeland: a guide to the arid shrublands of Western Australia. Department of Agriculture and Food, Western Australia, Perth. Book, 1995. 140 p. URL: https://research-

library.agric.wa.gov.au/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1001&context=pubns (дата обращения 13.02.2019).
45. Boreal Forest. URL: http://www.hww.ca/en/wild-spaces/boreal-forest.html (дата обращения 13.02.2019).
46. 30 fascinating facts about the boreal forest. URL: https://www.treehugger.com/natural-sciences/30-fascinating-facts-about-the-boreal-forest.html (дата обращения 13.02.2019).
47. Технические требования к березовому фанерному кряжу. URL:http://trade-eco.ru/vidyi-zakupaemyih-materialov/tehnicheskie-trebovaniya-k-berezovomu-fanernomu-kryazhu/ (дата обращения 13.02.2019).
48. Фанерный кряж. URL:http://www.ssa.ru/articles/entry/0827e4300 (дата обращения 13.02.2019).
49. Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/whistle%20punk (дата обращения 13.02.2019).
50. Lumberjack. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Lumberjack (дата обращения 13.02.2019).
51. Green Archie. Putting Laborlore to Work, Wobblies, Pile Butts and other Labor Heroes: Laborlore Explorations. Champaign: University of Illinois Press: 1994, pp. 13–34.
52. Т-100 (трактор) // Википедия URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2-100_(%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80) (дата обращения 13.02.2019).
53. Технические особенности трактора Т-100 и его модификаций // fermerznaet.com. Фермер знает. Сельскохозяйственный интернет журнал. URL: http://fermerznaet.com/selhoztehnika/traktor/t-100.html (дата обращения 15.02.2019).
54. Трактор ТДТ-55// ustroistvo-avtomobilya.ru. Устройство автомобиля. URL: https://ustroistvo-avtomobilya.ru/traktora/traktor-tdt-55/ (дата обращения 15.02.2019).
55. Обрубщик сучьев // lesorubles.ru. Лесоруб. Блог о лесопользовании, 2019. URL: http://lesorubles.ru/rabotniki-lesa/obrubshhik-suchev (дата обращения: 15.02.2019).
56. Мартынов А.Н., Мельников Е.С., Ковязин В.Ф., Аникин А.С., Минаев В.Н., Беляева Н.В. Основы лесного хозяйства и таксация леса: Уч. пос. для студентов направления 250300 «Технология и обору-

дование лесозаготовительного и деревообрабатывающего производств» и специальности 120303 «Городской кадастр». СПб.: ООО Изд-во «Лань», 2008. 372 с.

References

1. Bochkova L.G., Naumova E.V. Vrach lingvoaktivnaya professiya [Doctor linguistic profession] // VMU. 2007. №4(80).
2. Solnyshkina M.I., Tagirova L.I. Dvuyazychnaya sociolektografiya: sostoyanie i problem [Bilingual Sociolectography: Status and Problems] // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2013. № 4(34). S. 125–132.
3. Oleshkov M. Yu. Osnovy funkcional'noj lingvistiki: diskursivnyj aspect [Basics of functional linguistics: the discursive aspect]. Nizhnij Tagil, 2006. 146 s.
4. Sirotinina O.B. Yazykovaya lichnost' i faktory, vliyayushchie na ee stanovlenie [Language personality and factors influencing its formation] //Termin i slovo: mezhvuz. sbornik posvyashch. 80-letiyu prof. B.N. Golovina. N. Novgorod, 1997. S. 7–12.
5. Neroznak V.P., Haleeva I.I. YAzykovaya lichnost' [Linguistic identity] //EHffektivnaya kommunikaciya: istoriya, teoriya, praktika: slovar'-spravochnik. M., 2005. S. 587–591.
6. Bodalev A. A. Lichnost' i obshchenie [Personality and communication]: Izbr. psihol. tr. M., 1995
7. Derkach A.A., Kulikova E.V., Selezneva E.V. Akmeologicheskie osnovaniya razvitiya professional'noj kompetentnosti kadrov upravleniya [Acmeological basis for the development of professional competence of management personnel]. Pskov, 2007. 113 s.
8. Solnyshkina M.I., Tagirova L.I. Pragmalingvisticheskaya norma professional'nogo substandarta [Pragmalinguistic norm of professional substandard]//Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2014. № 1 (20). S. 51–5.
9. Sedov K.F. Yazykovaya lichnost' v aspekte psiholingvisticheskoj koflikto logii [Language personality in the aspect of psycholinguistic conflictology]. URL: http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/ (date of the application 12.01.2015).

10. Solnyshkina M.I., Kazachkova M.B., Kalinkina T.E. EHklektika institucional'nogo diskursa: norma ili narushenie? [Eclectic institutional discourse: norm or violation?] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 12–1 (54). S. 164–168.
11. Solnyshkina M.I., Gafiyatova Eh.V. Registrovye shvy professional'noj kommunikacii [Register seams of professional communication]. //Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Conference proceedings. Otv. red. O.V. Aleksandrova. 2015. S. 80-84.
12. SHishov S.E., Kal'nej V.A. Shkola: monitoring kachestva obrazovaniya [School: monitoring the quality of education]. M.: Ped. ob-vo Rossii, 2000. 320 s.
13. Nesterov V.V., Belkin A.S. Pedagogicheskaya kompetentnost' [Pedagogical competence] / Otv. za vyp. V.YU. Bannyh. Ekaterinburg: Uchebnaya kniga, 2003. 186 s.
14. Zeer Eh.F. Psihologiya professij: ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Psychology of the professions]. 2-e izd., pererab., dop. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. 336 s.
15. Vereshchagin E.M. Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. M.: Izd-vo MGU, 1969.
16. Solnyshkina M.I. Mezh"yazykovaya i mezhkul'turnaya asimmetriya struktury professional'noj yazykovoj lichnosti [Interlingual and intercultural asymmetry of the structure of a professional language personality] // III Mezh. Boduehnovskie chteniya: I.A. Boduehn de Kurteneh i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznaniya trudy i materialy. 2006. S. 254–257.
17. Solnyshkina M., Gafiyatova E. Modern forestry English: macro- and microstructure of low register dictionary //Journal of Language and Literature. 2014. T. 5. № 4. C. 220–224.
18. Lesnoj slovar': ch. 1–3: sostavlen v Departamente korabel'nyh lesov [Forest Dictionary: 1–3 hrs: compiled in the Department of Ship Forests]. Sankt-Peterburg: v privilegirovannoj tipografii Fishera, 1843–1845. URL:https://www.prlib.ru/item/681562 (date of the application 25.01.2019).
19. Slovar' lesnyh terminov [Dictionary of Forest Terms]. URL:http://www.wood.ru/ru/ster12.html (date of the application 25.01.2019).

20. Slovar' lesnyh terminov [Dictionary of Forest Terms]. URL:http://forestforum.ru/voc.php (date of the application 25.01.2019).
21. Predvaritel'noe vozobnovlenie lesa [Pre-forest renewal]. URL:http://wood-prom.ru/slovar/lesovodstvo/predvaritelnoe-vozobnovlenie-lesa (date of the application 25.01.2019).
22. Averbuh K.Ya., Karpova O.M. Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda [Lexical and phraseological aspects of translation]. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2009. 176 s.
23. Karpova O.M., Shcherbakova E. V. PR: problemy terminograficheskogo opisaniya [PR: problems of terminographic description]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2005. 184 s.
24. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Pod red. Yarcevoj. M.: 391 s.
25. Vinokur G.O. O nekotoryh yavleniyah slovoobrazovaniya v russkoj tekhnicheskoj terminologii [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]// Trudy MIFLI. 1939. T. V. S. 3–54.
26. Aleksandrova G.N. Sootnoshenie znakovoj struktury i funkcij terminologicheskih i kvazi-terminologicheskih yazykovyh edinic [The ratio of the sign structure and functions of terminological and quasi-terminological language units]: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk: Samara, 2006. 25 s.
27. Vasil'eva E.A., Gorlanova T.I. Primernaya nomenklatura del dlya lesnichestv CHuvashskoj Respubliki [Approximate nomenclature of cases for the forestry of the Chuvash Republic]. 22 s. URL: http://gasi.culture21.ru/Userfiles/gasi/file/89228b89-b4a0-437f-96d1 cd-9c70a8ac47/2.pdf (date of the application15.02.2019)
28. Grinev-Grinevich S.V. Vvedenie v terminografiyu: kak prosto i legko sostavit' slovar' [Introduction to terminography: how simple and easy to make a dictionary]. M.: LIBROKOM. 2009. 224 s.
29. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Terminology: studies. allowance for stud. higher studies. establishments]. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2008. 304 s.
30. Akademik. Vikipediya. Kryazh (derevoobrabotka) [Academician. Wikipedia. Ridge (woodworking)] https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1814661#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8

31. GOST 9462 – 71 Lesomaterialy kruglye listvennyh porod. Razmery i tekhnicheskie trebovaniya. [Timber round hardwood. Sizes and technical requirements] URL: http://dendrology.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st011.shtml (date of the application13.02.2019).
32. Raznovidnosti breven [Types of logs]. URL: https://arhdom.com/articles/brevno (date of the application13.02.2019).
33. Tabanakova V.D. Ideograficheskoe opisanie nauchnoj terminologii v special'nyh slovaryah [Ideographic description of scientific terminology in special dictionaries]: diss….d-ra filol. nauk. Tyumen', 2001. 155 s
34. Pervyj lesopromyshlennyj portal [First timber industry portal]. URL: http://www.wood.ru/ru/ster03.html (date of the application13.02.2019).
35. List of Russian Forest Terms Not Immediately Translatable URL: http://roslesvesti.ru/wp-content/uploads/2017/01/30-nov-16-RU-EN-Forest-Glossary_copy.pdf (date of the application13.02.2019).
36. ALLBIZ. URL: https://ua.all.biz/les-kruglyj-dub-pilovochnik-dub-1-2-3-sort-kupit-v-g2838778 (date of the application13.02.2019).
37. Torgovyj dom Kostroma [Trading House Kostroma]. URL: http://tdkos.ru (date of the application13.02.2019).
38. Lesnaya birzha [Forest Exchange]. URL: http://www.palki.ru/les2020/sell/mat4/page2.html (date of the application13.02.2019).
39. GOST R 57938-2017. Lesnoe hozyajstvo. Terminy i opredeleniya [Forestry. Terms and Definitions]. URL: https://allgosts.ru/65/020/gost_r_57938-2017 (date of the application 13.01.2019).
40. GOST 29008-91 (ISO 6814-83). Mashiny dlya lesnogo hozyajstva mobil'nye i samohodnye [Machines for forestry mobile and self-propelled]. (date of the application 13.02.2019) URL:https://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_29008-91.
41. GOST 21507-2013 Zashchita rastenii. Terminy i opredeleniya [Plant protection. Terms and Definitions]. URL:http://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293771/4293771090.pdf (date of the application 13.02.2019).
42. Compilation of Forestry Terms and Definitions URL:https://www.efi.int/sites/default/files/files/publication-bank/2018/ir_06.pdf (date of the application 13.02.2019).

43. What is a Shrubland? URL:https://www.worldatlas.com/articles/what-is-a-shrubland.html (date of the application 13.02.2019).
44. Burnside D., Holm A., Payne A., Wilson G. Reading the rangeland: a guide to the arid shrublands of Western Australia. Department of Agriculture and Food, Western Australia, Perth. Book, 1995. 140 p. URL: https://researchlibrary.agric.wa.gov.au/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1001&context=pubns (date of the application 13.02.2019).
45. Boreal Forest. URL: http://www.hww.ca/en/wild-spaces/boreal-forest.html (date of the application 13.02.2019).
46. 30 fascinating facts about the boreal forest. URL: https://www.treehugger.com/natural-sciences/30-fascinating-facts-about-the-boreal-forest.html (date of the application 13.02.2019).
47. Tekhnicheskie trebovaniya k berezovomu fanernomu kryazhu [Technical requirements for birch plywood]. URL:http://trade-eco.ru/vidyi-zakupaemyih-materialov/tehnicheskie-trebovaniya-k-berezovomu-fanernomu-kryazhu/ (date of the application 13.02.2019).
48. Fanernyj kryazh [Plywood ridge]. URL:http://www.ssa.ru/articles/entry/0827e4300 (date of the application 13.02.2019).
49. Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/whistle%20punk (date of the application 13.02.2019).
50. Lumberjack. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Lumberjack (date of the application 13.02.2019).
51. Green Archie. Putting Laborlore to Work, Wobblies, Pile Butts and other Labor Heroes: Laborlore Explorations. Champaign: University of Illinois Press: 1994, pp. 13–34.
52. T–100 (traktor) [traktor] // Vikipediya URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2-100_(%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80) (date of the application 13.02.2019).
53. Tekhnicheskie osobennosti traktora T-100 i ego modifikacij // fermerznaet.com [Technical features of the tractor T-100 and its modifications]. Fermer znaet. Sel'skohozyajstvennyj internet zhurnal. URL: http://fermerznaet.com/selhoztehnika/traktor/t-100.html (date of the application 15.02.2019).

54. Traktor TDT-55// ustroistvo-avtomobilya.ru. Ustrojstvo avtomobilya. URL: https://ustroistvo-avtomobilya.ru/traktora/traktor-tdt-55/ (date of the application 15.02.2019).
55. Obrubshchik such'ev [Brancher] // lesorubles.ru. Lesorub. Blog o lesopol'zovanii, 2019. URL: http://lesorubles.ru/rabotniki-lesa/obrubshhik-suchev (date of the application: 15.02.2019).
56. Martynov A.N., Mel'nikov E.S., Kovyazin V.F., Anikin A.S., Minaev V.N., Belyaeva N.V. Osnovy lesnogo hozyajstva i taksaciya lesa: Uch. pos. dlya studentov napravleniya 250300 «Tekhnologiya i oborudovanie lesozagotovitel'nogo i derevoobrabatyvayushchego proizvodstv» i special'nosti 120303 «Gorodskoj kadastr» [Fundamentals of forestry and forest inventory: Uch. pos. for students of direction 250300 "Technology and equipment for logging and woodworking industries" and specialty 120303 "City Cadastre"]. SPb.: OOO Izd-vo «Lan'», 2008. 372 s.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гафиятова Эльзара Василовна, канд. филол. наук, доцент кафедры языковой и межкультурной коммуникации
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
rg-777@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gafiyatova Elzara Vasilovna, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistic and Intercultural Communication
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
rg-777@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3190-4566

УДК 81

К ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАМ ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОЛЕКТОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Гончарова О.В.

Лингвистическое изучение региональных речевых форм получило гораздо меньше внимания в европейской диалектологии и социолингвистике, чем исследование традиционных диалектов, тем не менее, исследования регионалектов или «промежуточных вариантов» в последние десятилетия расширились, иллюстрируя сложный спектр факторов, оказывающих систематическое влияние на систему языка. Вопрос о том, как теоретизировать это "промежуточное пространство" остается спорным, но несмотря на иногда расходящуюся терминологию, среди лингвистов отмечается согласие по большинству тем и вопросов, рассматриваемых в данной статье, таких как возникновение данных вариантов посредством процесса койнеизации и стандартизации или их природы: эти промежуточные формы считаются более стандартными, чем диалекты, но более регионально окрашенными, чем стандарт.

Ключевые слова: *социофонетика; социолингвистика; социолект; регионалект; диалект; литературная норма; произносительный вариант; социальные факторы.*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF THE DESCRIPTION OF MODERN REGIOLECTS IN FOREIGN LINGUISTICS

Goncharova O.V.

The linguistic study of regional speech forms has not received much attention in European dialectology, but nevertheless, research on regional-

ized modes of speech has increased over the last decades at least for certain parts of Europe, so that some generalizations are possible. In this article we review the literature on regiolects, which are described as varieties which can be located between dialects and standard varieties. In spite of the sometimes diverging terminology, there is a wide consent among linguists on most subjects and issues dealt with in this article, such as the emergence of these variants through a process of dialect leveling (koineization) and standardization or their nature: these intermediate forms (regiolects) are presumed to be more standard than dialects, but more regionally colored than the standard.

Keywords: *sociophonetics; sociolinguistics; sociolect; regiolect; dialect; literary norm; pronunciation variant; social factors.*

Середина XX века с масштабными общественными изменениями, такими как урбанизация, модернизация и реструктуризация рабочей силы отмечена резким снижением числа говорящих на диалектах. Поскольку использование диалектов, как правило, связано в основном с сельским, сельскохозяйственным образом жизни, результатом этой реструктуризации стало то, что диалекты быстро утратили свои позиции в качестве средства коммуникации за пределами частной сферы и в настоящее время континуум языковых форм варьирует от локального диалекта в речи старших жителей сельских местностей до стандартных форм, используемых молодежью.

Одним из широко распространенных видений отношений языкового варианта и стандарта в Европейской лингвистике на данный момент является репрезентация диаглоссальной ситуации посредством конусообразной модели (см. рис. 1) немецкого лингвиста Питера Ауера (2005).

Согласно Bellmann (1998) диаглоссальная ситуация характеризуется наличием промежуточных вариантов между литературным стандартом и диалектами, для обозначения которых используется термин региолект (или региональный диалект): «В языковом пространстве между стандартным немецким и диалектом наблюдается еще один вариант, который можно назвать региональным диалектом. Тем не менее, этот относительно новый региональный диалект

не является единым по площади, существуют различные ареалы его распространения с разной степенью «региолектности»» [1, с. 23].

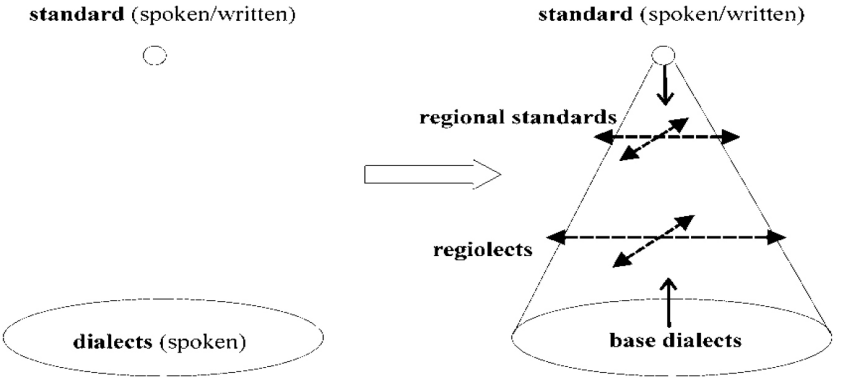

Рис. 1. Репрезентация диаглоссальной ситуации посредством конусообразной модели

В основании конуса расположен уровень базовых диалектов; на вершине конуса – литературный стандарт (вертикальная ось представляет дифференциацию по социальному статусу и контексту); региолект в данном случае представляет собой промежуточный тип речи в пределах трехмерного социогеографического континуума.

Возникновение региолектов континентальная Европейская лингвистика объясняет взаимодействием различных социальных сил, особенно процессами выравнивания диалекта (dialect levelling): койнеизации и стандартизации [2, с. 110] и намеренными, но лишь частично успешными попытками говорящих на диалекте изучить литературный стандарт [3, с. 25].

Эти «промежуточные формы», согласно Auer, часто выполняют социолингвистическую функцию, позволяя своим пользователям демонстрировать в соответствующих контекстах идентичность, которая не может быть символизирована через базовые диалекты (которые могут иметь сельскую или необразованную коннотацию) или через национальный стандарт (который может иметь формальный и неестественный характер и / или не могут выражать региональную принадлежность) [3, с. 23].

Hinskens, Auer, и Kerswill (2005) описывают формирование койне как “структурное сближение между тесно связанными языковыми системами, в конечном итоге приводящее к стабилизации некоторого компромиссного разнообразия.” [4, с. 11–12]. По данным П. Традгилла (1986), эта койнеизация не нивелирует все вариации, вариациям просто присваиваются новые функции. Таким образом, койнеизация приводит к перераспределению как лингвистических, так и экстралингвистических функций [1, с. 45].

Вопрос о том, как теоретизировать это “промежуточное пространство” остается спорным, очевидно только то, что постепенный процесс сближения диалекта со стандартом, обеспечивает континуум форм. В то же время некоторые авторы выступают за двусторонний процесс, в рамках которого регионализация стандарта и стандартизация диалектов ведут к двойному континууму. Итальянский лингвист А. Собреро в работе «Italianization and variations in the repertoire: the Koinai» (1995), анализируя современную языковую ситуацию в Италии, выделяет три вида койнезации, ведущей к образованию региональных разновидностей литературного стандарта (см. рис. 2):

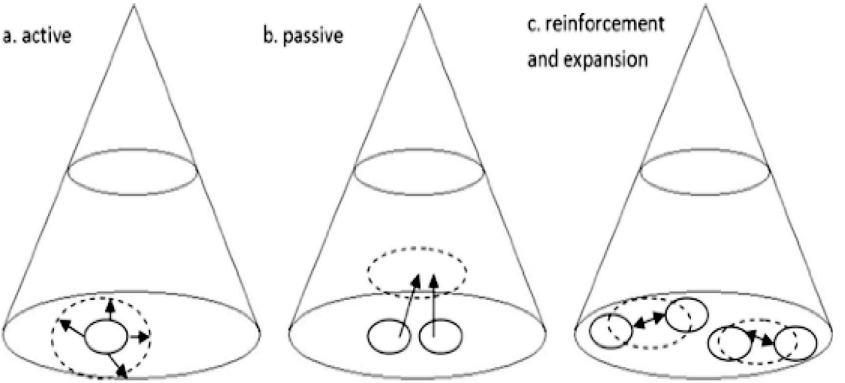

Рис. 2. Три типа койнезации по А. Собреро (1995). Круги пунктирной линии представляют результат койнеизации [цит. по 2, с. 110–111].

1. Активная койнеизация: распространение широко используемого койне одного из центральных городов на соседнюю территорию (например, Миланский и Неаполитанский).

2. Пассивная койнеизация: диалектное разнообразие сглаживается под влиянием литературного стандарта (т.е. региолект стремится к стандартному языку).

3. Усиление и расширение: интенсивное внутрирегиолектное сглаживание диалектных черт на местном уровне (т.е. стремление диалектных языков друг к другу), что приводит к тому, что региональные разновидности языка отличаются друг от друга больше, чем исходные диалекты [2, с. 110–111].

На рисунке 2a активное распространение городского центра увеличивает однородность региональной речи, потому что в большем географическом регионе используется один вариант. На рисунке 2b, стандарт влияет на диалектные разновидности. Поскольку все базовые диалекты находятся под влиянием одного и того же стандарта, вариации диалекта становятся меньше. Ситуация на рисунке 2c сопоставима с ситуацией на рисунке 2b в том смысле, что диалекты сближаются, но в этой ситуации выравнивание является результатом их сходства друг с другом и не навязывается стандартом или доминирующим (столичным) центром. В результате увеличивается однородность внутри региона, что в то же время приводит к большей отличимости (некоторых) вариантов на межрегиональном уровне. На рисунке видно, что конвергенция и расхождение диалектов происходят одновременно.

Еще одним исследованием в свете вышеприведённой гипотезы о диалектном выравнивании и койнеизации, является анализ немецкого регионального языка A.N. Lenz «Struktur und Dynamik des Substandards. Eine Studie zum Westmitteldeutschen» / «Структура и динамика субстандарта: исследование западно-центральногерманского языка (Виттлих / Эйфель)» (2003), где появление регионалектов объясняется автором, главным образом, как сложное взаимодействие вертикальных и горизонтальных конвергентных процессов, а языковой вариант определяется как подсистема языка, характеризующаяся внутренней языковой сплоченностью, четкими системными границами (отделяющими его от других разновидностей), четко определенными прагматическими функциями и эмическим стату-

сом [5, с. 313–327]. Речь пятидесяти работников сферы услуг города Мозель-Франкони была проанализирована в соответствии различными экстра-лингвистическими характеристиками, дальнейшее сопоставление показателей региолекта в различных комбинациях информантов и контекстов выявляет, согласно автору, три уровня речи: базовый диалект, который по-прежнему включает в себя по-настоящему локальные единицы, региональный диалект, характеризующийся (суб)региональными особенностями и стандарт.

Принимая во внимание, что термины диалект и стандартый язык достигли некоторой степени «международности», региолекты не отличаются такой степенью единообразия:, например, в западной лингвистике: (regionale) Umgangssprache (Dittmar 2004), regiolect / Regiolekt (Auer, Hinskens and Kerswill 2005; Lenz 2005a), Alltagssprache (Elspaß 2007), Neuer Substandard (Bellmann 1983), regional varieties (Hughes, Trudgill и Watt 2005), intermediate variety (Coetsem 1992), urban vernacular (Milroy 1982), italiano regionale (Berutto)).

Эта терминологическая неоднозначность как нельзя точнее демонстрирует трудность выделения промежуточных вариантов от диалектов или стандарта [6, с. 164]. Противоречивый вопрос о границах стандарта, диалекта и региолекта часто решается путем принятия модели континиума: «Как правило, пространство между базовым диалектом и стандартом характеризуется недискретными структурами (стандарт / диалектный континуум)» [3, с. 22]. Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать ряд выводов о том, что 1) региолекты обнаруживают в себе лингвистические особенности как стандартов, так и диалектов, а также приобретают свои собственные уникальные черты; 2) региолекты могут занимать различные позиции вдоль языкового спектра вариантов языка; 3) с лингвистической точки зрения сложно определить, где проходят границы между полюсами диалекта, стандартного языка и промежуточных формам, поэтому часто используется модель континуума; 4) суммируя описания региолектов, представляющих собой континуум между диалектами и стандартным языком, возникшие в результате стандартизации и койнезации, логически следует вывод,

что региолекты фонетически будут отличаться от стандарта, и, благодаря нивелированию, будут представлять собой более обширную область, чем базовый диалект.

В свете приведенных данных, современный региональный язык может быть определен как совокупность языковых вариантов, объединенных различными процессами конвергенции и дивергенции, и ограниченных по горизонтали структурными границами диалектных образований или регионов и вертикально своими различиями с национальными произносительными нормами стандартного языка.

Список литературы / Referances

1. Bellmann G. Between base dialect and standard language // Folia Linguistica. Mouton de Gruyter, Berlin – Societas Linguistica Europaea. 1998, pp. 23–34.
2. Nerbonne J., O. Sandrien, Gooskens, Charlotte, Wieling, Martijn. Measuring socially motivated pronunciation differences. // Edited by Borin, Lars, and Anju Saxena. Approaches to Measuring Linguistic Differences. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, pp. 107–140.
3. Auer P. Europe's sociolinguistic unity, or: A typology of European dialect/standard constellations // Perspectives on Variation. Sociolinguistic, Historical, Comparative, Nicole Delbecque, Johan Van der Auwera and Dirk Geeraerts (eds.), Berlin/New York: Mouton de Gruyter. 2005, pp. 7–42.
4. Auer, P. (Ed.), Hinskens, F. (Ed.), Kerswill, P. Dialect change: Convergence and divergence in European languages // Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 415 p.
5. Lenz A.N. Struktur und Dynamik des Substandards. Eine Studie zum Westmitteldeutschen (Wittlich/ Eifel). (Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte 125.) Stuttgart: Steiner. 2003. 443 p.
6. Gilles, P. Bemerkungen zum Verhältnis zwischen Dialektveränderung und Standardisierung/Destandardisierung / Standardisierung und Destandardisierung europäischer Nationalsprachen. Vario Lingua Bd.1. Peter Lang. Frankfurt/M., Berlin, Bern, New York, Paris, Wien. 1997, pp. 163–169.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гончарова Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции
Пятигорский государственный университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357532, Российская Федерация
oxanavgoncharova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Goncharova Oxana Vladimirovna, Candidate of Sciences (Philology), Academic Title of Associate Professor, Associate Professor, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence
Pyatigorsk State University
9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357532, Russian Federation
oxanavgoncharova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1044-6244

УДК 81'44

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПАРЕМИЯХ С ПРОХИБИТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ (НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ)

Денисова Е.А., Шакирова Д.Ш.

Статья посвящена изучению русских и немецких паремий с прохибитивной семантикой с точки зрения реализации в них тактик речевого воздействия на адресата. В представленном исследовании термин «прохибитив» рассматривается как лингвистическое явление, приводится ряд русских и немецких прохибитивных конструкций, выявленных в ходе анализа картотеки исследования, представленной в количестве 1743 пословичных изречений. Авторы выявляют 5 основных тактик речевого воздействия в проанализированном паремиологическом корпусе. В исследовании выявляется процентное соотношение частотности употребления каждой тактики в картотеках исследования сопоставляемых языков, проводится анализ полученных результатов.

Ключевые слова: *прохибитивная семантика; речевое воздействие; тактика речевого воздействия; паремия; пословица; русский язык; немецкий язык.*

COMMUNICATIVE TACTICS OF SPEECH INFLUENCE IN PAREMIAS WITH PROHIBITIVE SEMANTICS (BASED ON THE STUDY OF RUSSIAN AND GERMAN PROVERBS)

Denisova E.A., Shakirova D.Sh.

This article is devoted to the study of Russian and German paremias with prohibitive semantics from the point of view of the realization in them of the tactics of speech influence on the addressee. In the present

study, the term "prohibitive" is considered as a linguistic phenomenon; a number of Russian and German prohibitive constructions are given, which were revealed in the course of the analysis of the research catalog presented in an amount of 1,743 proverbs. The authors identify 5 main speech impact tactics in the analyzed paremiological corps. The study reveals the percentage of the frequency of use of each tactic in the card files of the study of the compared languages, an analysis of the results obtained is carried out.

Keywords: *prohibitive semantics; speech influence; speech tactics; paremia proverb; Russian language; German language.*

Введение

С развитием когнитивной лингвистики пространство паремиологических изысканий в настоящее время значительно расширяется. Если прежде паремии изучались в основном под призмой формального подхода, то сегодня интерес исследователей в основном концентрируется на изучении их прагматического потенциала.

Коммуникативно-прагматический потенциал паремий обратил на себя внимание многих исследователей: О.Б. Абакумовой, И.Н. Борисовой, Л.М. Гриценко, Б.И. Караджева, Л.Б. Савенковой, Г.Д. Сидорковой, С.И. Хуна, В. Мидера, А. Тейлора и др.

Пословицы, содержащие прохибитивные конструкции, предлагают широкое поле для исследований в направлении когнитивистики. Нашей целью в данном исследовании стало изучение аксиологических коннотаций в аргументативной части русских и немецких пословичных изречений с прохибитивной семантикой.

Научная новизна заключается в том, что аргументация в данных паремиях рассмотрена под призмой коммуникативных тактик, что впервые применимо к пословицам, сосредоточенным вокруг пропозиции «прохибитив». Возможность оперировать паремиологическими высказываниями, используя их в рамках коммуникативных стратегий и тактик, отражает способность участников коммуникативного акта осознавать весь комплекс прагматических

характеристик текста, что имеет особое значение в межкультурной коммуникации и обуславливает актуальность нашего исследования.

Говоря о прохибитиве как лингвистическом явлении, стоит отметить, что данный термин сегодня также находится под пристальным вниманием когнитивной лингвистики (Е.В. Астапенко, В.М. Аринштейн, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский, Д. Вундерлих, А.Н. Скрипаенко, И.Б. Шатуновский, Й. Форрестер и др.). Современные исследователи не выделяют прохибитив в отдельный речевой акт, однако относят к некоторым иллокутивам: директивам, декларативам, экзерситивам или деонтическим речевым актам, в ходе которых не происходит побуждения к действию, но порождается деонтическая возможность не производить какое-либо действие.

В.С. Храковский и А.П. Володин [1, с. 147] трактовали термин «прохибитив» как побуждение к невыполнению действия. Под прохибитивными конструкциями мы подразумеваем эксплицитные синтаксические и грамматические структуры, налагающие запрет на какие-либо действия. Сюда относятся: отрицательный императив, инфинитивные конструкции с отрицательным предикативом, модальные конструкции с отрицанием.

Материалы и методы исследования

Для изучения русских и немецких паремий с прохибитивной семантикой с точки зрения реализации в них тактик речевого воздействия на адресата используется ряд исследовательских методов: метод концептуального анализа, традиционный описательный метод, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа.

Кроме того, при решении теоретических и практических задач используются следующие общенаучные методы: обобщения, частнонаучные методы компонентного и контекстологического анализа, метод лингвокультурологической интерпретации.

В качестве источников материла исследования проанализированы более 2000 пословиц и пословичных изречений.

Результаты исследования

В результате сопоставительного анализа полученных данных, мы приводим следующую сводную таблицу результатов исследования:

Таблица.

Частотность употребления коммуникативных тактик речевого воздействия на адресата

Наименование коммуникативных тактик речевого воздействия	Русские пословицы	Немецкие пословицы
Тактика представления негативных последствий	5,3%	1,7 %
Тактика представления позитивных последствий	3,6%	1,6%
Тактика объяснения	9%	3,9 %
Тактика привлечения шаблонов поведения	23, 4%	2,7 %
Тактика инверсирования	0,6 %	2%

Обсуждение

В проведенном нами ранее исследовании, базирующимся на анализе картотеки сплошной и специальной выборки из авторитетных русских и немецких паремиологических источников, были выявлены 20 синтаксических структур, репрезентирующих прохибитивную семантику в пословичном корпусе двух сопоставляемых языков [2, с. 131–133]:

‘не + императив 2 л. ед.ч. ‘; ‘не + 3л. ед.ч. ‘; ‘грех/грешно + инфинитив’; ‘императив + не..., (а,да,но)… ‘; ‘нельзя + инфинитив’; отрицательный императив глагола ‘молчать’; ‘не + императив 2 л. мн.ч. ‘; ‘не велит/не велят + инфинитив’; ‘нечего + инфинитив’; ‘не + инфинитив’; ‘man / es + Modalverb + Negationswort + Infinitiv’; ‘Imperativ 2. Person Singular + Negationswort‘; ‚Substantiv / Pronomen + Modalverb + Negationswort + Infinitiv‘; ‚Sein + nicht + zu + Infinitiv‘; ‚Man+ Verb 3. Person Singular + Negationswort‘; ‘Schweigen im Imperativ‘; ‚Verboten sein‘; ‚Imperativ 2. Person Plural + Negationswort‘; ‚Sündig sein‘, ‚Kein+Substantiv‘. Данное исследование, посвященное изучению коммуникативных тактик речевого воздействия в прохибитивных паремиях, базируется на основе изучения пословиц с представленными конструкциями.

Паремии, являясь единицами речевого общения, полностью раскрывают свой прагматический потенциал и семантическую направленность в рамках определенной коммуникативной ситуации. С точки зрения прагмалингвистики, процесс коммуникации базируется на трех основополагающих компонентах: адресант, текст, адресат. Процесс успешной реализации паремиологического высказывания предполагает также и оказание воздействия на реципиента, так как специфичность данного высказывания заключена именно в устремлении адресанта к выражению своего отношения касательно конкретной ситуации, воздействию на получателя в целях корректировки его поведения, изменения отношения к чему-либо [3, с. 114–119].

Коммуникативные тактики речевого воздействия в пословицах, содержащих прохибитивные конструкции, являются инструментом убеждения реципиента в необходимости невыполнения того или иного действия. Перлокутивный эффект в данном случае достигается путем репрезентации соответствующих аргументов или шаблонов поведения, направленных на корректировку поведения адресата.

Такие понятия как стратегии, тактики и приемы речевого манипулирования являются на сегодняшний день популярными предметами исследования в вопросах речевого взаимодействия с точки зрения коммуникации и прагматики, что отразилось в работах таких исследователей как О.С. Иссерс, Г.А. Копниной, А. Фетцер, Н.И. Формановской и др.

В данном исследовании необходимо дифференцировать понятия коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики. Коммуникативная стратегия в широком смысле представляет собой «сверхзадачу», т.е. полный комплекс речевых действий, направленных на реализацию коммуникативной цели адресанта, воздействующих на интеллектуальную, волевую, и эмоциональную сферу реципиента.

Вслед за Г.А. Копниной под тактиками речевого воздействия мы понимаем коммуникативное действие, направленное на скрытое внедрение в сознание реципиента целей и установок, побуждаю-

щих его совершить поступок, желаемый манипулятором [4, с. 49]. Таким образом, удалось установить, что коммуникативная тактика является более узким понятием, тактическим ходом и практическим средством достижения коммуникативной цели.

М.А. Кулькова выделяет ряд коммуникативных тактик, в паремиях, используемых для оказания воздействия на реципиента [5, с. 161–166]: Тактику представления негативных и позитивных последствий в случае (не)выполнения действия, тактику объяснения, тактику привлечения шаблонов поведения, тактику инверсирования.

На основе проведенного анализа 1743 русских и немецких паремий, содержащих прохибитивные конструкции, нам удалось выявить частотность употребления коммуникативных тактик в нашей паремиологической картотеке каждого языка в целом, а также частотность реализации каждой тактики в отдельности. Нами было установлено, что 633 из 1500 русских пословичных изречений содержат в себе тактики речевого воздействия, что составляет 42%. Из корпуса немецкоязычных паремий в количестве 1243 паремиологических единиц 150 паремий демонстрируют тактики речевого воздействия, что в процентном соотношении гораздо ниже, чем в русском языке – лишь 12%.

В случае несоблюдения запрета, наказа, предостережения и т.д. пословицы, в которых присутствует тактика представления негативных последствий, данное речевое манипулирование, составляют 5% от общего русскоязычного корпуса исследования: Не судись, *лапоть дороже сапога станет* [6, с. 365]; За двумя зайцами не гонись – *обоих упустишь* [6, с. 263]; Скоро пойдешь – *ногу зашибешь* [7, с. 352] и т.д. В немецкоязычном корпусе частотность употребления рассматриваемой тактики составляет 1,7 %: Stecke dich nicht zwischen Vettern und Freunde, *sonst klemmst du dich* [8, с. 555] (‘Не становись между кумами и друзьями, иначе тебя задавят’); In die Gosse wirf keinen Stein, *sonst wirst du beschmuzt* (‘Не бросай камня в канаву –испачкаешься’) [9, с. 1363]; Rede nicht mit dir selbst, sonst mochte man sagen, *dein Zuhörer wär`ein Narr* (‘Не веди беседы сам с собой, могут сказать, что твой слушатель глупец’) [8, с. 482] и др.

Тактика представления положительных последствий действий характеризуется также обязательным наличием аргументативной части. Данная тактика находит применение в 3,6% русских паремий (Не хлещи кобылы, *и лягать не станет* [7, с. 71]; Не бранись ни с кем, *так хорош будешь всем* [10, с. 92]; Не опасайся вдову за себя взять: *будешь спокойнее спать* [7, с. 235] Не дразни собаки, *так и не укусит* [11, с. 215] и т.д.) и в 1,6 % немецких: Denk nicht daran, *so tut`s nicht weh* (‘ Не думай об этом, так и не будет больно’) [8, с. 95]; Am Tage schlaf nicht, in der Nacht trink kein Wasser, *dann brauchst du keinen Arzt* (‘Не спи днем, не пей воды ночью, и врач не понадобится’) [9, с. 1757]; Gehe nicht ins Wasser, *so wirst du nicht ertrinken* (‘Не ходи в воду – не утонешь’) [9, с. 1808] и др.

Стоит отметить, что характерной чертой данных тактик, репрезентирующих негативные и позитивные последствия, является устремление их аргументационных частей в будущее.

Коммуникативная тактика объяснения, как в русских, так и немецких паремиях, характеризуется наличием нейтральной аргументативной части. В эмпирической базе исследования паремии, содержащие данную тактику, имеют следующую частотность употребления: в русском корпусе – 9%: Не ищи зайца в бору: *на опушке сидит* [11, с. 217]; Доброму не паси, худому не береги: *добрый сам наживет, худой проживет* [10, с. 283]; Не тужи по бабе: *Бог бабу отымет да девку даст* [10, с. 28]; в картотеке немецкоязычных паремий – 4%: Alte Freunde soll man nicht verkaufen, *denn man weiß nicht, wie die neuen geraten* (‘Не продавай старых друзей, неизвестно, какими окажутся новые’) [8, с. 152]; Mach dich nicht zu hoch, *die Tür ist nieder* (‘Не возвышайся, дверь ниже’) [8, с. 523]; Man ruft den Esel nicht zu Hofe, *denn dass er Säcke trage* (‘Осла ко двору не зовут – он мешки носит’) [8, с. 125] и др.

Тактика привлечения «шаблонов поведения» реализуется путем представления альтернативных действий, выраженных противопоставлением на отрицаемое действие. В русском языке паремии, реализующие данную коммуникативную тактику составляют 23%: *Не тужи, поколе тянут во все гужи; а пристанут – слезай да сам*

помогай [7, с. 215]; Не гони коня кнутом, *а гони овсом* [11, с. 213]; На чужой каравай рот не разевай, *а пораньше вставай да свой затевай*! [7, с. 371] и т.д.

Шаблонное поведение прослеживается в 2,7% паремий немецкоязычной картотеки: Es steht geschrieben: Sechs oder sieben sollen nicht harren auf einen Narren, sondern essen und des Narren vergessen (‘Шестеро или семеро не должны ждать одного глупца, а должны сесть за стол и забыть о нем’) [8, с. 229] *Der Feinde Fehler soll man kennen, aber nicht nennen* (‘Ошибки врага нужно знать, а не произносить вслух’) [8, с. 136]; Frage nicht wie, sondern was man redet [8, с. 146] (‘Спрашивай не как, а что говорят ’) и др.

Тактика инверсирования характеризуется смещением смысловой, позитивно-мотивирующей части, на первое место, с целью повышения воздействия на реципиента. В русских пословицах данная тактика составляет менее 1% (10 примеров): *Коли хочешь быть здоров*, то живот не пресыщай и докторов на двор не пущай [6, с. 304]; *Хочешь есть калачи*, так не сиди на печи! [7, с. 311]; *Хочешь найти жемчуг* – ныряй вглубь, не бойся глубины [7, с. 632] и т.д.

Среди немецких пословиц данное число несколько выше, а именно 2% (25 случаев употребления): *Willst du nicht Unnützes kaufen*, musst nicht auf den Jahrmarkt laufen (‘Не хочешь покупать ненужное, так не ходи на ярмарку’) [8, с. 544]; *Willst du treiben Kartenspiel,* laß nicht andre kicken viel (‘Хочешь выиграть в карты, не позволяй другим лидировать’) [8, с. 281]; Willst du lange Freundschaft halten, thue nicht, was wehe thut, und rede nicht, was sticht (‘Если хочешь сохранить дружбу, не делай ничего, что причиняет боль, не говори того, что может уколоть’) [9, с. 1204] и др.

Заключение (выводы)

Рассмотрев пять основных коммуникативных тактик в русских и немецких пословицах, отражающих прохибитивную семантику, можно прийти к заключению о том, что роль адресанта в коммуникативной ситуации запрета, наказа, совета, предупреждения и т.д. способствует реализации ряда следующих частных семантических функций: а) превентивная функция направлена на предотвраще-

ние еще не совершившегося речевого/неречевого действия адресата в условиях группового или межличностного общения (тактика представлении негативных последствий в случае несоблюдения запрета); б) регулятивная функция направлена на регулирование неречевого поведения в условиях общепринятого общения (тактика привлечения «шаблонов поведения»); коррективная функция направлена для корректировки совершающегося или совершившегося речевого/неречевого действия адресата в групповом или межличностном общении (тактика представления положительных последствий действий, тактика инверсирования, тактика объяснения).

В результате сопоставительного анализа полученных данных, мы приводим следующую сводную таблицу результатов исследования (Рисунок 1). Стоит отметить, что самой распространенной тактикой в русскоязычных пословичных изречениях является тактика привлечения шаблонов поведения, а в немецкоязычном корпусе – тактика объяснения.

Наиболее сниженную частотность употребления демонстрируют тактика инверсирования в картотеке русских паремий и тактика представления позитивных последствий в немецких паремиях.

В заключении стоит отметить, что видимые расхождения статистических данных представленных коммуникативных тактик в анализируемых языках базируются, по нашему мнению, на различиях в менталитете русского и немецкого народов и сопоставляемых лингвокультурах. Немецкие пословицы характеризуются лаконичностью и деликатностью выражения прохибитивной семантики, в то время как русские пословичные изречения по своей структуре чаще представляют собой полные или неполные двусоставные предложения.

Отражение прохибитивной семантики в паремиологических изречениях происходит за счет их направленности оградить адресата от возможного негативного исхода событий его действий. Таким образом, можно утверждать, что прохибитивные пословицы выступают прескрипциями, издревле помогающими людям сосуществовать вместе и соблюдать определённые правила в том или ином социуме, а сегодня являются важной частью межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Л.: Наука, 1986. 272 с.
2. Кулькова М.А., Денисова Е.А. Структурно-семантическая характеристика русских и немецких пословиц, содержащих прохибитивные конструкции.// Филологические науки. Вопросы теории и практики 2017. № 12 (78). Часть 3. С. 131–133.
3. Серегина М.А. Прагмалингвистическая модель реализации немецких паремий в речевом общении // Вестник челябинского государственного университета. 2013. № 35 (326). С. 114–121.
4. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. Учебное пособие. М.: Флинта, 2008. 170 с.
5. Кулькова М.А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения. Казань: МОиН РТ, 2011. 220 с.
6. Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: Сборник русских пословиц и поговорок. СПб.: Санкт-Петербургская Губернская типография, 1910. 583 с.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Астрель, 2001. 752 с.
8. Simrock K. Die deutschen Sprichwörter. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2003. 630 s.
9. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Leipzig: Brockhaus, 1867–1880. Bd. I-V. 9254 s.
10. Мокиенко В.Г., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.
11. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
12. Зливко С.Д., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Кодификация узуальных и речевых особенностей употребления иноязычных неологизмов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 3–3. С. 151–159.

References

1. Hrakovskij V.S., Volodin A.P. (1986). *Semantika i tipologiya imperativa* [Semantics and typology of the imperative]. Leningrad: Nauka. 272 p.

2. Kul'kova M.A., Denisova E.A. (2017). Strukturno-semanticheskaya harakteristika russkih i nemeckih poslovic, soderzhashchih prohibitivnye konstrukcii [Structural and semantic characteristic of Russian and German proverbs containing prohibitive constructions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12-3 (78): 131–133.
3. Seregina M. A. (2013). Pragmalingvisticheskaya model' realizacii nemeckih paremij v rechevom obshchenii [Pragmalinguistic model of the implementation of German paremia in speech communication]. *Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 35 (326): 114–121.
4. Kopnina G.A. (2008). *Rechevoe manipulirovanie* [Speech manipulation]. Uchebnoe posobie. Moscow: Flinta. 170 p.
5. Kul'kova M.A. (2011). *Germenevtika narodnoj primety: kognitivno-pragmaticheskij aspekt izucheniya* [Hermeneutics of folk omens: the cognitive-pragmatic aspect of the study]. Kazan: MOiN RT. 220 p.
6. Illyustrov I.I. (1910). *Zhizn' russkogo naroda v ego poslovicah i pogovorkah: Sbornik russkih poslovic i pogovorok* [The life of the Russian people in its proverbs and sayings: Collection of Russian proverbs and sayings]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya Gubernskaya tipografiya. 583 p.
7. Dal' V.I. (2001). *Poslovicy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Astrel'. 752 p.
8. Simrock K. (2003). *Die deutschen Sprichwörter* [The German proverbs]. Düsseldorf: Albatros Verlag. 630 p.
9. Wander K.F.W. (1867–1880) *Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Ein Hausschatz für das deutsche Volk* [German Proverb Encyclopedia: A treasure trove for the German people]. Leipzig: Brockhaus. Bd. I-V. 9254 p.
10. Mokienko V.G., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. (2010). *Bol'shoj slovar' russkih poslovic* [Large dictionary of Russian proverbs]. Moscow: Olma Media Grupp. 1024 p.
11. Anikin V.P. (1957). *Russkie narodnye poslovicy, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor* [Russian proverbs, sayings, riddles and children's folklore]. Moscow: Uchpedgiz. 240 p.
12. Zlivko S.D., Magsumov T.A., Maksimov Ya.A. (2018) Codification of usual (lexicographical) and speech features of the use of foreign-language neologisms. *Russian Journal of Humanities*, 10 (3–3): 151–159.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Денисова Елена Александровна, преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет
улица Кремлевская, д. 18, город Казань, 420008, Российская Федерация
annewolffgang@inbox.ru

Шакирова Диляра Шамилевна, доцент, кандидат филологических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
улица Кремлевская, д. 18, город Казань, 420008, Российская Федерация
n-kadry.kfu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Denisova Elena Aleksandrovna, teacher
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation
annewolffgang@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-5169-2495

Shakirova Dilyara Shamilevna, assistant professor, Candidate of Philology
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation
n-kadry.kfu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3794-5916

УДК 81

АДВЕРБИАЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЕГО ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА СЕСИЛИИ АХЕРН «ПОДАРОК»)

Дехнич О.В., Чупилко Е.В.

В статье рассматриваются проблемы перевода адвербиальных глаголов на русский язык. Глаголы данного класса отличаются наличием одного или нескольких адвербиальных значений, а также рассматриваются большинством лингвистов не только как грамматическое ядро, но и как семантическая основа высказывания. В соответствии с этим, возникает проблема корректности передачи семы адвербиального глагола на русский язык. В статье приводится анализ примеров из произведения известной американской писательницы, ирландского происхождения, и их перевод на русский язык, выполненный Е. Осеневой.

Ключевые слова: *адвербиальный глагол; значение; трансформации; перевод.*

ADVERBIAL AND ITS TRANSLATION EQUIVALENCE IN RUSSIAN (BASED ON THE NOVEL BY CECELIA AHERN “THE GIFT”)

Dekhnich O.V., Chupilko E.V.

The article is devoted to translation of adverbials. Such verbs are characterized by one or several adverbial meaning and are studied by linguists not only like a main grammar body of the sentence, but like a general meaning of the phrase. So, there is a problem of transferring of the adverbial meaning from one language into another. The article analyses the examples from the novel by Cecelia Ahern, American writer of the Irish origin, and their translation into Russian by E. Oseneva.

Keywords: *adverbial; meaning; transformations; translation.*

Такие исследователи, как Л.К. Латышев [1], Р.К. Миньяр-Белоручев [2], А.Д. Швейцер [3] полагают, что невозможно добиться

абсолютной эквивалентности (тождественности) в исходном и переведенном тексте. Причиной этого являются различия в семантике, структуре и прагматике переводного языка (далее ПЯ) и исходного (далее ИЯ). В теории перевода существуют разные трактовки понятия «эквивалентности». К примеру, Дж.К. Кэтфорд [4] называет эквивалентность «адекватностью» перевода и считает эти понятия синонимичными, в отличие от В.Н. Комиссарова, который считает «адекватность» перевода более широким понятием [5: 2002].

Главной и основной задачей любого перевода является передача наиболее полного и точного содержания оригинального высказывания с сохранением его стилистических и экспрессивных особенностей. Но в силу различий в языках – грамматических, лексических и, даже, страноведческих реалий – эта задача может стать весьма затруднительной.

Цель данного исследования – изучение уровней эквивалентности перевода особого класса глаголов в тексте перевода Е. Осеневой произведения Сесиии Ахерн «Подарок».

В.Н. Комиссаров разделяет эквивалентность на: наиболее вероятную, проявляющуюся в максимальной общности содержания двух языков, которые имеют различную структуру и на которых созданы эти тексты; а также переводческую – обусловленную реальным семантическим сходством текстов ИЯ и ПЯ, в процессе перевода достигаемой переводчиком [5, 2002]. Отсюда следуют три условия эквивалентности:

1) «эквивалентность» должна считаться частью определения «перевод»;
2) понятие «эквивалентность» используется в качестве шкалы при оценке правильности и равнозначности перевода;
3) задача переводческой эквивалентности – определить, что должно обязательно сохранено при переводе.

Рассмотрим уровни эквивалентности перевода, выделенные В.Н. Комиссаровым [6], на оригинальном тексте романа Сесилии Ахерн «Подарок» и его перевода на русский язык Елены Осеневой:

1. Уровень цели коммуникации – необходимость сохранения и передачи преимущественно той информации оригинала, которая будет указывать только на общую речевую функцию текста. Пе-

ревод такого уровня используется в случае, когда более детально воспроизвести содержание невозможно, или если он может вызвать другие ассоциации, что приведет к искажению семы высказывания и её неправильной передаче при коммуникации. Данный уровень характеризуется отсутствием возможности связать лексику и структуру оригинального текста и перевода с помощью трансформаций, которые, как выделяет Л.К. Латышев, бывают: 1) лексические – которые определяются как «отклонение от словарных соответствий»; 2) грамматические – заключающиеся в перестройке предложения, изменения структуры и разнообразными заменами синтаксического и морфологического порядка [7:180]. Также, наблюдается потеря прямых логических связей между оригинальным и переведенным сообщениями; самый низкий процент идентичности содержания оригинала и перевода, в сравнении с другими уровнями перевода.

Сесилия Ахерн в предложении "*Lou faked a smile"* [8: 40], использует адвербиальный глагол "*to fake*" для передачи эмоций, выражаемых героем. Словарь Макмиллан определяет этот глагол, как «притвориться что-то сделать» [9]. По причине несопоставимости лексической и синтаксической организации, Елена Осенева, при переводе данного глагола, прибегает к грамматическим трансформациям, чтобы избежать создания неверных ассоциаций со стороны читателя. Перевод предложения следующий: «Лу деланно улыбнулся» [10: 116]. Таким образом, для передачи адвербиальности глагол "*to fake*" заменяется наречием «деланно», а существительное «*a smile*» переходит в класс глаголов со значением «улыбнуться».

2. Уровень описания ситуации – не только передает общую цель коммуникации, но и представляет описание одной и той же внеязыковой ситуации, в совокупности связей между объектами высказывания. В основе отношений между экстралингвистической реальностью и языком заложена их универсальность.

Например, роман начинается монологом – размышлением: *If you were to stroll down the candy-cane facade of a suburban neighborhood early in the morning,…* [8: 1]. Использование такого грамматического построения высказывания направлено на то, чтобы заинтересовать читателя, привлечь его внимание. Переводчик Е. Осенева, в свою

очередь, при переводе данного предложения прибегает описательному переводу, который является более правильным, с точки зрения эквивалентности: Если рождественским утром вы пройдете по улице вдоль ряда окраинных домиков,... [10: 1]. Адвербиальный глагол "*to stroll down*" передан «пройдете по улице вдоль», что, как считает переводчик, является наиболее адекватным переводом.

3. Уровень высказывания – представляет собой комбинацию характеристик первых двух уровней эквивалентности. Задачей на данном уровне перевода является сохранить общие понятия, при которых и описываются ситуации оригинала.

На данном уровне, Е. Осенева передала значение адвербиального глагола "*to pooh-pooh",* который мы наблюдаем в контексте примера "*He tried to forget as they pooh-poohed his order of coffee and instead filled him with beer* ... [8: 410], как: Гнал от себя воспоминание о том, как они подняли его на смех, когда он заказал чашечку кофе, а вместо этого налили ему пива ... [10: 140]. В этом случае, сленговый глагол "*to pooh-pooh"* обозначает «сказать другому, что идея, предположение или его действия не очень хороши либо глупы», по словарю современного английского языка Лонгман [11] дословный перевод, в данном случае, привел бы к искажению восприятия всей ситуации читателем.

4. Уровень сообщения – данный тип воспроизводит большую часть значений синтаксических структур оригинала. В следующем предложении "*He took a seat opposite Alfred, who beamed with astonishment and absolute delight at his friend's apparent breakdown* [8: 56–57]" при переводе используются более схожие с оригиналом лексические единицы «Он уселся напротив Альфреда, лучившегося изумлением и явным удовольствием от столь очевидного краха его приятеля [10: 165]». эквивалентность данного уровня предполагает использование структур, близким к оригиналу с использованием синтаксического варьирования, что помогает обеспечить максимальную идентичность при передаче значения синтаксических структур оригинала. Так, сохраняя в переводе словосочетание с адвербиальным глаголом "*beamed with astonishment* ", переводчик использует тот же семантико-синтаксический состав что и в тексте оригинала и передает глагол как «лучившегося изумлением и явным удовольствием».

5. Уровень языковых знаков – считается самым эквивалентным уровнем передачи оригинального текста в переводной. Этот перевод практически идентичен по структурной организации текст оригиналом; подбираются аналогичные лексические единицы и найдены все соответствия знаменательных словам; сохраняется основа исходного текста в переведенном.

В оригинале Сесилия Ахерн использует адвербиальный глагол "*to time-travel"* для наиболее точной передачи душевного состояния героя, используя минимум лексических средств в следующей ситуации: *Gripping it in his hands during the morning's Kris Kringle reveal, he'd time-traveled back to a Christmas fifty years ago when he'd received a toy police car from his parents* [8: 5]. В переводе соблюдается практически полная идентичность организации текста и подбора экспрессивных средств: Сжав её в руках в то первое утро, он сразу перенёсся мыслью на 50 лет назад, когда тоже получил от родителей в подарок на Рождество игрушечную полицейскую машину [10: 15].

Занимаясь переводом художественных текстов, переводчик должен не только добиться эквивалентности перевода, но и, учитывая различия ИЯ и ПЯ, передать содержание наиболее доступным читателю для адекватного восприятия способом. Таким образом, при переводе чаще всего применяются трансформации, присущие переводу простых английских предложений, осложненных синтаксическими компонентами, что при переводе адвербиальных глаголов вызывает некоторые трудности.

Список литературы

1. Латышев Л. К. Проблема эквивалентности в переводе : дис. … доктора филол. наук : 10.02.20. Москва, 2007. 396 с.
2. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М. : Московский лицей, 1996.
3. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
4. Кэтфорд Дж.К. Лингвистическая теория перевода. М., 2004;
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 210 с.

6. Комиссаров В.Н. Переводческие трансформации [Электронный ресурс]. Теория перевода (лингвистические аспекты) URL: http://study-english.info/equivalence.php#ixzz4ef10WSKV5 (дата обращения: 03.02.2018).
7. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов. М.: Академия, 2005. 320 с.
8. Ahern C. The Gift. HarperCollins Publishers, 2012. 140 p.
9. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. URL: http://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 1.02.2019).
10. Ахерн С. Подарок: Роман / Пер. с англ. Е. Осеневой. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. 352 с.
11. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. URL: http://www.ldoceonline.com (дата обращения: 1.02.2019).

References

1. Latyshev L.K. Problemy ekvivalentnosti v perevode [Problem of translation equivalence: Dokt. in Philology: 10.02.20. Moscow, 2007. 396 p.
2. Minyar-Beloruchev R.K. Teoriya i metody perevoda [Theory and translation methods] M.: Moscow lyceum, 1996.
3. Shveytser A.D. Teoriya perevoda: status, problem, aspect [Theory of translation: status, problems, aspects] M.: Science, 1988.
4. Catford J.K. Lingvisticheskaya teoriya perevoda [Linguistic Theory of Translation] M., 2004.
5. Komissarov V.N. sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation Studies]. tutorial. M. : ETS, 2002. 210 c.
6. Komissarov V.N. perevodchesskie transformatsii [Translation transformations] [Electronic resourse]. “the theory of translation (linguistics)” URL: http://study-english.info/equivalence.php#ixzz4ef10WSKV5 (date of the application: 03.05.2018).
7. Ahern C. The Gift. HarperCollins Publishers, 2012. 140 p.
8. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. URL: http://www.macmillandictionary.com (date: 1.02.2019).
9. Ahern C. Podarok [The Gift] /translated by E. Oseneva. M. : Inostranka, azbuka-atticus, 2012. 352 p.
10. Latyshev L.K. Tekhnologiya perevoda [Translation technology]: manual for students of linguistic universities and faculties M.: Academia, 2005. 320 p.

11. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. URL: http://www.ldoceonline.com (date: 1.02.2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Дехнич Ольга Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Студенческая, 14, г. Белгород, 308007, Российская Федерация

Чупилко Екатерина Владимировна, магистрант 1 курса заочной формы обучения института межкультурной коммуникации и международных отношений.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
ул. Студенческая, 14, Белгород, 308007, Российская Федерация
chupilko@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dekhnich Olga Vitalievna, PhD in Philology, Associate Professor in Department of English Philology and Cross-cultural Communication in The Institute of Cross-cultural Communications and International Relations
Belgorod National Research University
14, Studencheskaya Str., Belgorod, 308007, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6088-2656

Chupilko Ekaterina Vladimirovna, master student of 1 course of part-time education in The Institute of Cross-cultural Communications and International Relations
Belgorod National Research University
14, Studencheskaya Str., Belgorod, 308007, Russian Federation
chupilko@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-3894-0914

© Современные исследования социальных проблем
2019, Том 11, № 1-2 • http://soc-journal.ru

УДК 811.111-26

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СИНТАКСИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ УСЛОВНЫМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Евстафиади О.В., Ласица Л.А.

В статье рассматривается проблема функционирования английских сложноподчиненных предложений с придаточными условными в контактной коммуникации, представленной речью персонажей в художественном тексте. В результате проведенного анализа определена частотность синтаксически маркированных СППУ в прямой, внутренней и несобственно-прямой речи персонажей, выявлен стилистический потенциал рассматриваемых единиц экспрессивного синтаксиса в создании атмосферы произведения, раскрытии эмоционального мира героев и передачи авторской идейно-эстетической концепции.

Ключевые слова: *условная ситуация; синтаксически маркированные сложноподчиненные предложения с придаточными условными; апозиопезис; парцелляция; контактная коммуникация; речь персонажа.*

STYLISTIC POTENTIAL OF SYNTACTICALLY MARKED COMPLEX CONDITIONAL SENTENCES IN THE ENGLISH LITERARY TEXT

Evstafiadi O.V., Lasitsa L.A.

The article focuses on functioning of English complex conditional sentences in contact communication represented by characters' speech in a literary text. The results of the analysis demonstrate the frequency of syntactically marked complex conditional sentences in uttered, inner and represented speech and their stylistic function in imparting a defi-

nite atmosphere of the text and in conveying characters' emotional state and the author's message.

Keywords: *conditional situation; syntactically marked complex conditional sentences; aposiopesis; attachment; contact communication; character's speech.*

Введение

Сложноподчиненные предложения с придаточными условными (СППУ) эксплицитно представляют условную ситуацию, в которой событие-следствие, выраженное в главной части (ГЧ) детерминировано событием-условием, выраженным в зависимой части (ЗЧ). Маркерами условия являются условные союзы и союзные слова: if, in case that, provided, unless, on condition that и т.п. Прототипические СППУ, в которых обе части условной ситуации выражены эксплицитно, подробно описаны как отечественными, так и зарубежными лингвистами Т.Г. Акимовой, Н.А. Козинцевой [1], R. Declerk, S. Reed [6]. В работе R. Declerk, S. Reed приводится классификация синтаксически маркированных СППУ, согласно которой выделяются: СППУ со структурой последовательного подчинения; СППУ с двумя или более зависимыми или главными частями, соединенными сочинительной связью; СППУ с зависимой частью в функции определения; СППУ с имплицитной главной частью; СППУ с имплицитной зависимой частью; компрессированные СППУ [6].

Наш интерес к синтаксически маркированным СППУ обусловлен новым подходом к анализу языковых единиц, учитывающим не только их структуру, но и реальное функционирование в речи, а также их стилистический потенциал в формировании авторской идейно-эстетической концепции.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 1575 контекстов, содержащих прототипические и синтаксически маркированные СППУ, извлеченных методом сплошной выборки из современных англоязычных художественных произведений.

Результаты исследования и их обсуждение

Художественный текст по своей природе полимодален и обладает несколькими речевыми планами. Помимо авторского повествования в художественном тексте наличествует речь персонажей: прямая и внутренняя. В некоторых художественных текстах повествовательная перспектива нетрадиционна, речевые планы автора и персонажа переплетаются в несобственно-прямой речи.

С позиций дискурсивно-стилистического подхода к тексту [2], [4], согласно которому текст является, с одной стороны, продуктом авторской дискурсии, с другой стороны, отправной точкой для читательской, авторскую речь можно рассматривать к коммуникацию между автором и читателем, дистанцированным во времени и пространстве, тогда как речь персонажей, в том числе и несобственно-прямую речь, как естественную коммуникацию. По мнению О.А. Костровой оба вида коммуникации отличаются модальностью, авторская речь (дистантная коммуникация) объективна, речь персонажей (контактная коммуникация) персонально окрашена [4].

Проведенное нами исследование показало, что в художественном тексте синтаксически маркированные СППУ употребляются в авторской и персонажной речи практически в равном количестве (9% и 13,5%) соответственно от общего количества СППУ в каждом виде коммуникации. При этом в авторской речи синтаксически маркированные СППУ представлены одним вариантом СПП с имплицитно выраженной зависимой частью, тогда как в персонажной речи наблюдается их вариативность.

«Having her moved into another bedroom was his way of apologizing. *A clever wife would have figured that out right away, and been thankful and relieved*» [9].

Во внутренней речи синтаксически маркированные СППУ встречаются в 3 раза чаще по сравнению с другими видами речи персонажей, и их доля от общего количества СППУ в этом виде речи составляет 37,5%. Высокая частотность и вариативность синтаксически маркированных СППУ в этом виде персонажной речи обусловлены характером истинной внутренней речи, аналогом ко-

торой является изображенная, которая имеет сходные черты, такие как «сжатый синтаксис, фрагментарность выражения мысли» [3, с. 134–135]. При помощи синтаксически маркированных СППУ автору удается раскрыть эмоциональный мир героя, передать его размышления, переживания и желания. В связи с этим отсутствие главной части СППУ служит определенным сигналом напряженного эмоционального состояния говорящего и выражает целый спектр его чувств (желание, гнев, возмущение, страх). Придаточные условные предложения могут содержать предположения с желательным или нежелательным для говорящего исходом. Так или иначе, говорящий помещает себя или третье лицо в обстоятельства, не соответствующие объективной реальности. Сильное, хотя и проблематичное или порой невыполнимое желание передают условные придаточные предложения типа “If only” с имплицитно выраженной главной частью: «He wants to be left alone; he does not want to speak to anyone; he suffers fits of what he thinks of as dry weeping. *If only real tears would come!* he thinks. *If only I could be washed away in tears!*» [5].

В следующем примере импликация следствия является синтаксическим средством выражения гнева и ненависти персонажа: «Hatred tightened through Charlie again, worse than before. It choked him into immobility. *If he ever got hands on Jésus Carreras…*» [7].

Нежелательный исход предположения может вызывать страх говорящего и явиться препятствием для завершения реплики. «The garden he recalled so cruelly was wrecked. The fountains were down, twisted into ruin. Part of the upper floor had collapsed into the side of the garden, burying half of it. *If Sibyl had been over there ...*» [7]. В данном случае говорящий делает предположение “If I run…”, но вспомнив другие обстоятельства (Bericus has my daughter) и осознав, что последствия его предположения нежелательны, его охватывает страх, и он не может завершить фразу. СППУ с имплицитной главной частью относятся к экспрессивно маркированным синтаксическим конструкциям, поскольку представляют собой вариант апозиопезиса, то есть незавершенность высказывания говорящего под влиянием сильных чувств.

Помимо этого СППУ с имплицитным следствием могут принимать участие в создании парцелляции, когда придаточное предложение, формально выделившееся в самостоятельную синтаксическую единицу, семантически и прагматически зависит от предыдущего основного высказывания. Подобного рода придаточные служат сигналом активной мыслительной деятельности героя в условиях эмоционального напряжения, например, когда ему необходимо принять важное решение: «Charlie turned his back and left his «master» screaming for help. He had to find Sibyl and his daughter. *If they were still alive*» [7].

Вариант СППУ, в котором следствие содержится в компрессированной форме типа «What if», встречается в художественном тексте (причем исключительно в речи персонажей) в 2,3 раза реже по сравнению с СППУ с имплицитной следственной частью, доля обоих относительно других типов синтаксически маркированных СППУ соответственно 22% и 50%. Например, «What had Bericus done to him during the intervening hours? *What if he were too injured to be moved? Or already dead?* If he'd tried to rescue her while she was drugged...» [7].

В контактной коммуникации спонтанность речи и ее естественность достигается за счет комбинации различных синтаксически маркированных СППУ, например, СППУ с компрессированной ГЧ и СППУ с имплицитной ЗЧ: «*What if he comes for you?*» – She shook her head. «He won›t». «*But what if he does?*» She let out a sigh. «*I would think his pride forced him to come here. I wouldn't go back with him.* Can't we talk about something else?» [8].

Заключение

Таким образом, синтаксически маркированные СППУ, как элемент экспрессивного синтаксиса, способствуют созданию образа персонажа, раскрытию его внутреннего мира, передачи эмоционального состояния, а также атмосферы художественного произведения.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Условные предложения в английском языке // Типология условных конструкций; отв. ред. В.С. Храковский. Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. Спб.: Наука, 1998. С. 306–324.
2. Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст: монография. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
3. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте. Томск, 1984. 149 с.
4. Кострова О.А. Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации. На материале современного немецкого языка. Издательство Саратовского университета, Самарский филиал, 1992. 144 с.
5. Coetzee J.M. Slow man. Secker & Warburg, 2005. 272 p.
6. Declerk R. Conditionals: a Comprehensive Empirical Analysis. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2001. 536 p.
7. Evans L. Far Edge of Darkness. New York: Windhaven Press, 1996. Режим доступа: http://www.baen.com
8. Garwood J. The Wedding. N. Y.: Simon & Schuster, Inc., 1996. 352 p.

References

1. Akimova T.G., Kozintseva N.A. Uslovnye predlozheniya v anglijskom yazyke [Conditionals in the English language] // Tipologiya uslovnyh konstrukcij; otv. red. V.S. Hrakovskij. Ros. akad. nauk. In-t lingvist. issled. Spb.: Nauka, 1998. S. 306–324.
2. Andreeva V.A. Literaturnyj narrativ: diskurs i tekst: monografiya [Literaty narrative: discourse and text]. SPb.: Norma, 2006. 182 s.
3. Goncharova E.A. Puti lingvostilisticheskogo vyrazheniya kategorij avtor – personazh v hudozhestvennom tekste [Ways of linguistic expressing the categories of the author and the character in a literary text]. Tomsk, 1984. 149 s.
4. Kostrova O.A. Prodolzhennaya sintaksicheskaya forma v kontaktnoj kommunikacii. Na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka [Prolonged syntactical form in a contact communication. Based on modern German]. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Samarskij filial, 1992. 144 s.
5. Coetzee J.M. Slow man. Secker & Warburg, 2005. 272 p.
6. Declerk R. Conditionals: a Comprehensive Empirical Analysis. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2001. 536 p.

7. Evans L. Far Edge of Darkness. New York: Windhaven Press, 1996. Режим доступа: http://www.baen.com
8. Garwood J. The Wedding. N.Y.: Simon & Schuster, Inc., 1996. 352 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Евстафиади Ольга Вячеславовна, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, кандидат филологических наук
Оренбургский государственный университет
пр. Победы 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
evstafiadi.olga@rambler.ru

Ласица Любовь Александровна, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, кандидат филологических наук
Оренбургский государственный университет
пр. Победы 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
lasitsa-la@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Evstafiadi Olga Vyacheslavovna, associate professor, Department of English philology and the English language teaching methods, Candidate of Philology
Orenburg State University
13, Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation
evstafiadi.olga@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-7597-1333

Lasitsa Lyubov Alexandravona, associate professor, Department of English philology and the English language teaching methods, Candidate of Philology
Orenburg State University
13, Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation
lasitsa-la@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1839-3538

УДК 82-21

АСПЕКТЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТАТАРСКИХ ТРАГЕДИЯХ XX ВЕКА

Еникеев И.А., Ганиева А.Ф., Миннуллина Ф.Х.

В статье исследуется коммуникативная роль эстетической категории «трагическое». Указанная категория позволяет соединять разные жанры драматургии в контексте общего замысла автора. Представлены разнообразные художественные формы этого смыслового взаимодействия.

Ключевые слова: *коммуникация; смыслы; эстетика; драматургия; жанр; трагедия; татарская литература; русскоязычная литература; героическая драма.*

ASPECTS OF AESTHETIC COMMUNICATION IN TATAR TRAGEDIES OF THE TWENTIETH CENTURY

Enikeev I.A., Ganieva A.F., Minnullina F.Kh.

The article investigates the communicative role of aesthetic category «tragic». This category allows you to combine different genres of drama in the context of the general idea of the author. Presented a variety of art forms of semantic interaction.

Keywords: *communication; meanings; aesthetics; drama; genre; tragedy; Tatar literature; Russian literature; heroic drama.*

Введение

В теоретическом плане проблему трагического в татарской драматургии и художественных формах его воплощения поставил известный театровед Х. Махмутов в 1982 году. Если раньше и были отдельные замечания по данному вопросу ученых и писателей, то они больше носили описательный характер. Х. Махмутов показал

процесс развития трагического от первых десятилетий XX века до начала 1980-х годов. Он сделал вывод о прерывистости и скачкообразности этого движения, разделил понятия трагедия и трагедийная пьеса. Ученый приводит интересную мысль писателя Ч. Айтматова: «Если уровень мышления художника не может подняться до уровня трагедии, то это весьма удручающее явление» [1, с. 41].

Методы исследования

В статье используется сравнительно-типологический метод в соответствии с перспективой и характером исследования.

Обсуждение

Х. Махмутов доказал свои теоретические предположения на примере трех пьес, посвященных подвигу М. Джалиля в тылу фашистов. Он показал художественные отличия и жанровые особенности пьес Д. Валеева «День Икс», А. Гаффара «Суд» и Т. Миннуллина «У совести вариантов нет», и дал прогноз развития художественных форм на последующие годы. Многие его предположения нашли подтверждение в научных работах последних лет А.М. Закирзянова [2] и Ф.Х. Миннуллиной [3].

Результаты

Выяснилось, что собственно жанр трагедии достаточно редко встречается не только в татарской, но и в других национальных литературах. Этот жанр требует от писателя высокого художественного мастерства, умения увидеть крупный трагический конфликт в реальной жизни и способность воплотить эти противоречия в характере главного героя. Гораздо чаще писатели воплощают трагизм жизни в усеченном виде, используя более облегченные формы драматургии: драму. мелодраму, трагикомедию. «Под влиянием общественных процессов трагедия переживает определенные трансформации. В татарской пьесе философские поиски переплетаются с темой национальных и нравственных ценностей. Большое место в трагедиях занимает лирико-эмоциональное и романтическое на-

чало, и столь любимые татарским зрителем элементы мелодрамы. Присущий трагедии конфликт личности и общественного долга, приобретает форму переживаний за судьбу всего народа и преподносится через любовную сюжетную линию. Трагический конфликт уходит в сферу внутренних переживаний героя, не согласного с существующими порядками. Национальный герой в этих пьесах не вырастает до уровня подлинно трагического характера» - подчеркивает А.М. Закирзянов [2, с. 235]. Более того, писатель может заявить, что жанр его произведения – трагедия, но фактически из под его пера появляется историческая или героическая драма, как в случае с пьесой Т. Миннуллина «У совести вариантов нет», посвященной подвигу Мусы Джалиля.

Возможен и обратный процесс. Так, написавший в 1963 году семейную драму «Братья Тагировы», Фатих Хусни изображает историю трех родных братьев и выводит их судьбы на уровень подлинного трагического звучания. Попавший во время войны в плен младший брат Загит, а затем отправленный в лагеря и позднее реабилитированный, возвращается в родную деревню. Для своих старших братьев он становится черным пятном в их успешной карьере руководителя и ученого. Они живут в страхе, ожидают, что порядки в стране могут снова измениться. «Ф. Хусни в драме «Братья Тагировы» раскрывает преступность сталинской политики с духовной стороны. Все трое Тагировых являются жертвами культа личности. Трагедия Загита в необоснованных обвинениях и последовавшем заключении. Без всякой вины, потерявший 13 лет молодой жизни и свою возлюбленную Гулендем, вышедшую замуж за его близкого друга фронтовика Махмута. За внешними приличиями старших братьев он чувствует, что они пытаются избавиться от него. И все же старший брат Закир, в отличие от среднего – Зарифа, способного растоптать понятия человечности и родства, представлен в образе персонажа, не утратившего человеческие качества» – пишет исследователь А.Ф.Ганиева [4, с. 61]. В данной пьесе сила таланта вывела писателя на уровень настоящего трагического конфликта, который по ходу пьесы не получил дальнейшего развития и сюжет

произведения ближе к финалу перешел на уровень всеобщего согласия, примирения и созидательного труда.

Тем не менее, эта пьеса, пользовавшаяся большим успехом у зрителей, в 1965 году неожиданно была снята с репертуара и больше не показывалась. Это время стало рубежным для развития трагического в татарской литературе. Еще в 1961 году татарский писатель А. Гилязов написал шедевр трагической литературы – повесть «Три аршина земли». Впервые это произведение было опубликовано в переводе на русский язык в журнале «Дружба народов» в 1964 году и получило премию редакции. Сразу же после этого на произведение было наложено табу молчания, продлившееся до 1987 года, когда режиссер М. Салимджанов с успехом поставил инсценировку этого произведения на сцене ТГАТ им. Г. Камала. С опозданием на четверть века эта трагедия пришла к зрителям. Как пишет театровед Д. Гимранова, когда в 1970-е годы Московский театр им.Станиславского попытался осуществить эту постановку, по звонку из обкома партии ТАССР данный проект был запрещен [5]. Трудно сказать, по какому пути пошла бы татарская драматургия, если бы в свое время это произведение увидело бы свет. Но со второй половины 1960-х годов трагическое ушло в сферу национальной истории и мифологии, фольклорных героев.

И все же этот приторможенный вектор развития национальной татарской драматургии нашел свое продолжение в татарской русскоязычной литературе – в творчестве драматурга Диаса Валеева, племянника известного татарского писателя Аделя Кутуя, который в молодые годы увлекался поисками в области новых художественных форм и находился под влиянием творчества Вл. Маяковского. Племянник, в условиях нового времени, подхватил и продолжил эти поиски, правда на русском языке. Это еще раз подтверждает вывод Х. Махмутова, что трагедия это высшая школа драматургии с определенными мировыми традициями. Она не передается последовательно от одного поколения писателей к другим, но может спонтанно проявиться в хронологически не совпадающие периоды, в разных национальных литературах. Иногда замысел писателя

может очень далеко уйти от вектора развития национальной литературы [6, с. 58]. Например, этнически татарский русскоязычный писатель И. Абузяров написал произведение «Финское солнце» (2015) на основе традиций латиноамериканского романа XX века. Образовалась смесь национального поволжского колорита и элементов художественной системы магического реализма, в которой философское осмысление жизни и трагизм стали ее неразрывными элементами [7]. Нечто подобное произошло в татарской литературе в 70-е годы XX века, когда русскоязычный писатель Д. Валеев вполне сознательно решил возродить жанр трагедии на современном материале. Причем сделал это вполне осознанно и подвел под эти поиски соответствующую теоретическую базу в виде трудов советских театроведов. Фактически он возродил забытую традицию трагической советской пьесы начала 1920-х годов, и это вполне соответствует тезису о скачкообразном развитии трагического. «Мои программные взгляды на литературу, – писал Д. Валеев, – состоят в том, чтобы писать о преодолении человеком невозможного в самом себе и во вне. Аномалии подвига и любви есть то, чего жаждет сам человек, есть глубинное явление его духа. Меня интересует человек-максималист, формирующий действительность, а не формируемый средой и обстоятельствами» [8, с. 39]. У писателя был талант увидеть проблему там, где многие проходили мимо. В этом плане он был самобытным и оригинальным писателем, не просто внесшим вклад в развитие национальной трагической литературы, но и создавшим свою школу национальной трагедии. Он показал, как можно это делать и ряд национальных писателей успешно использовали его наработки в последующем своем творчестве. Известный театральный критик Н. Велихова так определила специфику писателя: « В драматургическом мастерстве Диаса Валеева присутствует то, что стоит дороже всего – это конфликтность, этот заветный и неподдающийся подделке источник движения. Если взглянуть на пьесы разных авторов, то весьма нередко встречается его неполноценная замена – вместо конфликта мы видим лишь материал для него, якобы отколотый от жизни. Но сними с него местные или

производственные наряды, обнаруживаешь его растекаемость, его сходство с конфликтами других пьес или произведений иных жанров» [9. с. 98].

Заключение

Трагическое играет важную роль в национальных литературах, потому что определяет уровень художественного развития литературы. Через потрясение зрителя и читателя она расставляет нравственные ориентиры в общественном сознании, дает читателю набор мировоззренческих маркеров, по которым они могут ориентироваться в жизни. Развитие татарской драматургии на протяжении XX века дало примеры самого разного жанрового и художественного воплощения трагической традиции, играющей важную роль в развитии национального художественного процесса.

Список литературы

1. Махмутов Х. Трагедия жанрында эзләнүләр // Сцена и время. Казань, 1982. С. 18–44.
2. Закирзянов А.М. Жанр трагедии в современной татарской драматургии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2010. Вып. 1. С. 226–235.
3. Миңнуллина Ф. Татар әдәбиятында трагедия жанры // Фәнни Татарстан. 2018. № 2. Б.30–34.
4. Ганиева А.Ф. «Братья Тагировы»: концепция эпохи и личности // Театр. Время. Герой. Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2018. С. 59–62.
5. Гимранова Д. Бай ижат мирасы калдырган әдип // Шәһри Казан. 2003. 31 январь. Б. 3.
6. Габидуллина Ф.И. Абдуллина Д.М. Поэтика цвета в прозе Г. Гильманова // В мире научных открытий. 2014. № 1 (49). С. 58–64.
7. Аминева В.Р., Набиуллина А.Н. Хронотоп города в современной русскоязычной прозе татар // Возрождение национальных литератур во 2-ой половине XX века и Чингиз Айтматов. Международная научно-практическая конференция. Казань, 2018. С. 47–53.

8. Валеева Д.К. Либертус или Люцифер: к анализу творчества Диаса Валеева. Казань. Заман: 2011. 575 с.
9. Велехова Нина. День Икс или Будущее, которое вне нас // Театр. 1986. № 12. С. 97–109.

References

1. Mahmutov H. (1982). Tragediya janrinda ezlenuler [Search in the genre of tragedy]. In: *Scena i vremya [Scene and time]*. Kazan, 1982, pp. 18–44.
2. Zakirzyanov A.M. (2010). Janr tragedii v sovremennoi tatarskoi dramaturgii [The genre of tragedy in the modern Tatar drama]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9*, 1: 226–235.
3. Minnullina F. (2018). Tatar edebiyatinda tragediya janri [Genre of tragedy in Tatar literature]. *Fenni Tatarstan [Scientific Tatarstan]*, 2: 30–34.
4. Ganieva A.F. (2018). «Bratya Tagirovi» koncepciya epohi i lichnosti // *Teatr. Vremya. Geroi. Materiali Mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii [Theatre. Time. Hero. Materials of the International scientific and practical conference]*. Ufa, pp. 59–62.
5. Gimranova D. (2003). Bai ijat mirasi kaldirgan edip [Poet, who left a rich heritage of creativity]. *Shehri Kazan [Kazan]*, 31 January, p. 3.
6. Gabidullina F.I. (2014). Abdullina D.M. Poehtika cveta v proze G.Gil'manova [Poetics of color in G. Gilmanov's prose]. *V mire nauchnyh otkrytij*, 1 (49): 58–64.
7. Amineva V.R. Nabiullina A.N. (2018). Hronotop goroda v sovremennoi russkoyazichnoi proze tatar [City chronotope in modern Russian-speaking prose of Tatars]. In: *Vozrojdenie nacionalnih literatur vo 2-oi polovine 20 veka i Chingiz Aitmatov. Mejdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya [Revival of national literatures in the 2nd half of the XX century and Chinghiz Aitmatov. International scientific and practical conference]*. Kazan, pp. 47–53.
8. Valeeva D.K. (2011). *Libertus ili Lyucifer k analizu tvorchestva Diasa Valeeva* [*Libertus or Lucifer: to the analysis of creativity of Díaz Valeeva*]. Kazan: Zaman. 575 p.
9. Velehova N. (1986). Den Iks ili Buduschee, kotoroe vne nas [Day X or the Future, which outside us]. *Teatr [Theater]*, 12: 97–109.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Enikeev Il'dar Akhnafovich, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
ул. К. Маркса, 12, г. Казань, 420111, Российская Федерация
eniki07@mail.ru

Ганиева Айгуль Фирдинатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
ул. К. Маркса, 12, г. Казань, 420111, Российская Федерация
aygulgani@mail.ru

Миннуллина Фатыма Халиулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
ул. К. Маркса, 12, г. Казань, 420111, Российская Федерация
minnullina77@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Enikeev Il'dar Akhnafovich, Ph. D. in Philology, Senior Researcher
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
12, K. Marx str., Kazan, 420111, Russian Federation
eniki07@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4659-273X

Ganieva Aygul Firdinatovna, Ph. D. in Philology, Senior Researcher
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
12, K. Marx str., Kazan, 420111, Russian Federation

aygulgani@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4180-7938

Minnullina Fatima Khaliullovna, Ph. D. in Philology, Senior Researcher
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
12, K. Marx str., Kazan, 420111, Russian Federation
minnullina77@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8633-5850

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГЕРУНДИЯ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ОСНОВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДЕЛОВОГО ТЕКСТОВ)

Ипатова В.П.

В настоящей статье предпринята попытка выявить и сравнить способы перевода герундия с английского языка на русский язык на основе текстов разных типов, а также обосновывается выбор переводчиком тех или иных способов передачи данной глагольной формы.

Ключевые слова: *герундий; глагольная форма; способ перевода с английского языка на русский язык; тип переводимого текста.*

FEATURES OF TRANSLATING A GERUND FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (ON THE BASIS OF LITERARY AND BUSINESS TEXTS)

Ipatova V.P.

This article attempts to identify and compare the ways of translating a gerund from English into Russian on the basis of texts of different types, and also substantiates the translator's choice of certain ways of transmitting this verbal form.

Keywords: *gerund; verbal form; method of translation from English into Russian; type of translated text.*

Настоящая статья посвящена исследованию специфики перевода герундия с английского языка на русский язык (на основе художественного и делового текстов).

Актуальность исследования обусловлена интересом к герундию как наиболее своеобразной неличной форме английского глагола,

которая имеет параллель только в романских языках и несвойственна другим германским языкам. Герундий обладает парадигмой, содержащей глагольные черты (например, способность принимать прямое дополнение) и субстантивные черты (герундий занимает в предложении только субстантивные позиции). Особое внимание к герундию подтверждается трудами А.А. Ривлиной, Ж.В. Лихачевой, В.С. Слепович, Е.А. Корнеевой и других авторов.

Целью нашей работы является изучение и сопоставление способов перевода герундия с английского на русский язык в художественном и деловом текстах, а именно: в рассказе Ф.С. Фицджеральда "The Curious Case of Benjamin Button" [1], перевод которого выполнен Т. Луковниковой [2], и статьях из журнала «RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE» [3; 4].

Проанализировав перевод герундия в рассказе «Загадочная история Бенджамина Баттона» и текстах статей из журнала «RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE», мы выявили, что для его передачи используются разные способы, что обусловлено типом переводимого текста, поскольку в деловом тексте он предназначен для передачи информации, а в художественном – также служит средством художественного воплощения.

В рассказе Ф.С. Фицджеральда «Загадочная история Бенджамина Баттона» герундий передается различными глагольными формами (инфинитивом, личными и безличными формами глагола, деепричастием):

▪ *He did not make the mistake of announcing that he would never see fifty again, […].* Он не сделал роковой оплошности и умолчал о том, что ему уже далеко за пятьдесят *[…]*.

▪ *When he was five he was sent to kindergarten, where he initiated into the art of pasting green paper on orange paper, of weaving coloured maps and manufacturing eternal cardboard necklaces.* Пяти лет от роду его отдали в детский сад, где он приобщился к великому искусству наклеивать зеленые бумажки на оранжевые, плести цветные узоры и изготовлять бесконечные картонные украшения.

▪ *Roscoe believed that "live wires" should keep young, but carrying it out on such a scale was--was--was inefficient.* Роско считал, что энер-

гичные люди должны сохранять молодость, но надо же знать меру, *ведь это… это… просто неделовой подход!*

▪ *The colonel turned and began walking his horse in the direction of headquarters.* И полковник пошел к штабу, ведя коня под уздцы.

Герундий в рассказе также передается существительным, прилагательным, самостоятельными и придаточными предложениями в составе сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. При этом существенно меняется грамматическая структура предложений в тексте перевода, и функция, выполняемая герундием в оригинальном тексте, часто не совпадает с функцией той единицы языка, которая используется для его передачи.

Герундий в текстах статей из журнала «RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE» переводится существительным, имеющим различные функции в тексте перевода:

▪ *However, saying that cheap alcohol "is preferred" is a kind of exaggeration.* В то же время термин «пользуется популярностью» для недорого алкоголя не совсем точен.

▪ *According to "TOY Opinion's" research held in February 2011 for "Fine Ingredients" – the company specializing in ingredients for brewing special beer styles – these beer styles are purchased by about 45% of consumers.* По данным «Той Опинион» (исследовательская волна в феврале 2011 года), которые проводились для компании «Файн Ингредиентс», специализирующейся на ингредиентах для создания специальных сортов пива, *специальные сорта пива покупают порядка 45% потребителей.*

▪ *It implies having as complete information on market demands as possible and knowing novelties in food ingredients able to satisfy the said demands and help the manufacturers hit their strategic goals.* Он подразумевает владение максимально полным объемом информации о потребностях рынка и постоянно обновляющемся ассортименте пищевых ингредиентов, способным удовлетворить эти потребности и решить многие стратегические задачи производителей.

Герундий в текстах статей «RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE» может также передаваться неопределен-

ной и личной формой глагола, деепричастием, самостоятельными и придаточными предложениями в составе сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. При этом грамматическая структура предложений в тексте перевода нередко остается неизменной и соответствует структуре английских предложений, и функция, выполняемая герундием в оригинальном тексте, часто совпадает с функцией той единицы языка, которая используется для его передачи.

Таким образом, перевод герундия в художественном и деловом тексте осуществляется различными способами: в анализируемом художественном тексте он преимущественно передается различными глагольными формами, а в деловом тексте – существительным. При переводе художественного текста существенно меняется грамматическая структура предложений в тексте перевода, и функция, выполняемая герундием в оригинальном тексте, часто не совпадает с функцией единицы языка, которая используется для его передачи, а в деловом тексте структура преимущественно не изменяется, а функция герундия равнозначна функции единицы языка перевода. Это объясняется типовыми особенностями переводимого текста, поскольку язык делового текста служит средством передачи информации, а в художественном тексте он также выступает средством художественного воплощения.

Список литературы

1. Fitzgerald F.S. The Curious Case of Benjamin Button // Page by Page Books.URL:https://www.pagebypagebooks.com/F_Scott_Fitzgerald/The_Curious_Case_Of_Benjamin_Button/ (дата обращения: 10.02.2019).
2. Фицджеральд Ф.С. Загадочная история Бенджамина Баттона // KNIJKY.ru. URL: http://knijky.ru/books/zagadochnaya-istoriya-bendzhamina-battona (дата обращения: 10.02.2019).
3. RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE. Archive. URL: http://www.foodmarket.spb.ru/eng/archive.php (дата обращения: 10.02.2019).
4. RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE. Архив. URL: http://www.foodmarket.spb.ru/archive.php (дата обращения: 10.02.2019).

References

1. Fitzgerald F.S. The Curious Case of Benjamin Button // Page by Page Books. Available at: https://www.pagebypagebooks.com/F_Scott_Fitzgerald/The_Curious_Case_Of_Benjamin_Button/ (accessed 10.02.2019).
2. Fitzgerald F.S. Zagadochnaya Istoriya Bendzhamina Battona [The Curious Case of Benjamin Button] // KNIJKY.ru. Available at: http://knijky.ru/books/agadochnaya-istoriya-bendzhamina-battona (accessed 10.02.2019).
3. RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE. Archive. Available at: http://www.foodmarket.spb.ru/eng/archive.php (accessed 10.02.2019).
4. RUSSIAN FOOD & DRINKS MARKET MAGAZINE. Archive. Available at: http://www.foodmarket.spb.ru/archive.php (accessed 10.02.2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ипатова Виктория Петровна, доцент, кандидат филологических наук

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
ул. Старых Большевиков, 54А, г. Воронеж, 394064, Российская Федерация
ipatova_viktoriya@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ipatova Victoria Petrovna, associate professor, candidate of philological sciences

MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»
54A, Staryh Bol'shevikov street, Voronezh, 394064, Russian Federation
ipatova_viktoriya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4905-6713

УДК 655.535.56

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ

Каримова И.Р.

В статье представлена систематизация текстов и их поэтапное детализированное описание по целому ряду коммуникативно значимых характеристик: по признаку того, какая языковая материя формирует текст, по характеру обстановок, описываемых текстом, по признаку имитированности / неимитированности, по характеру информации, по признаку знаковой однородности / неоднородности.

Ключевые слова: *текст; форма и содержание текста; систематизация.*

MODERN SYSTEMATIZATION OF THE TEXTS

Karimova I.R.

The article presents the systematization of texts and their step-by-step detailed description on a number of communicatively significant characteristics: on the basis of what language matter forms the text, on the nature of the situations described by the text, on the basis of imitation / immitability, on the nature of information, on the basis of sign homogeneity / heterogeneity.

Keywords: *text; form and content of the text; systematization.*

Введение

Разные подходы к формированию систематизации текстов обусловлены сложностью их структурной, смысловой и коммуникативной организации, соотнесенностью с главными элементами коммуникации – творцом и чтецом, обусловленностью реальностью и знаковым характером. Цель изучения – предложить современную систематизацию текстов.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели используются описательный и интерпретационный методы исследования.

Результаты исследования

Имеющиеся в современной лингвистике тексты различаются обилием в плане формы и содержания [2, с. 34].

Практически всегда лингвисты акцентируют внимание на *диалогических*, *монологических* и *гибридных* текстах. Данное разделение производится согласно показателю: какая языковая материя показана в тексте. Если текст отображает разговор, происходящий в бытовой сфере общения, то тогда подразумевается транспозиция речи в текст.

Наиболее трудная обстановка появляется в случае образных драматургических текстов. Тут никак не представляется возможным заявлять о транспозиции речи, вследствие того, что данные диалоги возникают не в речи, а формируются творцом согласно речевым стандартам, однако с позиции текста. Собственно речевой характер этих текстов вторичен, вследствие того, что они имеют все шансы быть инсценированы лишь только тогда, как текст уже сотворен. Сюда еще возможно отнести тексты интервью, научных и других обсуждений. Интервью имеют все шансы транспонироваться из речи в текст, но возможна и незамедлительная подача в форме текста по заблаговременно сформулированным вопросам. В данном случае они напоминают анкету.

Более обычным монологическим текстом считается текст научного трактата, монографии, научно-популярной статьи, потому что конфигурация диалога в них не принята. Высший уровень монологизма обнаруживают и почти все деловые бумаги – патентные описания, стереотипы, спецификации, экспресс-информации, справочники, информационные листки, технологические карты, а еще правовые бумаги – законы, распоряжения, акты.

Гибридные тексты – это образные прозаические произведения различных жанров. Вкрапления творца в них монологичны, а ком-

муникативная связь среди персонажей осуществляется на основе диалога.

Основание для систематизации текстов приобретает характер обстановки, описываемой текстом. Это нужно воспринимать в том смысле, что в тексте имеется возможность описывать ряд сменяющих друг друга событий, эпизодов, характеризоваться личность, вещь, событие или же воспроизводиться интеллектуальная деятельность по обоснованию или подтверждению того или же другого научного положения, гипотезы, закона, аксиомы. Согласно данному положению следует отличать *нарративные*, *описательные* и *аргументативные* тексты. Образцом нарративного текста являются тексты приключенческого характера в беллетристике, тексты руководств по эксплуатации оборудования, тексты боевых наставлений, кулинарных и иных рецептов. Описательными текстами полагается считать отображения характерных свойств различных предметов, являющихся предметом исследования в биологии и химии. Сюда относят и тексты характеристик, выдаваемые по завершении средних учебных заведений или же представляемые при поступлении на работу. Большей частью аргументативными по собственной природе считаются математические тексты, так как в них значительное пространство занимают размышления и подтверждения.

Важным признаком текста является его *имитированный* либо *неимитированный* вид. Имитированный текст – это документ, созданный в соответствии с эталоном, а в предельном случае содержит заблаговременно данный формат: нотариальные справки (заявления, ходатайства, акты, завещания), патентные описания, стереотипы, авторефераты диссертаций. Почти все из этих текстов имеют заглавия в виде бланков, содержащих кое-какие неизменные текстовые составляющие и пробелы, заполняемые переменными данными. Всякий раз формулируемые заново тексты считаются *неимитированными*. К ним относятся прежде всего беллетристические тексты.

Характер информации, отраженный в тексте, предоставляет возможность рассматривать *переведенные* и *нетранслированные* тексты. *Нетранслированный* – это настоящий текст данного либо

другого творца. Такой текст может быть академическим и образным. *Переведенный* текст – это текст пересказа либо обработки оригинального текста. Образцами данных текстов в области науки являются аннотации, рефераты, обзоры, ссылки, а среди образных текстов – переложения.

Необходимой основой для систематизации текстов полагается считать признак знаковой однородности либо неоднородности. З*наково-однородный* текст содержит единицы только лишь одной знаковой системы. Таковыми являются тексты, написанные естественным языком, использующем либо фонографическое письмо (латиницу, кириллицу, слоговое, консонантное), либо иероглифику, а также тексты, заключающие одну символику математических наук, тексты, написанные азбукой Брайля. К *знаково-неоднородным* причисляют тексты, в которые вводятся единицы разных знаковых систем: академические тексты в области химии, математики, логике, в которых алфавитные либо иероглифические отрезки прерываются символикой соответствующих наук, тексты компьютерных проектов.

По количеству тексты бывают *одномерными* и *неодномерными*. К первому виду принадлежит основная масса знаково-однородных и знаково-неоднородных текстов, к другому – списки, таблицы, словари, тезаурусы.

Возможно отличать еще *автореферентные* и *неавтореферентные* тексты. Автореферентными считаются тексты, создатель которых одновременно является и объектом описания. Примеры – автобиографии, дневники, приватные послания. Иные тексты неавтореферентны.

Обсуждение

При систематизации текстов учитывается лишь только самое общее представление об их типах. Для построения полной текстовой типологии важен учет всех имеющихся видов текстов со свойственными им характеристиками – лексическими, синтаксическими, семантическими. Представляется возможным отметить и иные

причины для систематизации, разграничивая тексты поэтические, прозаические, печатные и рукописные, завершенные и незаконченные, анонимные и неанонимные и тому подобное. Аспекты для систематизации текстов разноообразны. Из вышеприведенных одни более нацелены ориентированы больше на содержание, иные - на форму. Но буквально всякий аспект в той или другой степени коррелирует и с формой, и с содержанием.

Заключение

Предложенная систематизация текстов соответствует следующим параметрам: характеру языковой материи и обстановок, описываемых текстом, имитированности / неимитированности, характеру представленной информации, знаковой однородности / неоднородности, количеству измерений, автореферентности / неавтореферентности. Из этого следует, что текст того или иного типа содержит свою коммуникативную интенцию.

Список литературы

1. Каримова И.Р. Текстология. Набережные Челны: ФГБОУ ВПО «НИСПТР», 2013. 54 с.
2. Каримова И.Р., Потанина А.В. Функционально-содержательные типы диалогов. Набережные Челны: НГПУ, 2016. 94 с.
3. Зливко С.Д., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Кодификация узуальных и речевых особенностей употребления иноязычных неологизмов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 3–3. С. 151–159.
4. Магсумов Т.А. Библиотеки и библиотечное дело в средних профессиональных учебных заведениях Казани на рубеже XIX–XX веков // Библиотековедение. 2009. № 2. С. 98–102.
5. Магсумов Т.А., Ковзик Г.О. Гибель империи: региональный аспект // В мире научных открытий. 2014. № 5 (53). С. 12–18.
6. Magsumov T.A. Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia // Журнал министерства народного просвещения. 2014. № 1 (1). С. 12–20.

References

1. Karimova I.R. (2013). *Tekstologiya* [Textual Criticism]. Naberezhnye Chelny: FGBOU VPO «NISPTR». 54 p.
2. Karimova, I.R., Potanina, A.V. (2016). *Funktsional'no-soderzhatel'nye tipy dialogov* [Functionally meaningful dialog]. Naberezhnye Chelny: NGPU. 94 p.
3. Zlivko S.D., Magsumov T.A., Maksimov Ya.A. (2018) Codification of usual (lexicographical) and speech features of the use of foreign-language neologisms. *Russian Journal of Humanities*, 10 (3–3): 151–159.
4. Magsumov T.A. (2009). Libraries and Librarianship in the Secondary Professional Institutions of Kazan at the Turn of the XIX–XX Centuries. *Bibliotekovedenie*, 2: 98–102.
5. Magsumov T.A., Kovzik, G.O. (2014). The downfall of Empire: the regional aspect. *V mire nauchnykh otkrytii*, 5 (53): 12–18.
6. Magsumov T.A. (2014). Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1 (1): 12–20.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Каримова Ирина Рифовна, кандидат филологических наук, доцент
Набережночелнинский государственный педагогический университет
ул. Низаметдинова, 28, г. Набережные Челны, 423806, Российская Федерация
ava.tar16@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Karimova Irina Rifovna, PhD in Philology, Associate Professor
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
28, Nizametdinov st., Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation
ava.tar16@mail.ru

УДК 811

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Кудрявцева О.М., Каракешишян С.О.

Статья рассматривает профессионально-коммуникативную компетенцию студентов как основной компонент подготовки высококвалифицированных специалистов в области таможенного дела, готовых к взаимодействию в профессиональной сфере общения.

Ключевые слова: *изучение иностранного языка; иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция; коммуникативные знания; умения и навыки; таможня.*

PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A BASIC COMPONENT OF FOREIGN LANGUAGE PREPARATION OF STUDENTS OF NONLINGUISTIC SPECIALITIES

Kudryavtseva O.M., Karakeshishian S.O.

The article considers professional communicative competence of students as a basic component of preparation of highly skilled customs experts for interaction in the professional sphere.

Keywords: *foreign language studying; skill at professional communication in a foreign language; communicative skills; the customs.*

Введение

В настоящее время в практике преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах одним из важных компонентов в содержании учебной программы является обучение профессионально-ре-

чевому общению, в процессе которого формируется профессиональная коммуникативная компетенция как основной компонент иноязычной профессиональной подготовки студентов. Процесс формирования профессионально-коммуникативной компетенции, проблемам которой посвящены труды Вербицкого А.А., Зимней И.А., Образцова П.И., Ивановой О.Ю., Изаренкова Д.И. и так далее, подразумевает не только усвоение знаний, структурно-компонентного состава изучаемого языка и закономерности формирования новой языковой системы, но и освоение, и присвоение социальных норм поведения, ценностных ориентиров и способность реализации их в своей будущей профессиональной деятельности [1, с. 12; 2, с. 33].

Цель исследования – рассмотреть технику формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов, обучающихся на факультете таможенного дела.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовался метод анализа литературы, изучались интернет-источники, приведены данные из личного опыта.

Результаты исследования

Исследование опирается на положение о том, что профессионально-направленная иноязычная коммуникативная компетенция отражает способность и готовность специалиста использовать знания по иностранному языку для решения профессиональных задач [3, с. 57].

В качестве опытно-экспериментальной работы нами было проведено исследование, результаты которого были получены в ходе занятия по английскому языку у студентов 2 курса, обучающихся по направлению “Таможенное дело”.

Студентам были предложены 10 моделей, раскрывающие разные функциональные возможности таможенного представителя. Учащиеся должны были разыграть ситуацию, используя пройденный лексический материал, а также фоновые знания:

1. Duty collection

collection of duties and taxes – сбор пошлин и налогов; to supply the

federal budget with something – обеспечить федеральный бюджет чем-то;
investment in the economy and in the country's basic infrastructure – инвестиции в экономику и базовую инфраструктуру страны;

2. Classification

Merchandise classification – классификация товаров;
established numerical coding system – установленная система цифрового кодирования;
Harmonized Commodity Description and Coding System – Гармонизированная система описания и кодирования товаров (в России Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС));

3. Passenger inspection

effective passenger and baggage control – эффективный контроль пассажиров и багажа;
to be checked for concealment of something by X-ray – быть проверенным через рентген на предмет сокрытия чего-либо;

4. Cargo inspection

to be inspected for duty collection and anti-smuggling purposes – для целей сбора пошлин и борьбы с контрабандой;
with less damage – с меньшим ущербом;
to result in increased seizures of prohibited items – привести к увеличению изъятий запрещенных предметов;

5. Free trade zones

in order to encourage the development of the country and to promote its foreign trade – для стимулирования развития страны и содействия ее внешней торговле;
outside the Customs territory – за пределами таможенной территории;
relief from import duties and taxes – освобождение от пошлин и налогов;

6. Bonded warehouses

to declare goods – декларировать товар;
not to pay the duty immediately – не оплатить пошлину сразу;
to pay storage charges – оплатить расходы по хранению товара на складе;

7. Smuggling information collection
analysis of various information on smuggling – анализ различной информации о контрабанде;
smuggling trends – тенденции в области контрабанды;
modus operandi of individuals or organizations breaking customs laws – порядок действий физических лиц или организаций, нарушающих таможенное законодательство;

8. Investigation
investigation of customs violations – расследование таможенных нарушений;
the smuggling of merchandise, narcotics, arms and ammunition as well as commercial fraud, currency violations and money laundering, internal corruption, infringement of trademark and intellectual property rights – контрабанда товаров, наркотики, оружие и боеприпасы, а также коммерческое мошенничество, валютные нарушения и отмывание денег, внутренняя коррупция, нарушение прав на товарные знаки и интеллектуальную собственность;

9. Laboratory procedures
to classify merchandise and collect the correct amount of duty – классифицировать товар и собрать необходимую сумму с пошлины;

10. Customs brokers
to pass an examination – сдать экзамен;
to obtain a license from the Customs central administration to do business – получить лицензию от Центрального таможенного администрирования для ведения работы;
to consult customs to determine the proper rate of duty or basis for appraisement – консультироваться с таможней для определения надлежащей ставки пошлины или основы для оценки;
to maintain strict confidence about business and transactions – сохранять конфиденциальность при работе и сделках.

Кроме того, в качестве устной темы, предложенной для дискуссии, нами была дана тема: “Система красного и зеленого коридоров. Качество контроля.” Студенты активно принимали участие в диалогах между собой, соглашаясь с чьим-то ранее озвученным

мнением или защищая свою точку зрения, используя следующие слова и словосочетания:
the dual-channel system – двух коридорная система;
to deal efficiently with the increasing number of passengers without reducing the effectiveness of the Customs control – эффективно справляться с растущим числом пассажиров без снижения эффективности таможенного контроля;
prohibited or restricted goods, goods for commercial purposes – запрещенные или ограниченные товары, товары для коммерческих целей;
to go through the Green channel indicated by the words «Nothing to declare» – пройти по зеленому коридору, обозначенному словами «Нечего декларировать»;
to go through the Red channel indicated by the words «Goods to declare» – пройти по зеленому каналу, обозначенному словами «Товары для декларирования»
a Blue channel for passangers from other European Union countries – синий коридор для пассажиров из других стран Европейского Союза;
to complete customs formalities: to fill in the customs declaration form, present a baggage for inspection, pay the duties and taxes chargeable – совершить таможенные формальности: заполнить форму таможенной декларации, предъявить багаж для досмотра, оплатить взимаемые пошлины и налоги;
to establish reasons for travel – установление причин для путешествия;
to examine passport and ticket – проверить паспорт и билет;
to use tools and technologies at their disposal – использовать имеющиеся в их распоряжении инструменты и технологии;
to act with diplomacy, and be competent, firm and fair – действовать дипломатично, быть компетентным, твердым и справедливым.

В конце занятия был проведен опрос, суть которого заключалась в том, чтобы выяснить, какие задания вызывают у данных студентов неязыкового профиля наибольший интерес к обучению иностранному языку. Результаты представлены в виде диаграммы № 1:

Обсуждение

Из результатов нашего исследования следует, что коммуникативно-когнитивный подход, основы которого были разработаны при обучении профессионально-ориентированному иноязычному общению студентов, обучающихся по направлению “Таможенное дело” предполагает, что на занятиях создаются условия, при которых обучающиеся, опираясь на приобретенные знания, самостоятельно решают коммуникативные задачи в процессе устного или письменного иноязычного общения в профессионально-трудовой или социально-культурной сферах. К таким ситуациям относятся: проведение деловых переговоров, обмен информацией с зарубежными коллегами во время возможных встреч, презентации и так далее [4, с. 27].

Заключение

Таким образом, содержание профессионально-направленного обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов должно опираться на изучение объектов реальной иноязычно-профессиональной действительности на основе создания учебных речевых (диалоговых) ситуаций. При этом модель процесса обучения профессионально-речевому общению должна быть структурирована в соответствии с этапами формирования ПКК.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Вербицкий А.А. Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России, 2006. № 11. 52с.
2. Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня, 2005. № 11. 74 с.
3. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орёл: ОГУ, 2005. 114 с.
4. Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом, 1990. № 4. 62 с.

References

1. Verbickij A.A. Kontekstnoe obuchenie v kompetentnostnom podhode // Vysshee obrazovanie v Rossii, 2006. № 11. 52 p.
2. Zimnjaja I.A. Obshhaja kul'tura i social'no-professional'naja kompetentnost' cheloveka // Vysshee obrazovanie segodnja, 2005. № 11. 74 p.
3. Obrazcov P.I., Ivanova O.Ju. Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu jazyku na nejazykovyh fakul'tetah vuzov. Orjol: OGU, 2005. 114 p.
4. Izarenkov D.I. Bazisnye sostavljajushhie kommunikativnoj kompetencii i ih formirovanie na prodvinutom jetape obuchenija studentov-nefilologov // Russkij jazyk za rubezhom, 1990. № 4. 62 s.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кудрявцева Ольга Михайловна доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, кандидат педагогических наук
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина»
ул. Коммунаров, 28, г. Елец, 399770, Российская Федерация
omk.279@mail.ru

Каракешишян Стелла Овиковна студентка 2 курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина»

ул. Коммунаров, 28, г. Елец, 399770, Российская Федерация
karakeshishian.stella@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kudryavtseva Olga Mikhailovna, assistant professor of the department of foreign languages and method of their teaching
Yelets State University
8, Kommunarov Str., Yelets, 399770, Russian Federation
omk.279@mail.ru

Karakeshishian Stella Ovikovna, 2nd year student of magistracy
Yelets State University
8, Kommunarov Str., Yelets, 399770, Russian Federation
karakeshishian.stella@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8386-0684

УДК 81`25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ ГЕРМАНИИ)

Лаврищева Е.В., Чекалова Е.С.

Статья посвящена проблеме перевода метафор в политическом дискурсе. Рассматриваются различные типы метафор и стратегии их перевода с немецкого языка на русский. Проводится анализ примеров употребления метафоры в современных немецких СМИ, выявляется частотность использования таких переводческих стратегий как доместикация и форенизация, делаются выводы о наиболее предпочтительной стратегии, позволяющей достигать адекватности перевода.

Ключевые слова: *метафора; доместикация; форенизация; политический дискурс; переводческая стратегия.*

TRANSLATION PECULIARITIES OF POLITICAL METAPHORS (ON THE MATERIAL OF MODERN MASS MEDIA OF GERMANY)

Lavristscheva E.V., Chekalova E.S.

This article is devoted to the problem of translation of metaphors in the sphere of political discourse. This article presents an analysis of various types of metaphors and strategies of their translation from German into Russian. This article gives a detailed analysis of the examples of the metaphors usage in the modern German media. The frequency of the usage of such translation strategies as domestication and foreignization is also examined. The conclusions are drawn about the most preferable strategy to achieve the adequacy of translation.

Ключевые слова: *metaphor; domestication; foreignization; political discourse; translation strategy.*

Введение

Политический дискурс представляет собой использование политиками специальных речевых стратегий, позволяющих открыто воздействовать на целевую аудиторию. Изучение речи того или иного политика позволяет выяснить реальные мотивы и взгляды по отношению к какой-либо проблеме. Анализ современного политического дискурса позволяет говорить о таком феномене как «метафорический скачок», что может свидетельствовать о приближающихся политических потрясениях.

Метафоры, используемые в политической жизни общества, все чаще становятся предметом исследования современных ученых, которые стремятся выяснить причины зарождения данного явления, взаимосвязь с социальной психологией, внутренние отношения политических процессов и качества участников этих процессов. Специфика политической метафоры становилась предметом исследований как зарубежных, так и российских учёных (А.Н. Баранов, М. Блэк, Э.В. Будаев, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Мэллоу, А. Мусолфф, А.П. Чудинов). Особый интерес и значимость представляют корпусные исследования использования метафор в речи определенных политиков (А.А. Горностаева, К.И. Алексеев, Н.О. Празян, Дж. Чартерис-Блэк). Особенности перевода метафоры рассматривались в работах П. Ньюмарка, Л. Венути, К. Шеффнера и др.

Цель данного исследования – рассмотреть особенности политической метафоры, выявить специфику ее перевода с немецкого языка на русский, проанализировать наиболее частотные переводческие стратегии.

Материалы и методы исследования

В работе были применены следующие такие методы исследования, как метод компонентного анализа, метод сопоставления, метод лингвистического анализа. Материалом исследования послужили статьи из современных немецкоязычных СМИ: Spiegel Online, Welt, Focus Online, der Tagesspiegel, Frankfurter Allgemeine, Süddeutsche Zeitung.

Результаты исследования

Специфика перевода политических метафор объясняется прежде всего спецификой политического дискурса. Основная цель политической коммуникации – это борьба за власть, навязывание адресату определённого мнения, идеологии. Метафора является одним из наиболее распространённых и действенных способов достижения вышеуказанных целей. Цель переводчика – адекватно и эффективно передать метафору с языка оригинала на язык перевода (далее ПЯ). Переводчик не может упустить смысл метафоры или полностью опустить ее, иначе не будет выполнена основная цель – воздействие на адресата. И несмотря на то, что существуют общеупотребительные метафоры, каждая культура обладает своей собственной политической картиной мира, что находит свое отражение в языке.

Как отмечает П. Ньюмарк, ключевым моментом при переводе является понимание смысловой составляющей метафоры. Перед переводчиком стоит 2 задачи: 1) оценить какую смысловую нагрузку несет метафора – положительную или негативную; 2) понять является ли смысловая составляющая коннотативной или денотативной [1, с. 11]. Л. Венути, в свою очередь, предлагает две стратегии перевода, которые, в частности, применяются и при переводе политических метафор: доместикация и форенизация [2, с. 14]. В первом случае переводчик ставит перед собой задачу сохранения культуры оригинала, подбирает эквивалент, принятый в политическом дискурсе принимающей культуры, а в случае форенизации – ориентируется на культуру исходного языка и склоняется к сохранению, вероятнее всего, непривычного для принимающей культуры оригинального метафорического образа.

Анализ статей немецких СМИ за 2017–2018 гг. показал, что из 100 проанализированных метафорических единиц 60% были переведены с использованием стратегии форенизации, 40% – с использованием стратегии доместикации. Выбор стратегии форенизации обусловлен различными факторами: метафора рассматривается как потенциально неспособная «прижиться» в языке принимающей культуре, направленность на оригинал также может быть обуслов-

лена необходимостью сохранения колорита, либо не представляется возможным адаптировать метафору к принимающей культуре. Выбрав эту стратегию, переводчик чаще всего использует следующие способы перевода: дословный перевод (92% от общего количества проанализированных примеров), дословный перевод с расширением значения (5%), структурная трансформация (3%). Дословный перевод метафоры позволяет переводчику сохранить форму, содержание и сферы метафоры согласно ее оригиналу и используется, если оригинальная метафора является авторской, включает в себя новые политические понятия или явления, или сохранение образной составляющей данной метафоры не препятствует полному ее осмыслению.

Достижению адекватности перевода способствует сохранение метафорической модели.

В публицистических текстах широко распространена метафорическая модель «политика – это театр/кино». Театр, как сфера-источник реализует воздействует на эмоционально-волевую сферу адресата и создает соответствующее отношение к рассматриваемым политическим реалиям и процессам. Анализ языкового материала показывает, что переводчику удается в большинстве случаев сохранить в ПЯ метафорическую модель исходного языка: ***Die Ouvertüre für den Austausch der Eliten*** *durch Moskau* ***wurde*** *im vergangenen Herbst* ***gespielt*** .... [«Eliten-Sturz am Kaukasus» Süddeutsche Zeitung 7.02.2018]. – ***Увертюра к замене элит прозвучала*** *прошлой осенью*....

В следующем примере в ПЯ также сохраняется метафорическая модель исходного языка: *Das ist ganz im Sinne der Putinschen Kleptokratie, für welche die Beispielwirkung, die von einer erfolgreichen ukrainischen Dezentralisierung auf Russland ausgehen könnte, ein* ***innenpolitisches Horrorszenario darstellt.*** [«Putin will kein Ende des Ukraine-Konflikts – und doch ist eine Aussöhnung möglich» Focus Online 17.12.2017]. – *Это отвечает интересам путинской клептократии, для которой пример, который могла подать России успешная украинская децентрализация, – это* ***внутриполитический кошмарный сценарий.*** В данном случае, на наш взгляд, переводчик «смягчил» выражение. Лексема «кошмарный» в русском

языке является менее экспрессивной по сравнению с немецкой лексемой «Horror». На наш взгляд, также можно было бы использовать выражение «это внутриполитический сценарий фильма ужасов».

Для описания политической деятельности используется также морбиальная метафора, тем самым в сознании людей формируется мысль о том, что общество и государство в целом страдает от различных «болезней», которые можно «вылечить»: *Gleichzeitig treibt Putin einen Informationskrieg gegen die drei baltischen Staaten voran, gegen den die drei Nato-Verbündeten aber noch* ***kein Gegenmittel gefunden haben***. [«Putin provoziert Nato mit Namen für neues Luftwaffenregiment» Focus Online 25.02.2018]. – *Одновременно Путин ведет против трех балтийских стран информационную войну, против которой эти три союзники по НАТО пока* ***не нашли никакого противоядия.*** В данном примере переведенные метафоры не препятствует пониманию выражения для реципиента принимающей культуры, так как образы в оригинальной и принимающей культуре схожи и не требуют каких-либо трансформаций. Метафоры в ПЯ выполняют те же функции, что и в оригинале, следовательно, предложенные варианты являются адекватными.

Метафорические модели «политика – это игра» и «политика – это спортивное состязание» широко распространены в различных коммуникативных сферах, так как спорт играет немало важную роль в жизни людей. В данном контексте спортивная и игровая метафора представляет политическую жизнь как своего рода игру или спортивное состязание: *Und auch sonst tut der Kreml alles, um die Wahlbeteiligung zu steigern.* ***Die Wahl soll zu einem Schaukampf werden****. Der Sieger steht zwar fest, dennoch sollen* ***die Zuschauer*** *das Gefühl bekommen, das Geschehen im Ring wäre echt.* [«Putins Show» Welt 18.01.2018]. – *Кремль делает все возможное, чтобы повысить явку избирателей.* ***Выборы должны стать показательной борьбой.*** *Хотя победитель и определен,* ***зрители*** *должны почувствовать, что* ***на ринге идет настоящая борьба.*** Переводчик сохранил все смыслоразличительные компоненты сферы-мишени «выборы – борьба на ринге», «избиратели – зрители», «кандидаты – борцы».

Однако не всегда использование стратегии форенизации является удачным. Рассмотрим следующий пример *Trump und Außenminister Rex Tillerson* ***versuchen*** *damit einen* ***Spagat****: Mit der Oligarchen-Liste wollen sie einerseits dem Kongress entgegenkommen, andererseits aber auch Russland nicht allzu sehr verärgern.* [«Was der Kreml-Bericht für Russlands Oligarchen bedeutet» Spiegel Online 30.01.2018]. – *Таким образом, Трамп и госсекретарь Рекс Тиллерсон (Rex Tillerson) пытаются* ***сделать шпагат:*** *с одной стороны, публикацией этого списка они хотят пойти навстречу требованиям конгресса, но с другой стороны, они не хотят слишком раздражать Россию*. В данном примере такая стратегия как форенизация (а именно дословный перевод) является наименее удачным выбором стратегии перевода. На наш взгляд, здесь более уместно воспользоваться стратегией доместикации и заменить оригинальную метафору, сохраняя смысл и метафоричность, однако употребить принятый в русском языке фразеологизм «убить двух зайцев одним выстрелом».

В следующем примере мы можем наблюдать неудачный выбор способа перевода: *Aber wissen Sie, wir schieben die Schuld für den Fall Skripal auch nicht den Briten zu. Wir sind nicht so, wir spielen nicht* **«*Blinde Kuh*»** [«Russischer Botschafter: „Einziges Todesopfer ist bislang eine Katze“» Leipziger Volkszeitung 19.04.2018]. – *Но, вы знаете, мы не обвиняем британцев в деле Скрипаля. Мы так себя не ведем, мы не играем в игру* ***«Слепая корова».*** Переводчик воспользовался дословным переводом, частично сохранив метафоричность оригинала, так как игра «слепая корова» не известна реципиентам принимающей культуры. На наш взгляд, эффективнее было бы использовать стратегию доместикации, перевод с эквивалентом. Правила игры «Blinde Kuh» схожи с правилами игры «жмурки» или «кот в мешке». Мы считаем, что используя эти варианты, можно было бы достичь большего эффекта, такая метафора функционировала бы в контексте лучше. Мы не отрицаем, что читатель может догадаться по названию игры, о чем идет речь, но должного эффекта это не имеет по сравнению с предложенными нами вариантами.

Опущение метафоры было использовано в 7% от общего количества проанализированных примеров. Опущение метафоры может возникнуть из-за нежелания переводчика искать подходящий способ перевода. Нередки случаи, когда метафору перевести невозможно, но и сохранить оригинал переводчик не может, чтобы не возникло непонимание текста. Мы считаем, что опущение метафоры значит не только «ликвидация» оригинальной метафоры при переводе, но и отсутствие метафоричности в переведенном выражении: *... desto mehr wird er das außenpolitische Spielfeld für* ***seine breitbeinige Brachialrhetorik*** *suchen.* [«Willkommen in Chinopa» Spiegel Online 28.05.2017]. – *... тем сильнее он будет использовать внешнеполитическую площадку для* ***своей пространной и грубой риторики.*** В данном случае мы можем наблюдать опущение метафоры: лексему «breitbeinig» («с широко расставленными ногами»), переводчик опустил и заменил его прилагательным «пространный». Однако мы не считаем это грубым нарушением. Вероятно, переводчик воспользовался этой стратегией с целью избежать излишней нагрузки русского текста, так как в русском языке нет ёмкого и точного прилагательного, эквивалентного лексеме «breitbeinig».

Заключение

Проведенный анализ способов перевода политической метафоры позволят сделать вывод о том. что наиболее частотной является стратегия форенизации, а именно дословный перевод. Однако нельзя не отметить, что, используя данную стратегию перевода, переводчикам не всегда удавалось адекватно передать смысл высказывания, оформить выражение таким образом, чтобы оно соответствовало картине мира принимающей культуры. Наиболее предпочтительной является стратегия доместикации, перевод с помощью эквивалентного выражения. Анализ показал, что это второй по популярности способ перевода, она позволяет избежать неточностей и буквальности перевода благодаря своей направленности на принимающую культуру во всех аспектах: в культурологическом, структурно-грамматическом, когнитивном и лексическом.

Таким образом, мы можем сказать, что не существует абсолютно «правильной» или предпочтительной стратегии перевода политической метафоры, так как каждая метафора представляет собой особую лексическую единицу, которая требует индивидуального подхода и тщательного рассмотрения. При переводе политической метафоры следует учитывать такие факторы как соответствие сфер-мишеней в метафорической модели выражения в двух культурах, вид метафоры (авторская, историческая, метафора, в состав которой входит персоналия или реалия), необходимость фоновой информации (при переводе метафор, в состав которых входят ссылки на какие-либо факты или явления или метафор, содержащих новые явления в политической жизни общества).

Список литературы

1. Newmark P. A Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited, 2008. 292 p.
2. Venuti L. The Translator's Invisibility. London and New York: Routledge, 2008. 365 p.
3. Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. № 3. 342 p.
4. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем, 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2017. 256 с.

References

1. Newmark P. A Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited, 2008. 292 p.
2. Venuti L. The Translator's Invisibility. London and New York: Routledge, 2008. 365 p.
3. Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. № 3. 342 p.

4. Budaev E.V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [The formation of the cognitive theory of metaphor]. Lingvo-kul'turologiya. Vyp. 1. Ekaterinburg, 2007, pp. 16–32.
5. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by], 3-e izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2017, 256 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Лаврищева Екатерина Владимировна, заведующая кафедрой романо-германских языков и перевода, к.филол.н., доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
ул. Коммунаров, 28, г. Елец, Липецкая область, 399770, Российская Федерация
eklav@mail.ru

Чекалова Елизавета Сергеевна, администратор офиса
Дж.Т.И. Россия
1й Красногвардейский проезд, 15, г. Москва, 123100, Российская Федерация
ch.liza@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lavristscheva Ekaterina Vladimirovna, head of the department of Romance and Germanic languages and translation, Ph.D. in Philology
Bunin Yelets State University
28, Kommunatov Str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russian Federation
eklav@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4218-718X

Chekalova Elizaveta Sergeevna, office administrator
JTI RUSSIA LLC
15, 1st Krasnogvardeysky proezd, Moscow, 123100, Russian Federation
ch.liza@list.ru
ORCID: 0000-0001-8902-8357

УДК 81-11

ФРЕЙМ И ПРОПОЗИЦИЯ КАК РАЗНЫЕ УРОВНИ АНАЛИЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Макарова О.В.

В статье представлен способ соотношения единиц ментального и категориального уровней сознания посредством таких понятий, как фрейм и пропозиция. Для описания процессов мышления и того, как осуществляется экспликации смысла из содержания высказывания, необходимо описание единиц сознания различного уровня абстракции.

Ключевые слова: *когнитивный анализа; фрейм; категоризация; пропозиция; семантико-синтаксический анализ высказывания.*

FRAME AND PROPOSITION AS DIFFERENT LEVELS OF LINGUISTIC UNITS ANALYSIS

Makarova O.V.

This article is devoted to the analysis of correlation between mental and categorial levels of mind by means of such concepts as frame and proposition. We research different levels of mental abstraction to describe the process of thinking and ways of meaning explication, basing on these concepts.

Keywords: *cognitive analysis; frame; categorization; proposition; semantic-syntactic analysis of statement.*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена повышенным интересом к изучению структур сознания различного уровня абстракции: фрейма и пропозиции.

В науке на данный момент существует проблема в определении указанных выше терминов. Это обусловлено тем, что фрейм –

единица ментального плана, не поддающаяся непосредственному наблюдению. Ученые выявляют особенности данной структуры сознания с точки зрения различных подходов: когнитивного (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.), лингвокультурологического (Д.С. Лихачев, В.А. Маслова и др.), семантического синтаксиса (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Е.Н. Ширяев и др.).

Цель нашего исследования – показать особенности фреймового подхода к анализу высказываний, содержащих информацию о вкусовом восприятии.

Задачи: описать особенности фрейма как ментальной репрезентации и пропозиции как единицы категориального уровня; изучить связь фрейма и пропозиции.

Материалы и методы исследования

Материалом послужили высказывания, содержащие информацию о вкусе; теоретические положения зарубежных и отечественных исследований о теории семантики и когниции. Методы исследования: когнитивный и семантико-синтаксический анализ.

Результаты исследования

Связь фрейма и пропозиции особенно прослеживается в том случае, если в центре внимания оказываются высказывания, содержащие информацию о той или иной системе восприятия. В нашей работе предметом анализа является подсистема вкуса как одна из сенсорных систем, существенных для изучения окружающего мира и понимания процессов мышления, о чем подробнее указано в нашей работе [1]. Вслед за Х. Гейвином, мы полагаем, что когнитивные феномены (память, мышление, хранение информации, язык) подвергаются воздействию, так что изучение идентификации и обработки сенсорных сигналов может предоставить ключи к пониманию когнитивных процессов более высокого уровня [2, 38].

Изучение фрейма вкуса в семантическом аспекте обусловлено тем, что именно семантика является связующим звеном между теорией языка и теориями других когнитивных способностей

(в частности, вкусового восприятия и др.). «Изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [3, 88].

Важным требованием семантической теории является обязательная опора при описании значений и определении семантических компонентов как на лингвистические данные, так и на данные психологии восприятия, благодаря чему набор семантических примитивов, необходимых для анализа той или иной лексической подсистемы, предстаёт не как произвольно полученные «данные», но как результат психологического и лингвистического исследования. Так, для понимания выражения «Ученья корень горек, а плод сладок», в котором соотносятся данные различных систем: подсистемы восприятия (*горький, сладкий*) и языка, необходимо знание не только лексического значения словоформ «учение», «плод», но и извлечение из памяти информации, связанной со вкусом. В языке определение «горький» регулярно используется для обозначения того, что связано у говорящих с неприятным (*горькие слёзы*), труднодоступным (*горькое учение*), а атрибут «сладкий», как правило, получает мелиоративную окраску (*сладкий сон, мечты*).

Категория «значение» в современных когнитивных теориях учитывает данные опыта. Так, по мнению Лакоффа, Лангакера и Джакендоффа, значение является мысленно кодируемой информационной структурой. В рассуждениях Лакоффа о том, как возникают концептуальные структуры, прослеживается близость к тем исследователям, которые считают, что в основе появления категорий лежит сенсорный опыт или чувственное познание, представляющее собой совокупность ощущений, а не дух, разум. «Образ-схема – это повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и моторных программ, который придаёт связность и структуру нашему опыту» [4, 68–70]. Следовательно, анализ высказываний в семантическом аспекте позволяет выявить связь синтаксических единиц и структур сознания.

Рассмотрение методик изучения смысла предложения приводит нас к понятию *глубинной структуры*, на базе которой происходит отождествление смыслов синтаксических конструкций. Глубинная

структура, или инвариант, соотносится с термином «пропозиция». Пропозиция в таком случае – инструмент извлечения этого содержания из целостного смысла высказывания.

Пропозиция в рамках семантического синтаксиса позволяет извлечь и охарактеризовать объективное содержание ситуации, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, которую придаёт ему та или иная организация предложения [5, 686].

Когнитивный подход позволяет уточнить понятие пропозиции за счёт более полного вовлечения в сферу анализа принципов восприятия мира: все внешние события, объекты, явления воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, т.е. в их связях. Пропозиция признаётся особой формой репрезентации знаний, базовой когнитивной единицей хранения информации, играющей главную роль в порождении и интерпретации дискурса, в том числе в составе когнитивных схем, фреймов, сценариев [6, 120]. Мы предполагаем, что пропозиция получает окончательное оформление в составе фрейма, в котором происходит также организация пропозиций в более крупные единицы, что позволяет при актуализации одного из элементов структуры представления знаний подключать все остальные элементы.

Фрейм как структура представления знаний объясняет функционирование высказываний, содержащих информацию о вкусе. Фреймовый подход к интерпретации значения связывает его не только со структурами знания, предшествующим опытом, но и с оценочной деятельностью сознания.

Соотношение понятий *пропозиция* и *фрейм* определяется разным уровнем абстракции. Так, фрейм соответствует ментальному уровню представления ситуации вкусового восприятия, в котором получают выражение различные понятия, которые не всегда объективируются в языке. Пропозиция же отражает категориальный уровень осмысления исследуемой ситуации и является уровнем семантики сознания. Одному фрейму могут соответствовать несколько пропозиций. Например, фрейм «вкус», состоящий из таких компонентов, как объект восприятия, субъект, условия восприятия, вку-

совые ощущения и др., может быть описан при помощи нескольких пропозиций: пропозиции физического действия (Х воспринимает У), пропозиции чувственного ощущения (Х чувствует вкус У-а) и др. И наоборот, одна пропозиция может соответствовать нескольким фреймам. Так, пропозиция «вкус У-а такой, как…» может включать в себя терминалы из разных слотов: отношение человека к смерти и попытки понять это состояние в процессе общения: *Смерти нет – это всем известно, / Повторять это стало пресно (Ахматова)*; чувства, например, любви, которая влияет на процесс проявления в объекте восприятия лучших вкусовых ощущений (*И эту великую любовь ты вложишь в стряпню?..*) или на изменение вкусовых ощущений: *Мы пьём в любви отраву сладкую… (Баратынский)* и др.

Мы считаем, что взаимодействие познающего с окружающим миром невозможно без обращения к структурам представления знаний – фреймам, одним из главных свойств которого является изменение структуры единицы представления знаний при получении новой информации. Данная характеристика фрейма свидетельствует о его динамической организации и приспособляемости в условиях нового контекста применения знаний.

Обсуждение

Представленная методика может быть использована при анализе высказываний, содержащих информацию о других подсистемах восприятия. Исследование других контекстов, в которых актуализируется информация о вкусе, позволит расширить представления не только о содержании фрейма вкуса, но и о структуре мышления.

Заключение

Соотношение понятий «фрейм» и «пропозиция», с нашей точки зрения, представлено следующим образом:

Фрейм – ментальная структура представления и хранения знаний, в частности, информации о вкусовом восприятии. Фрейму, имеющему множество терминалов, которые отражают взаимосвязи между различными структурами сознания, могут соответствовать разные

пропозиции. Фрейм – это «схема смысловых опор», пропозиция же – некий смысловой инвариант высказывания – Х ощущает вкус У-а.

Фрейм далеко не всегда получает вербализацию в языке, пропозиция всегда используется в значении языкового воплощения некоего положения дел в действительности, ситуации.

Фрейм – это способ хранения разнообразной информации, лингвистической и экстралингвистической, пропозиция – способ извлечения информации о вкусе. Так, эти различные понятия позволяют не только извлечь информацию о вкусовом восприятии из смысла высказывания, пользуясь аппаратом диктумно-модусного анализа, но и объяснить особенности функционирования этих высказываний, показать «узлы» связи системы восприятия и собственно языковой системы, используя когнитивный анализ. Когнитивный аспект позволяет рассматривать собственно лингвистический объект – высказывание – в разнообразных связях с человеком, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми и, соответственно, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе.

Информация о спонсорстве. Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Макарова О.В. Лингвокогнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке: Автореф. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2007. 19 с.
2. Гейвин Х. Когнитивная психология. Спб: Питер, 2003. 271 с.
3. Цит. по: Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 87–95.
4. Цит. по: А.Ченки Современные когнитивные подходы к семантике: Сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. №2. С. 68–79.
5. Белошапкова В.А. и др. Современный русский язык. М., 1989. 800 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.

References

1. Makarova O.V. Lingvokognitivnyj aspekt vyskazyvanij, reprezentiruyushchih frejm vkusa v sovremennom russkom yazyke: Avtoref. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk [Linguistic and cognitive aspect of statements representing the frame of taste in modern Russian]. 10.02.01. Barnaul, 2007. 19 p.
2. Gejvin H. Kognitivnaya psihologiya [Cognitive psychology]. Spb: Piter, 2003. 271 p.
3. Cit. po: Haritonchik Z.A. Sposoby konceptual'noj organizacii znanij v leksike yazyka [Ways of conceptual organization of knowledge in the language vocabulary] // Kognitivnye issledovaniya v yazykovedenii i zarubezhnoj psihologii. Hrestomatiya. Barnaul, 2001. S. 87–95.
4. Cit. po: A.CHenki Sovremennye kognitivnye podhody k semantike: Skhodstva i razlichiya v teoriyah i celyah [Modern cognitive approaches to semantics: Similarities and differences in theories and goals] // Voprosy yazykoznaniya. 1996. №2. S. 68–79.
5. Beloshapkova V.A. i dr. Sovremennyj russkij yazyk [Modern Russian language]. M., 1989. 800 p.
6. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory]. M., 2003. 280 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Макарова Ольга Владимировна, доцент кафедры филологических дисциплин, кандидат филологических наук
Тюменский государственный медицинский университет
ул. Одесская, 54, г. Тюмень, 625023, Российская Федерация
omakarova1980@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Makarova Olga Vladimirovna, associate professor, Department of philological disciplines, Ph. D. in Philology
Tyumen State Medical Academy
54, Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russian Federation
omakarova1980@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3356-6794

УДК 81›373

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕДАЧИ НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мустафина Р.Ф.

Статья посвящена изучению прагматического компонента лексико-семантической информации глаголов передачи негативной информации. Под негативностью понимается главным образом выражение отрицательного отношения говорящего к воспроизводимой информации. Глаголы передачи негативной информации рассматриваются как средство выражения негативного прагматического отношения говорящего к содержанию высказывания.

Ключевые слова: *негативная информация; глаголы; прагматическое значение.*

PRAGMATIC MEANING OF THE UTTERANCES WITH THE VERBS OF SPEAKING WITH A NEGATIVE CONNOTATION

Mustafina R.F.

The article reflects on the pragmatic usage of the verbs of speaking with a negative connotation. Such negative connotation is mainly expressed in a negative attitude to the object of speaking. Mostly, pragmatic meaning of an utterance depends on the verb itself.

Keywords: *negative connotation; verbs; pragmatic meaning.*

Введение

Глаголы передачи негативной информации могут показывать отрицательное отношение говорящего к содержанию высказывания и тем самым создавать прагматическую нагрузку всего высказывания. Такая прагматическая нагрузка проявляется прежде всего в эмоционально-негативном состоянии говорящего, которое в свою очередь может воздействовать на адресата [1, с. 29].

В статье рассматриваются случаи употребления глаголов передачи негативной информации в их прагматическом значении. Среди глаголов негативной семантики можно назвать такие глаголы, как *groan, complain, grouse, grouch, grumble, warn, threaten*. В данном ряду глаголов самым слабым в передаче негативного значения является глагол *groan*, говорящий лишь о досаде, а самым сильным – *threaten*, передающий угрозу. Перечисленные глаголы интересны тем, что в своем значении несут негативную информацию как о содержании информации, так и об эмоциональном состоянии говорящего. В первом случае, глагол подчеркивает негативность содержания, расширяя контекст. Во втором случае, по употреблению глагола можно судить о степени негативности, даже не зная содержания сообщения.

Как указывалось выше, перечисленные глаголы объеденены в один ряд с общим значением “негативная информация”. Как известно, у каждой лексемы наличествует больше одного значения, следовательно, один и тот же глагол может быть отнесен к разным классам. Так, Б. Левин (1993) относит глагол *groan* к классу глаголов распространения (“verbs of emission”), подкласс глаголов звучания (“verbs of sound emission”), к классу глаголов телодвижений (“verbs involving the body”), подкласс глаголов невербального выражения (“verbs of nonverbal expression”) и к классу глаголов общения (“verbs of communication”), подкласс глаголов манеры говорения (“verbs of manner of speaking”), а глагол *grouse, grouch, grumble, complain* – глаголы общения (“verbs of communication” (“complain verbs”). Интересна его классификация глаголов *warn* – класс глаголов социального взаимодействия (“verbs of social interaction”), подкласс глаголы совета (“advise verbs”) и *threaten* – класс глаголов психологического состояния (“verbs of psychological state”), подкласс глаголы удивления (“amuse verbs”).

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили произведения художественной литературы на английском языке XXI века. Метод исследования – описательный анализ, а также анализ словарных дефиниций.

Результаты исследования

В результате исследования было установлено, что значения исследуемых глаголов соответствуют их словарным дефинициям и зачастую полностью влияют на значение всего высказывания, создавая негативную прагматическую нагрузку.

Обсуждение

Глагол *groan* передает значение досады и недовольства, например: “That’s when the little ones get tired, the older ones groan about having to do their homework, she starts cooking dinner-and still somehow manages to run the kids from one practice to the next” (Nicholas Sparks “Three weeks with my brother”). Употребление этого глагола передает небольшую степень недовольства, вызванную домашним заданием. В примере “How’m I to fly back to Europe?” he groaned, pitifully. “If I want someday to fly there!” (Ray Bradbury “From the dust returned”) значение глагола подчеркивается наречием *pitifully*, выступающим в роли усилителя для передачи негативного эмоционального состояния говорящего. Глагол *complain* также выражает недовольство различной степени: “In her eyes, Micah and I could do no wrong, and whenever we were punished, my sister would be the one to come into our room and listen to us complain about the injustice of what our parents had done to us” (Nicholas Sparks “Three weeks with my brother”). Оба глагола могут в большинстве случаев выступать в качестве синонимов. Данные примеры демонстрируют прагматическое значение глагола, заключающееся в выражении недовольства ситуацией.

Другими синонимами к данному ряду глаголов являются *grouse*, *grouch, grumble*, которые больше выражают манеру выражения недовольства. Так, согласно Cambridge Dictionary *grouse* и *grouch* имеют определение “to complain in an angry way”, а *grumble* – “in an annoyed way”. “Okay, okay,” Crumley groused, “wait till I get this damn car aimed before you upchuck your hairball” (Ray Bradbury “Let’s all kill Constance”). Здесь глагол используется для передачи косвенной речи, и его значение объясняется употреблением *damn car*, которое

может быть переведено как ругательство, что соответствует его определению как *angrily*. Похожая ситуация и в следующем примере ‘Too damn late for all this,’ Jack grumbled (Terry Pratchett “The long utopia”). Другой пример с глаголом *grouch* отличается тем, что высказывание приобретает негативное значение только в силу употребления данного глагола: ‘I can’t believe you’re involving me in this stuff,’ Lobsang grouched (Terry Pratchett “The long utopia”).

Ярко негативное значение имеет глагол *threaten*: “Then they threatened him; they said that if he didn’t bring them a nickel every day, they were going to hurt him” (Nicholas Sparks “Three weeks with my brother”). Он часто несет значение серьезных негативных последствий, вызванных непослушанием адресанта. Похожий на него глагол *warn*, но с меньшей степенью негативности, также имеет значение предупреждения, порой доходящее до угрозы. Например: “Also, to warn me that she would be hanging around if I planned on seeing Adrian – which had the desired effect of making me plan not to see Adrian” (Julian Barnes “The sense of an ending”). Тем не менее, данный глагол может использоваться и в положительном значении, например: “Garrett warned of the dangers of panicking while diving and rushing to the surface too quickly” (Nicholas Sparks “Message in a bottle”). Здесь глагол имеет значение предупреждения во избежание опасной ситуации.

Заключение

Данное исследование показывает преобладание употребления перечисленных глаголов в негативном значении. Во многих случаях, прагматическое значение высказывания зависит от указанных глаголов, которые придают негативность всему высказыванию, без дополнительных указаний.

Список литературы

1. Зайнульдинов А.А. К вопросу о соотношении семантических категорий: [экспрессивность [эмоциональность [эмоциональная оценочность]]] // Мир русского слова. 2009. №2. С. 28–34.

2. Beth Levin. English Verb Classes and Alternations. A Preliminary Investigation. The University of Chicago Press, 1993. 366 p.
3. Cambridge Dictionary https://dictionary.cambridge.org/
4. Зливко С.Д., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Кодификация узуальных и речевых особенностей употребления иноязычных неологизмов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 3-3. С. 151–159.

References

1. Zainouldinov A.A. About the correlation of semantics categories [expressiveness [emotiveness [emotional evaluation]]] // Mir russkogo slova. 2009. №2, pp. 28–34.
2. Beth Levin English Verb Classes and Alternations. A Preliminary Investigation. The University of Chicago Press, 1993. 366 p.
3. Cambridge Dictionary https://dictionary.cambridge.org/
4. Zlivko S.D., Magsumov T.A., Maksimov Ya.A. (2018) Codification of usual (lexicographical) and speech features of the use of foreign-language neologisms. *Russian Journal of Humanities*, 10 (3-3): 151–159.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мустафина Рамиля Фанисовна, аспирант

Набережночелнинский государственный педагогический университет

ул. Низаметдинова, 28, г. Набережные Челны, 423806, Российская Федерация

ramiljam@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mustafina Ramilya Fanisovna, PhD student

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

28, Nizametdinova st., Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation

ramiljam@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-0376-3412

УДК 81'37

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ SCHWARZ / ЧЕРНЫЙ / КАРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Мухамадьярова А.Ф.

Статья посвящена сопоставительному исследованию паремиологических и фразеологических единиц с колоронимом schwarz, черный, кара на материале немецкого, русского и татарского языков. Каждая культура имеет свою лингвоцветовую картину мира. Авторами проводится лингвокультурологический анализ языковых единиц и предпринимается попытка установить символическое значение колоронимов. В результате проведенного анализа фразеологических и паремиологических единиц, содержащих колоронимы schwarz, черный, кара, составлена классификация из восьми групп, были выявлены сходства и различия восприятия данных цветообозначений разными народами.

Ключевые слова: *колороним; паремиологическая единица; фразеологическая единица; немецкий язык; русский язык; татарский язык.*

THE INDICATIONS OF COLOURS SCHWARZ / ЧЕРНЫЙ / КАРА IN THE PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL VIEW OF THE WORLD IN GERMAN, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES

Mukhamadiarova A.F.

This article is devoted to the study of the symbolic denotations of schwarz, черный, кара colour meanings as a part of phraseological and paremiological units in German, Russian and Tatar languages. As a result of the analysis of phraseological and paroemiological units con-

taining coloronyms schwarz, черный, кара, a classification of 8 groups has been made, the similarities and differences in the perception of these color names by different peoples have been revealed.

Ключевые слова: *coloronym; paroemiological unit; phraseological unit; the German language; the Russian language; the Tatar language.*

Введение

Цветовая символика ярко обнаруживает себя во фразелогических и паремиологических единицах (далее ФЕ и ПЕ), обрядах, мифах и религиозных ритуалах. На сегодняшний день существует обширная информация по цветовой символике. Согласно традиционной классификации цветов, предложенной оптикой и экспериментальной психологией, согласно которой цвета делятся на две группы: теплые, «стимулирующие», и холодные [1]. Цветобозначение становится объектом изучения психолингвистики [2; 3], когнитивной лингвистики [4], лингвокультурологии [5]. Особое внимание ученых уделяется сопоставительному изучению фразеологических единиц с компонентом-колоронимом. В то же время детально анализируется символическое значение цветообозначений. Это обусловливает актуальность данного исследования. Целью статьи является выявление роли ФЕ и ПЕ с компонентами *schwarz, черный, кара* в лингвоцветовой картине мира немецкого, русского и татарского народов. В соответствии с целью исследования была поставлена задача выявить сходства и различия восприятия цветообозначений *schwarz, черный, кара* представителями немецкой, русской и татарской культур.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили ФЕ и ПЕ с компонентом колоронимом *schwarz, черный, кара* в немецком, русском и татарском языках, которые были собраны методом сплошной выборки из фразеологических, этимологических, толковых словарей трех языков. Анализу было подвергнуто 280 ФЕ и ПЕ с компонентом *schwarz, черный, кара*, в том числе, 90 ФЕ и ПЕ в немецком, 38 – в русском и 131 – в татарском языках.

Результаты исследования

Согласно этимологическому словарю немецкого языка В. Пфайфера, прилагательное *schwarz* восходит к индоевропейскому корню *su̯ordos ‘цвет грязи, черный’ [6]. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера объясняет происхождение прилагательного черный таким образом: праславянский корень *čьrnъ из *čьrxnъ, который родственен со словом Kirsnà – название реки, в древне-прусском kirsnan «черный». В этимологическом словаре татарского языка Р.Г. Ахметьянов полагает, что прилагательное кара произошло от общетюркского қара со значением ‘черный; злой’ [7, с. 366].

В немецком, русском и татарском языках есть ряд ФЕ и ПЕ, которые построены на антитезе белый-черный, порождающей оппозициональные характеристики добрый-злой, хороший-плохой, честный-нечестный, виноватый-невиноватый, правдивый-неправдивый: *Was schwarz ist, muss man nicht weiss nennen* [8, с. 42572], Вот диво: черная коровка, белое молочко [9, с. 528], караны кара дип, акны ак дип язу (букв.: писать черное черным, а белое белым, написать правду, не лгать) [10, с. 352].

В.В. Иванов, В.Н. Топоров в фундаментальном исследовании «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» различают Чернобога, и Белобога, приносящих несчастье и счастье соответственно [11, с. 40, 66]. Черный цвет является антиподом белого, а значит, приобретает символические значения ‘плохой, злой, коварный, злобный’ во всех трех языках: *Schwarze Seele in schönem Körper ist doppelte Gefahr* [8, с. 479], Бойся черного да карего глаза [9, с. 595], Кара йөрәк (букв.: черное сердце) [10, с. 350].

Символическое значение ‘позорный’ колоронимов *schwarz,* черный, кара является общим для всех трех языков исследования: *Ein Pünktlein macht die ganze Ehre schwarz* (букв.: одна точечка делает честь черной) [8, с. 36922], Черное (темное) пятно [12, с. 484], Кара тап (букв.: черное пятно) [13, с. 121]. Это связано с отрицательной символикой черного цвета. Символическое значение ‘пессимистический’ также нашло свое отражение в немецком, русском и татарском языках: *Er sieht alles schwarz* [8, с. 42577], Видеть все в черном

свете [12, с. 519], Зәңгәр күзлек кигәнгә зәңгәрледер бу дөнья*; кара* күзлек кигәнгә караңгыдыр бу дөнья [14, с. 651]. Черный цвет ассоциируется с печалью, несчастьем и трауром.

В языковой картине мира лакунарными для немецкого языка являются 3 символических значения колоронима *schwarz*:

1) ‘позитивный, выгодный, успешный’: *schwarze Zahlen schreiben* (получать прибыть) [15, с. 822]. Но Hana Bergerová не согласна с мнением Hoffmannova [16, с. 167–168] о том, что колороним *schwarz* может символизировать позитивное, и называет это явление Scheinsymbol (‘мнимый, ложный символ’). В качестве доказательства автор сравнивает 2 сочетания: *ein schwarzer Tag* (символическое значение относится только к цветообозначению), *etw. schwarz auf weiß haben*, *schwarze Zahlen schreiben* (*schwarz* нельзя отделить от *weiß*, а значит, позитивное значение принадлежит целому фразеологизму, а не колорониму *schwarz*) [17, с. 16–17].

2) ‘неоднозначный’: *Bei Nacht sind alle Kühe (Katzen) schwarz, alle Weiber schön* [8, с. 33025]. Данное символическое значение может быть как положительным, так и отрицательным, так как то, что мы воспринимаем в темное время суток, может нас обмануть.

3) ‘маркер невозможного, абсурдного’ Колороним *schwarz* используется с объектами, которые a priori окрашены в белый цвет, в татарском языке для выражения неопределенного будущего, действия, которое, по всей видимости, никогда не случится, используется цветообозначение кызыл (красный), кызыл кар яугач (букв.: когда выпадет красный снег, когда рак на горе свистнет).

Обсуждение

В ходе анализа ФЕ и ПЕ с колоронимами *schwarz/черный/кара* было выявлено 8 символических значения, которые совпадают во всех трех сравниваемых языках (‘плохой, злой, коварный, злобный, нечестный, неправдивый’, ‘несчастный, неудачный, печальный; тяжелый, трудный’, ‘позорный’, ‘красивый’, ‘нелегальный’, ‘пессимистический’, ‘маркера интенсивности’, ‘физическая, трудная работа’). Анализ лексикографических источников показал, что сим-

волическое значение ‘плохой, злой, коварный, злобный, нечестный, неправдивый’ находит свое отражение в немецком, русском и татарском языках и эта группа является самой многочисленной (в немецком языке – 48 ФЕ и ПЕ, в русском – 17 ФЕ и ПЕ, в татарском – 40 ФЕ и ПЕ). На втором и на третьем местах находятся символические значения ‘несчастный, неудачный, печальный; тяжелый, трудный’ и ‘позорный’ соответственно. Данный факт объясняется негативной символикой цветообозначений, *schwarz/черный/кара* ассоциируются с мраком, нечистотой, смертью, демоническим началом.

Заключение (выводы)

На основе проведенного анализа фразеологических и паремиологических единиц с колоронимами *schwarz/черный/кара* были выявлены особенности лингвоцветовой картины мира немецкого, русского и татарского народов. Были выявлены сходства и различия в восприятии проанализированных представителями разных культур.

Список литературы

1. Трессиддер. Словарь символов [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/18.htm
2. Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. М.: Изд: Речь 2005. 208 с.
3. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
4. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.
6. Pfeifer W. et al. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen [Электронный ресурс]. 1993. Режим доступа: https://www.dwds.de/wb/weiß
7. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А – Л). Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. 543 б.
8. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon [Электронный ресурс]. URL: http://www.zeno.org/Kategorien/T/Wander-1867

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 2. М.: Рус.яз., 1989. 779 с.
10. Исәнбәт Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда. I том. Казан, Тат. кит. нәшр., 1989. 495 б.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 251 с.
12. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио – Пресс, 1999. 704 с.
13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. III том: К. Казан: ТӘhСИ, 2017. 744 б.
14. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы: 3 томда. 2нче басма. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 749 б.
15. Duden Redewendungen. Bd. 11. 2002, 955 S.
16. Hofmannová J. Farbbezeichnungen als phraseologische Komponenten im Deutschen und Tschechischen. In: Brünner Beiträge zu Germanistik und Nordistik. 2004. S. 163–177.
17. Bergerová H. Untersuchungen zur Motiviertheit bei deutschen und tschechischen Phraseologismen mit den Farbbezeichnungen grün und schwarz. In: Brünner Beiträge zu Germanistik und Nordistik. 2006. S. 7–21.
18. Зливко С.Д., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Кодификация узуальных и речевых особенностей употребления иноязычных неологизмов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 3-3. С. 151–159.
19. Magsumov T.A. Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia // Журнал министерства народного просвещения. 2014. № 1 (1). С. 12–20.

References

1. Tressidder. Slovar' simvolov [Dictionary of symbols]. Retrieved from https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/18.htm (accessed: 24.07.2018).
2. Bazyma B.A. Psihologiya cveta: Teoriya i praktika [Psychology of color: Theory and practice] Moscow: Rech' Publ., 2005. 208 p.

3. Frumkina R. M. Cvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psiholingvisticheskogo analiza [Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 175 p.
4. Vezhbickaya A. Oboznacheniya cveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya [Colour designations and universals of visual perception]. Retrieved from http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm
5. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo Publ., 2000. 264 p.
6. Pfeifer W. et al. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen [Etymological dictionary of the German]. 1993. Retrieved from https://www.dwds.de/wb/weiß
7. Əhmət'yanov R. G. Tatar teleneң ehtimologik sүzlege: Ike tomda. I tom (A – L) [Etymological dictionary of the Tatar language in 2 vols. Vol. I (A-L)]. Kazan: Məgarif – Vakyt Publ., 2015. 543 p.
8. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon [German Proverbs-Lexikon]. Retrieved from http://www.zeno.org/Kategorien/T/Wander-1867
9. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-h t. T. 2. [Explanatory dictionary of great Russian language: in 4 vols. Vol. 2.]. Moscow: Rus.yaz. Publ., 1989. 779 p.
10. Isənbət N. S. Tatar teleneң frazeologik sүzlege. Ike tomda. I tom [Phraseological dictionary of the Tatar language. In 2 vols. Vol. I]. Kazan, Tat. kit. Publ., 1989. 495 p.
11. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy [Slavic language modeling semiotic systems]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 251 p.
12. Birih A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-ehtimologicheskij spravochnik [The dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. Saint-Petersburg: Folio – Press Publ., 1999. 704 p.
13. Tatar telenen anlatmaly syzlege: och tomda. III tom: K [Explanatory dictionary of the Tatar language in 3 vols. Vol. III]. Kazan: TahSI Publ., 2017. 744 p.

14. Isanbet N. Tatar halyk makal'lare [Tatar folk Proverbs. In 3 vols]. Kazan, Tat. kit. nashr. Publ., 2010.
15. Duden Redewendungen. Bd. 11. 2002, 955 S.
16. Hofmannová J. Farbbezeichnungen als phraseologische Komponenten im Deutschen und Tschechischen. In: Brünner Beiträge zu Germanistik und Nordistik. 2004, pp. 163–177.
17. Bergerová H. Untersuchungen zur Motiviertheit bei deutschen und tschechischen Phraseologismen mit den Farbbezeichnungen grün und schwarz. In: Brünner Beiträge zu Germanistik und Nordistik. 2006, pp. 7–21.
18. Zlivko S.D., Magsumov T.A., Maksimov Ya.A. (2018) Codification of usual (lexicographical) and speech features of the use of foreign-language neologisms. *Russian Journal of Humanities*, 10 (3-3): 151–159.
19. Magsumov T.A. (2014). Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1 (1): 12–20.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мухамадьярова Альбина Фанилевна, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
liliana_muhamad@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mukhamadiarova Albina Fanilevna, graduate student
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
liliana_muhamad@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6918-9209

УДК 811.133.1:378.016

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РАБОТЫ С ТЕКСТАМИ КОМИКСОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

Осипова Н.В., Душенко А.В.

В статье речь идёт о возможности использования французских комиксов на занятиях по иностранному языку. Автор даёт своё понимание термина «аутентичный текст», говорит о потенциале комикса. По мнению автора, особую роль в данном вопросе играет анализ комикса как наиценнейшего источника понимания особенностей живой устной речи и культурного кода Франции. Предметом исследования данной работы является французский комикс в качестве учебного аутентичного текста и инструмента ознакомления с иноязычной культурой. Объектом исследования является обучение иностранному языку. В статье предлагается последовательность работы с комиксами. Она представлена четырьмя этапами. Статья может быть рекомендована преподавателям иностранных языков, а также всем, кто интересуется французским языком и культурой Франции.

Ключевые слова: *комикс; аутентичный текст; комментарий; французский язык; преподавание; методика.*

SEQUENCE OF WORK WITH TEXTS OF COMICS IN THE PROCESS OF TEACHING FRENCH LANGUAGE

Osipova N.V., Dushenko A.V.

The article deals with the problem of integration of French comics into the process of teaching French language. The author gives his understanding of the term "authentic text", speaks about the potential of the comics. According to the author, a special role in this issue is played

by the analysis of the comic book as the most valuable source of understanding of features of live oral speech and a cultural code of France. The subject of this work is the French comic book as an authentic educational text and a tool for acquaintance with foreign language culture. The object of the research is teaching a foreign language. The article proposes a sequence of work with comics. It is represented by four stages. The article can be recommended to teachers of foreign languages, as well as anyone interested in the French language and in culture of France.

Keywords: *comics; authentic text; commentary; French language; teaching; methodology.*

Введение

Современная мировая обстановка, информационный прогресс и международная экономико-политическая интеграция обусловливают вовлечение постоянно увеличивающегося числа специалистов в разных областях деятельности в непосредственное осуществление международных научно-технических связей, сопровождаемых непрерывным ростом и расширением межнациональных и межкультурных контактов. Как следствие, возникновение необходимости поиска новых психолого-педагогических и дидактических решений, связанных с формированием у обучающихся способности к эффективной межкультурной коммуникации. Актуальность настоящей статьи и исследовательской работы в целом обусловлена возрастающей потребностью современного человека в углублённом изучении иностранного языка и, в связи с этим, необходимостью поиска путей повышения эффективности обучения. Основываясь на работах, посвящённых описанию подходов к преподаванию иностранного языка И.Л. Бим, А.Н. Евсиковой, Е.И. Пассова, Е.Н. Соловоевой, С.К. Фоломкиной, автор поднимает проблему отбора аутентичных текстов, под которыми понимается любой оригинальный по происхождению контент (аудио, видео, картинка, фото, письменный текст и т.п.), и организации работы с ними на занятии.

В контексте наиболее эффективного решения вопроса о необходимости поиска нововведений в сфере преподавания французско-

го языка как иностранного идея об интеграции в учебный процесс текстов французских комиксов представляется небезынтересной. Работа с аутентичными текстами способствует развитию у учащихся критического мышления и универсальных учебных действий, а также представляет собой актуальный и интересный материал для изучения, так как аутентичные тексты создают иллюзию приобщения к естественной языковой среде. Кроме того, комиксы помогают учащимся познакомиться с культурой, стереотипами поведения. В процессе детального изучения вопроса становится очевидным, что комиксы (фр. – bandes dessinées), занимающие особое место во французской культуре и литературе, обладают огромным дидактическим потенциалом. Таким образом, предметом исследования данной работы является французский комикс в качестве учебного аутентичного текста и инструмента ознакомления с иноязычной культурой. Объектом – процесс обучения французскому языку.

Цель – рассмотрение возможности использования французских комиксов в процессе обучения чтению и развитие коммуникативных навыков на иностранном языке.

Поставленная цель связана с необходимостью решения следующих задач: обращение к методикам обучения ИЯ; рассмотрение дидактических оснований для интеграции французского комикса в содержание учебного процесса; практические предложения по отбору методического материала и поиск приёмов работы с текстами комиксов.

Материалы и методы исследования

Цель и задачи определили выбор метода исследования: анализ научно-методической и лингвистической литературы по теме исследования.

В рамках данной статьи представляется целесообразным привести в качестве примера некоторые французские комиксы, которые могут быть использованы на занятиях и являться основными аутентичными текстами в рамках обучения чтению – «Валериан и Лорелин», «Приключения Тинтина», «Астерикс», «Пиф и Эркюль».

Результаты исследования. Обсуждение

Далее рассмотрим ряд возможных приёмов работы с комиксами, интегрированными в учебный процесс. Структурно задания разбиты на четыре этапа. В основе данного деления лежит схема, предложенная Е.И. Пассовым [1]. Подобного деления придерживалась и Л. А. Борходоева [2, с. 137].

1. Предтекстовый этап. Основными целями и задачами первого этапа являются стимулирование интереса к изучению комикса; антиципация возможных трудностей языкового, речевого и социокультурного типов, а также их устранение с помощью различных приёмов, включая предтекстовый лингво-культурологический комментарий, семантизацию лексики, а также резюмирование ранее полученных и усвоенных знаний учащегося.

На данном этапе ученику могут быть предложены следующие задания: «Посмотрите на первый фрейм комикса. Опишите происходящее на картинке»; «Предположите, основываясь на заглавии, о чём пойдёт речь в тексте»; «Прочитайте ключевые слова данного комикса»; «Прочитайте имена героев, которые встретятся вам в произведении».

2. Текстовый этап. Так как текст считается источником иностранной культуры, то целью второго этапа станет развитие у учащихся особой кон-цепции видения мира, свойственной носителю языка. Вследствие важной социокультурной составляющей текстового этапа, он включает в себя следующие подэтапы: преставление текста комикса, чтение, комментарий и контроль понимания прочитанного и увиденного.

Целью представления текста являются развитие внимания, мышления и восприятия; организация прогностических умений (прогнозирование содержания комикса с помощью заглавия, иллюстративного материала и эрудиции учащихся). Во время представления текста происходит ознакомительное чтение с предварительным пониманием фабулы произведения. Оно может осуществляться с помощью двух приемов: приема представления текста комикса и приема восстановления намеренно нарушенной последовательности фреймов. В этом случае можно проводить как индивидуальную,

так и парную или групповую работы, которые будут контролироваться преподавателем.

Здесь ученику могут быть предложены следующие задания: «Просмотрите комикс и озаглавьте его. Аргументируйте выбор заглавия»; «Расставьте фреймы комикса в правильном порядке»; «Прочитайте по ролям текст комикса, уделяя особое внимание интонации»; «Составьте план».

После ознакомительного чтения следует второй подэтап – комментарий. Его целями являются расширение эрудиции общекультурными и страноведческими знаниями, а также вырабатывание внимания к межкультурным параллелям.

«Новый словарь методических терминов и понятий» определяет комментарий как «толкование смысла какого-либо слова, грамматического или стилистического явления, объяснение связей между лексическими единицами, особенностей отражения национальной культуры в слове» [3, с. 63]. Это любое разъяснение, дающееся к определенному слову или выражению в тексте, к определенному фрагменту или ко всему тексту в целом. Комментарий не только подчиняется тексту и неотделим от него, но и является важной частью справочного аппарата, то есть служит для понимания текста читателем. Однако он не должен искажать текст, дополнять его нерелевантной информацией и мешать восприятию основного блока авторского текста. Время, затраченное на работу со справочным аппаратом, должно быть минимальным. И всё же комментарию отведена важная роль – с его помощью читатель знакомится с явлениями и историей иностранной культуры, содержащимися в комиксе.

Изучение иностранных комиксов позволяет взглянуть на собственную, родную культуру под другим углом. При этом появляется способность анализировать поступки и события с позиции представителей иностранного социума, сопереживать, понимать их чувства и эмоции.

Сложность того или иного явления обуславливает использование прагматического или проективного комментариев – преимущественно на русском языке.

Возможными заданиями на данном этапе могут быть: «Прочитайте комментарий к тексту комикса и ответьте на вопросы»; «Прокомментируйте следующие понятия, встретившиеся вам в комиксе»; «Объясните понимание имени главного персонажа»; «Проведите аналогию с явлением, встретившимся в тексте с русской культурой».

Третьим подэтапом будет чтение текста комикса. Его цель – полностью осмыслить произведение. Такое чтение называют изучающим, поисковым. Во избежание пробелов при погружении в текст, ученику может быть дана установка на определенный вид чтения, например, чтение вслух или про себя, и на выполнение различных упражнений, предвещающих текст.

Ученику могут быть предложены следующие задания: «Закончите предложения, опираясь на содержание комикса»; «Верны ли следующее утверждения? Аргументируйте свой ответ с помощью реплик или картинок фреймов из комикса»; «Поясните следующие утверждения, опираясь на текст»; «Придумайте название к каждому фрейму комикса»; «Какова основная тема/проблема/фабула комикса?»; «Найдите в тексте комикса характеристики персонажей, инструкцию, рецепт и т. п.»; «Найдите в тексте описание внешности персонажа»; «Перечитайте описание места, где происходят события».

Четвёртым подэтапом является контроль понимания. Основная его цель – это проверка усвоения полученной информации. Используя различные приемы контроля, например – вопросно-ответная форма работы – учитель проверяет, насколько полно был понят текст, с учётом национально-маркированной лексики, реалий и других языковых и речевых особенностей, затрудняющих восприятие произведения представителями другой культуры.

Здесь могут быть предложены следующие задания: «Ответьте на вопросы по тексту комикса»; «Верны ли следующие утверждения? Аргументируйте свои ответы, опираясь на события комикса»; «Как Вы можете объяснить поступок главного героя?»

3. Послетекстовый этап. На третьем этапе текст комикса используется в качестве основы для выполнения упражнений, служащих

для формирования аспектных навыков, а также развития умений репродуктивного плана, репродуктивно-продуктивного и продуктивного. Послетекстовый этап подразделяется на следующие подэтапы: тренировки, продуктивный, контроля.

Целью тренировки является развитие языковых навыков и речевых умений. Во время тренировки выполняются подготовительные упражнения; задания на расширение социокультурных знаний, воспитание толерантности к иностранной культуре, развитие речевого этикета, формирование умений восприятия визуальной культуры, постановка повседневных ситуаций межкультурного общения.

Предполагаемые задания: «Найдите все местоимения, опираясь на текст»; «Прочитав текст комикса, заполните пропуски следующими словами и/или выражениями»; «Вставьте подходящие артикли/предлоги в пропуски»; «Объясните значение пословиц/изречений, встретившихся вам в тексте комикса»; «Выделите реалии в следующем комиксе»; «Выделите характерные особенности поведения французов, основываясь на информации, данной в комиксе»; «Сравните социокультурное явление, лежащее в основе текста комикса с подобным явлением в родной культуре. Найдите сходства и различия»; «Посмотрите на кадры комикса. Скажите, какие эмоции испытывают герои комикса, какое у них настроение. Постарайтесь изобразить эмоциональное состояние героев – скопировать выражение лица, жесты, позы».

Второй подэтап – продуктивный – служит для моделирования коммуникативных ситуаций и совершенствование навыков межкультурного диалога. Для успешного достижения целей данного подэтапа используются приемы стимулирования ситуаций диалогов и ролевых игр, за основу которых берется сюжет комикса или отдельный случай из него.

Возможные задания на данном этапе: «Опишите один из кадров/персонажей/мест комикса»; «Обменяйтесь мнениями/впечатлениями после прочтения текста комикса»; «Представьте и опишите все, что находится за пределами изображения комикса – пейзаж, звуки, запахи»; «Придумайте начало/продолжение текста комикса. Пред-

ставьте и опишите, что произошло/происходило до событий комикса, что произойдет через час, день, месяц, год, век».

На заключительном подэтапе контроля основной целью будет проверка учащихся на уровень владения полученными знаниями в ходе изучения комикса; контроль действий рецептивного и продуктивного характера; выявление пробелов. Для этого учитель использует различные формы контроля, такие как устный контроль чтения, диалогической и монологической речи, письменный контроль (контрольные работы, тесты, эссе), самоконтроль.

4. Творческий этап – направлен на совершенствование креативных и созидательных навыков у учеников, то есть предполагает проектную работу, подразумевающую рисование своего собственного комикса, а также развитие его сюжета. Комикс может быть создан от руки или с помощью специальных программ (Adobe Illustrator, Photoshop), интернет-сервисов, таких как, например, Pixton.com [4]. Хорошим приёмом является театрализованная постановка комикса. Здесь происходит работа над выразительным чтением, выбором наиболее подходящих сцен, заучиванием слов. Учащиеся также распределяют роли, создают или адаптируют костюмы и антураж.

Заключение

В заключении отметим, что французский комикс был рассмотрен нами с точки зрения его аутентичности как учебного текста, а также с точки зрения эффективности в вопросах сближения с иностранной культурой. Результаты исследования представляются чрезвычайно полезными для развития преподавания французского языка как иностранного. Исследование показывает, что французский комикс может быть успешно внедрён в учебный процесс на любой стадии овладения разговорной речью. Предложенные этапы работы с материалами французских комиксов характеризуются коммуникативной направленностью, учетом максимального участия и раскрытия творческого потенциала каждого учащегося и нацелены на рассмотрение возможности использования французских комиксов в процессе обучения чтению и развитие коммуникативных на-

выков на иностранном языке. Кроме прочего, французский комикс является эффективным инструментом развития межкультурной компетенции, поскольку раскрывает особенности французского национального характера, народного быта, моральных ценностей и культурных традиций, общественных реалий, а также живой разговорной речи с присущими ей особенностями.

Список литературы

1. Пассов Е.И. Концепция коммуникативного обучения иноязычной культуре в средней школе. М.: Просвещение, 1993, 125 с.
2. Борходоева Л.А. Прагматический текст как средство формирования социокультурной компетенции студентов языкового вуза / дисс. … канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2002., 211 с.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам), М.: ИКАР, 2009, 448 с.
4. LES MEILLEURES BDS. – URL: http://www.pixton.com/fr/for-fun (дата обращения: 11.11.2018).

References

1. Passov E.I. Koncepciya kommunikativnogo obucheniya inoyazychnoj kul’ture v srednej shkole. M.: Prosveshchenie, 1993, 125 s.
2. Borhodoeva L.A. Pragmaticheskij tekst kak sredstvo formirovaniya socio-kul’turnoj kompetencii studentov yazykovogo vuza / diss. … kand. ped. nauk. Ulan-Udeh, 2002., 211 s.
3. Azimov Eh.G., Shchukin A.N. Novyj slovar’ metodicheskih terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam), M.: IKAR, 2009, 448 s.
4. LES MEILLEURES BDS. – URL: http://www.pixton.com/fr/for-fun (data obra-shcheniya: 11.11.2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Осипова Надежда Васильевна, заведующая кафедрой иностранных языков и методики их преподавания, кандидат педагогических наук, доцент

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
ул. Коммунаров, 28, г. Елец, Липецкая область, 399770, Российская Федерация
ossipova05@mail.ru

Душенко Александра Васильевна, студентка 3 курса
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Тверская, 11, г. Москва, 125993, Российская Федерация
sanusha1998@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Osipova Nadezhda Vasilyevna, Head of the Department of Foreign Languages and Methods of Its Teaching, Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant professor
Bunin Yelets State University
28, Kommunatov Str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russian Federation
ossipova05@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7894-3776

Dushenko Alexandra Vasilyevna, student
Pushkin State Russian Language Institute
11, Tverskaya Str., Moscow, 125993, Russian Federation
sanusha1998@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3683-5459

УДК 811.11-112

РОЛЬ ПОРЯДКА СЛОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СИНОНИМИИ И АНТОНИМИИ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Поддубская О.Н.

На основе исследований синонимии и антонимии с точки зрения лексикологии, была построена теория о существовании подобных явлений на уровне синтаксиса. Для ее подтверждения изучены особенности английского предложения и виды порядка слов в нем. Таким образом, были выявлены и примерами из англоязычных художественных произведений подтверждены синонимические и антонимические отношения на уровне предложения.

Ключевые слова: *синтаксический уровень; порядок слов; синонимы; антонимы; структурная единица; инверсия; норма; отклонение.*

THE ROLE OF WORD ORDER IN THE DEFINITION OF SYNONYMY AND ANTONYMY AT THE SYNTACTIC LEVEL

Poddubskaya O.N.

Based on the studies of synonymy and antonymy from the point of view of lexicology, the theory of the existence of such phenomena at the level of syntax was built. To confirm it the peculiarities of English sentence and the types of the word order in it were investigated. Thus synonym and antonym relations at the sentence level were identified and illustrated by the examples from English works of art.

Keywords: *syntactic level; word order; synonyms; antonyms; structural unit; inversion; norm; deviation.*

Введение

Актуальность статьи обусловлена недостаточностью исследований, посвященных синонимии и антонимии с точки зрения

структурной организации предложения. Проблема исследования заключается в возможности появления синонимов и антонимов на уровне синтаксиса.

Цель статьи состоит в исследовании роли порядка слов в определении синонимии и антонимии на синтаксическом уровне. Теоретическую основу работы составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению порядка слов, синонимам и антонимам. Объектом данной статьи выступает английское предложение, предметом является порядок слов как его основной структурный элемент. Гипотезой исследования является предположение о том, что, если при трансформации структуры предложения, значения исходного и полученного высказывания идентичны, то предложения синтаксически синонимичны, а если значения противоположны, то предложения являются синтаксическими антонимами.

Материалы и методы исследования

Теоретическими методами исследования являются: изучение работ, посвященных рассматриваемой проблеме; сравнение, анализ и систематизация полученной информации; отбор практического материала для иллюстрации видов порядка слов в английском предложении. Экспериментальные методы исследования – это объяснительное описание и интерпретация синтаксических единиц и явлений. Материалом исследования являются художественные произведения англоязычных авторов классической и современной литературы.

Результаты исследования

Порядок слов – явление, характерное для синтаксиса всех языковых групп и отдельных языков, поскольку он представляет собой каркас в структуре предложения, который можно рассматривать как линейное расположение слов внутри предложения или синтаксической группы, способное к изменениям и обладающее определенными функциями.

В изучении порядка слов как лингвистической универсалии выделяют два основных направления: 1) структурный подход, в

соответствии с которым порядок слов рассматривается как сугубо грамматическое явление, и классификации основаны на синтаксической организации элементов внутри предложения; 2) психолингвистический подход, рассматривающий порядок слов как стилистическое средство выражения субъективной оценки, и типологии основаны на психолингвистическом факторе, включающем в себя особенности мыслительной деятельности по формированию высказывания [3, с. 46].

Основным критерием классификации при структурном исследовании порядка слов является взаимное расположение подлежащего и сказуемого, в соответствии с которым выделен 1) прямой порядок, когда подлежащее предшествует сказуемому, а данная структура предложения принята за норму; 2) инверсия, или обратный порядок слов, при котором сказуемое предшествует подлежащему, что считается отклонением от нормы, образуя грамматическую и стилистическую оппозиции моделей предложений [1, с. 79].

В данной статье для обобщения изученных классификаций порядка слов в качестве основного критерия мы предлагаем считать не структурный, а психолингвистический подход, т.е. порядок слов как стилистическое средство выражения субъективной оценки. Причина выделения этого критерия объясняется тем, что для предложения важнейшей целью является передача определенной информации говорящего, т.е. норма и отклонение являются основными показателями его объективного или субъективного отношения к предмету высказывания. Такое представление позволяет объединить в одной классификации все виды порядка слов, возможные в английском предложении. Предлагаемая ниже классификация имеет двухуровневую структуру (см. табл. № 1, табл. №2), обусловленную формальным методом деления членов предложения, т.е. отдельно рассматриваются классификации расположения главных и второстепенных членов предложения.

На уровне главных членов предложения принципом классификации была цель высказывания, точнее, утверждения и вопросы, поскольку такие предложения, в основном, и подвергаются

синтаксической реорганизации в целях смыслового изменения. В классификацию не включены повелительные, т.к. в их структуре нет, как такового, подлежащего и может отсутствовать сказуемое, и восклицательные предложения как сходные по структуре с повествовательными и вопросительными предложениями.

На уровне второстепенных членов предложения главным принципом классификации является традиция (или отклонение) расположения одного члена предложения относительно других, а цель заключается в наглядном представлении грамматической и стилистической инверсии и транспозиции, а также возможные структурные группы синонимов и антонимов [2, с. 188, 194].

Таблица № 1.

Порядок расположения главных членов предложения (английский язык)

	Утвердительное предложение	Вопросительное предложение
Норма	Прямой порядок S — P.	Полная инверсия (P_N — V_A) — S? или P — S?
		Частичная инверсия V_A — S — P_N?
		Прямой порядок (в специальных вопросах) S — P? (Прямой порядок слов в специальном вопросе не является отклонением, поскольку иного варианта построения специального вопроса в языке не существует. В данном случае это – либо простое подлежащее, выраженное вопросительным местоимением “who?” или “what?”, либо конструкция «вопросительное местоимение + подлежащее», например, “Whose brother has done it?”, “What colour is your favourite?”)
Отклонение	Полная инверсия (P_N — V_A) — S. или P — S.	Транспозиция S — P? (Прямой порядок слов не является случаем транспозиции в специальном вопросе, так как не существует иного возможного варианта его структуры, и в разделительном вопросе, который представляет собой сложное бессоюзное предложение, состоящее из утвердительной части и общего нераспространенного вопроса)
	Частичная инверсия V_A — S — P_N.	
В таблице использованы следующие сокращения: S (Subject) – подлежащее; P (Predicate) – сказуемое; PN (Notional Part of the Predicate) – смысловая часть сказуемого; VA (Auxiliary Verb) – вспомогательный глагол.		

Таблица № 2.

Порядок расположения второстепенных членов предложения (английский язык)

	Прямое дополнение	Косвенное и предложное дополнение	Определение	Обстоятельство
Норма	Постпозиция к сказуемому и косвенному дополнению S P ($O_{ind/prep}$) O_{dir}	Постпозиция к сказуемому S P $O_{ind/prep}$	Препозиция к определяемому слову	(время, место, образ действия) S P A_m
				(частота) S (V_A) A_m P
				(степень) Препозиция к глагольной форме
Отклонение	Препозиция к главным членам O_{dir} S P	Препозиция к главным членам $O_{ind/prep}$ S P	Постпозиция к определяемому слову	Определяется ремой
В таблице использованы следующие сокращения: S (Subject) – подлежащее; P (Predicate) – сказуемое; VA (Auxiliary Verb) – вспомогательный глагол; Odir (Direct Object) – прямое дополнение; Oind/prep (Indirect or Prepositional Object) – косвенное или предложное дополнение; Am (Adverbial Modifier) – обстоятельство.				

Обсуждение

Учитывая сведения, отраженные в таблице № 1, можно сделать вывод, что прямой порядок не всегда является нормой языка, а инверсия – отклонением от нее. Кроме того, представленные в таблицах оппозиционные модели могут являться как синонимами, так и антонимами зависимо от смысла передаваемого предложениями.

Синонимия в данном случае очевидна: изменение порядка слов в предложении с сохранением набора лексем затронет стилистические особенности высказывания и темарематическую организацию всего предложения. Более того, прагматическое значение предложения, представленное в виде информативной денотации и функциональной коннотации, отражает проявление синонимии как прагматическое тождество между синтаксическими единицами, их способность к взаимозаменяемости, оценочно-характеризующие свойства и стилистический показатель. Количество синонимов об-

условлено трансформационными возможностями предложения, что позволяет ввести понятие «синонимический ряд», доминантой которого является синтаксическая языковая норма. Таким образом, предложениями, входящими в синонимические отношения могут быть следующие:

«With a stifled sob the lad leaped from the coach». [6, с. 37] «The lad leaped from the coach with a stifled sob».

«On either side of the entrance, like two stone statues, stood a pair of guards». [5, с. 150] «A pair of guards stood, like two stone statues, on either side of the entrance».

Антонимия между предложениями явление довольно редко. Рассматривая проблему в комплексном прагматическом исследовании, мы пришли к выводу, что создать антонимическую пару высказываний намного проще через глубинно-синтаксические преобразования, чем путем трансформации порядка слов. Трудность заключается в том, что практически невозможно добиться противоположности в значениях предложений без внесения изменений в его лексическую составляющую. Другими словами, отобразить противопоставление в речи путем синтаксических средств, крайне сложно, хотя и возможно. Примером здесь может служить такая пара предложений:

(1) «Had he [Hook] known he would have stopped» [4, с. 177].

(2) «He had known he would have stopped».

Предложение (1) можно охарактеризовать как повествовательное, сказуемое придаточного предложения представлено аналитической формой глагола в сослагательном наклонении. При переводе этого предложения мы видим отрицание: «Если бы он знал, он бы остановился». Поскольку предложение сложноподчиненное, в нем выделяется два плана информации: основной – «Он не остановился»; и дополнительный – «Он не знал».

При обратной трансформации (к синтаксической норме) в предложении (2) мы наблюдаем, не только противоположное значение в целом, но и произвольное изменение наклонения глагола и роли компонентов всего предложения: «Он знал, что остановится». При-

даточное предложение условия стало главным предложением, а главное трансформировалось в придаточное предложение дополнения. На прагматическом уровне значения двух высказываний оказались противоположными. Подобные высказывания могут трансформироваться также и в бессоюзные предложения. Необходимо отметить, что такое преобразование не является глубинно-синтаксическим, поскольку в результате трансформации предложения произошли изменения в его грамматической структуре непроизвольно.

Исследование порядка слов в английском предложении подтвердило возможность образования синонимических и антонимических групп посредством синтаксических трансформаций. Данные гипотезы нашли подтверждение, следовательно, можно утверждать, что синонимия и антонимия на уровне синтаксиса существует. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно детально осветить такое многостороннее явление как синтаксическая синонимия или антонимия. Данная проблема интересна и актуальна и поэтому требует дальнейшего изучения.

Заключение

На основе лингвистических исследований по проблемам синонимии и антонимии в целом, предположение о роли порядка слов в существовании аналогичных семантических отношений на уровне синтаксиса было подтверждено.

Список литературы

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2004. (4-е изд., испр.) 239 с.
2. Крылова И. П., Гордон Е. М. Грамматика современного английского языка. М.: КДУ, 2006. 448 с.
3. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2007. 128 с.
4. Barrie J.M. Peter Pan. M.: Юпитер-Интер, 2006. 296 p.
5. Brown D. Angels and Demons. London: Corgi Books, 2001. 620 p.
6. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. M.: Юпитер-Интер, 2005. 280 p.

References

1. Bloh M.Ya. Teoreticheskie osnovy grammatiki. M.: Vysshaya shkola, 2004. 239 s.
2. Krylova I.P., Gordon E.M. Grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka. M.: KDU, 2006. 448 s.
3. Nelyubin L.L. Lingvostilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. M.: Flinta: Nauka, 2007. 128 s.
4. Barrie J.M. Peter Pan. M.: Yupiter-Inter, 2006. 296 p.
5. Brown D. Angels and Demons. London: Corgi Books, 2001. 620 p.
6. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. M.: Yupiter-Inter, 2005. 280 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Поддубская Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент

Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)
ул. Зеленая, 22, г. Орехово-Зуево, Московская область, 142600, Российская Федерация
olgapoddubskaya@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Poddubskaya Olga Nikolajevna, Ph.D, Associate Professor

State University of Humanities and Technology
22, Zeljonaya str., Orekhovo-Zujevo, Moscow region, 142600, Russian Federation
olgapoddubskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1067-7499

УДК 811.11.-112

О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Барышникова Ю.В., Емец Т.В., Барышникова А.М.

В данной статье авторы обращаются к лексическим ошибкам в речи студентов на английском языке, которые при беглом анализе представляются результатом словосочетательного калькирования. Авторы анализируют причины появления лексических ошибок и обращают внимание на интерференцию навыков, показывая, что интерференция проявляется там, где навыки различны по критерию устойчивости. Наличие общих компонентов также способствует проявлению интерференции. В статье кратко представлены экспериментальные данные по проблеме исследования. Практическая значимость заключается в том, что выявление подтипов интерференции помогает снять трудности в обучении английскому языку.

Ключевые слова: *английский язык; лексическая интерференция; навыки; общие компоненты.*

ON LEXICAL INTERFERENCE

Baryshnikova Yu.V., Emets T.V., Baryshnikova A.M.

The article focuses on lexical errors of students in their English speech, which appear to be the result of copying the collocations of their native language. The authors analyze the causes of lexical errors and pay attention to the interference of skills, showing that interference is manifested in such cases where the skills are different in terms of stability. Common components also cause interference. The article presents experimental data on the research problem. The practical significance lies in the fact that the identification of the cases of lexical interference helps to remove difficulties in learning and teaching English.

Ключевые слова: *English; lexical interference; speech skills, common components.*

Введение

Практика обучения иностранным языкам приводит – в соответствии с традиционным делением на языковые аспекты – к группировке ошибок студентов в их письменной и устной иноязычной речи на фонетические, грамматические и лексические.

Актуальность проблемы исследования обусловлена следующими факторами: эффективность обучения иностранному языку зависит от такой подачи учебного материала и организации учебного процесса, при которой преподаватель может предупредить появление той доли ошибок в речи на английском языке, которые появляются закономерно. Среди множества разнообразных типов ошибок, допускаемых систематически, особое место занимают так называемые лексические ошибки, которые при беглом анализе представляются результатом своеобразного словосочетательного калькирования с родного языка обучаемых. Выяснение причин появления такого рода ошибок и условий, при которых они могут увеличиваться или уменьшаться, является проблемой данного исследования.

Большинство работ, связанных с проблемой интерференции, посвящено проблемам смешения языков, языковых контактов, билингвизма, причём многие авторы не стремятся различать интерференцию в языке и речи, описывают, главным образом, грамматические и фонетические типы интерференции, так что интересующий нас тип лексической интерференции исследован, пожалуй, меньше всего. Такое положение объясняется, по-видимому, не только относительной новизной проблемы интерференции в условиях искусственного двуязычия вообще, но и тем, что системность в сфере лексики исследована меньше, чем в сферах грамматики и фонетики. Интересующий нас лексический тип интерференции рассматривался в работах Бороздиной Н.А., Гураль С.К., Тимофеева А.В [1, 2, 3].

Целью данной статьи является выявление причин появления лексических ошибок в речи студентов на английском языке.

Нами были поставлены следующие задачи:

– исследовать механизм интерференции в речи на английском языке;
– рассмотреть проблему интерференции навыков;
– выявить подтипы (случаи) интерференции при сопоставлении лексических систем английского и русского языков;
– провести эксперимент и проанализировать его результаты.

Объектом исследования является интерференция родного языка при обучении английскому языку будущих учителей английского языка.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является неподготовленная устная и письменная речь студентов на английском языке, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», по профилю «Английский и немецкий языки». В своей статье мы опираемся на следующие методы исследования:

– метод сопоставительного анализа, так как расхождения в лексических системах английского и русского языков являются предпосылкой появления лексических ошибок студентов в речи на английском языке;
– метод научно-фиксируемого наблюдения.

Результаты исследования

Обратимся к определению термина «интерференция», которое, на наш взгляд, является наиболее удачным: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [4, с. 150].

Отметим, что под интерференцией понимается как процесс взаимодействия систем двух языков, так и внешний результат такого взаимодействия в процессе речевой деятельности. Очевидно, что интерференция как субъективный процесс зависит от способности

человека воспринимать и обобщать, удерживать в памяти языковой материал, а также от его прошлого опыта [5]. Интерференция на уровне словосочетания связана с не зависящим от студента переносом норм словоупотребления родного языка на изучаемый язык. В литературе по проблеме исследования выделяются следующие виды интерференции: импрессивный и экспрессивный. Целесообразно также различать явную и скрытую интерференцию. Явная интерференция – это нарушение правильности с точки зрения данного языка, скрытая интерференция подразумевает неупотребление лексических единиц, свойственных только для данного языка.

Поскольку интерференция в речи не может быть исследована вне закономерностей интерференции навыков вообще, обратимся к ним. То, что в психологии называется интерференцией навыков, которая приводит к снижению продуктивности одного навыка под отрицательным воздействием другого, объясняется «наличием общих компонентов в условиях, способах и целях выполнения действий при неодинаковых степенях их автоматизации» [6, с. 263].

Приведённое положение из психологии имеет непосредственное отношение к исследуемому механизму интерференции в речи, так как при учебных упражнениях в иноязычной речи мы действительно имеем дело с указанными «общими компонентами» при разнящихся степенях автоматизации навыков коммуникации и при наличии двух разных установок (на родную и иноязычную речь) [7].

Конкретизируем вышесказанное применительно к практике обучения английскому языку. Приведём в сокращённом виде данные эксперимента, в котором моделируются учебные упражнения, цель которых обучение восприятию сообщения на английском языке. Степень адекватности восприятия контролируется с помощью перевода на русский язык [8]. В данном случае мы имеем дело с импрессивным видом интерференции. Студентам предлагается список предложений, содержащих идиоматические выражения, компоненты которых могут быть по отдельности восприняты как некоторые эквиваленты слов русского языка. 25 испытуемых (студенты II и III курсов), которые перевели на русский язык пять предложений каждый, допу-

стили в общей сложности 56 ошибок интересующего нас типа, что составляет 44%. Приведём пример типичного выполнения задания:

1. That girl has got something. Just keep an eye on her. «В этом девушке есть что-то привлекательное. Только взгляни на неё».
2. I see her through. «Я увижу её скоро».
3. Besides she was in the dark about his feelings now. «Кроме того, ей были непонятны его чувства».
4. I’ve got a good mind not to speak to you again. «Я достаточно горда, чтобы заговорить с тобой снова».
5. He washed his hands of the whole question. «Он умыл руки от вопросов».

Сходная картина наблюдается при выполнении задания, когда испытуемым (студенты II курса) диктуется ряд словосочетаний вперемежку на русском и на английском языках, а они должны соответственно записать русский или английский эквивалент слова или словосочетания. Приведём список слов и словосочетаний: Экзаменатор, novel, по приказу, полиция знает, сердиться на кого-то, сожалеть о чём-то, пахнуть чем-то, купить на деньги, яблоко, лежащее на столе. They took the first job that ___their way (вставить подходящее слово) и т.д. Из четырнадцати испытуемых только четверо не допустили предполагаемых лексических ошибок, вызванных влиянием родного языка. Из 14 студентов выполнивших это задание, только четверо не допустили ошибки, интересующего нас типа. Общий процент допущенных ошибок составил 32%.

Отметим выявленные нами подтипы (случаи) лексической интерференции:

– ложное отождествление значений слов в двух языках по сходству их фонетических составов (например: magazine, family, genial, master, etc.);
– отождествление формы слов в двух языках при фактически частичном её совпадении (Например: архитектор – architect, examiner – экзаменатор, физик – physicist, etc.);
– отождествление значений слов в двух языках при фактически частичном их совпадении (например, русское слово «удоб-

ный» имеет в английском языке эквиваленты «comfortable» и «convenient», значение русского слова «делить» имеет следующие эквиваленты в английском языке to share, to divide и т.д.);
– отождествление социально-культурных факторов по сферам их приложения (например, английское слово «please» не используется в ответ на благодарность).

Исследования показывают, что интерференция проявляется там, где умения и навыки различны по критерию устойчивости. Важное значение имеет и прочность навыков, которые участвуют в интерференции [9, с. 77]. Таким образом, интерференция проявляется там, где навыки различны по этому критерию.

Обсуждение

Сплошная статистическая выборка фиксаций устных и письменных ответов на предложенные нами задания выявляет в отдельных случаях до 50 процентов тех лексических ошибок, которые мы предположительно относим к результату интерферирующего влияния системы родного языка в сознании обучающихся [10]. Новизна результатов заключается в том, что выявление причин появления таких ошибок помогает преодолеть ряд лексических ошибок в речи студентов на английском языке. Данное исследование не исчерпывает всех аспектов исследуемой проблемы лексической интерференции, а раскрывает лишь один аспект. Представляется, что направление дальнейшего исследования может быть посвящено вопросам изучения социокультурных ошибок в иноязычной речи студентов.

Заключение (выводы).

Для проявления интерференции в лексической сфере необходимы объективные условия, создаваемые особенностями данного иностранного языка: наличие в нём дифференциальных признаков, которые могут быть противопоставлены внутри одного языка или при контакте его с родным, то есть наличие внутриязыковых и межъязыковых оппозиций.

Таким образом, в основе механизма лексической интерференции лежат ошибочное или же неосознанное представление, что лексическая система английского языка совпадает с лексической системой русского языка. Практическая значимость исследования состоит в том, что выявление подтипов интерференции помогает выявить трудности в обучении английскому языку. Тот факт, что причиной интерференции является интерференция навыков, говорит о необходимости формировать у студентов прочные речевые навыки.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. «Исследование не имело спонсорской поддержки».

Список литературы

1. Бороздина Н.А. Использование результатов диахронического анализа английских пространственных предлогов как способ преодоления интерференции родного языка при обучении английскому языку // Провинциальные научные записки. 2017. №1 (5). С. 97–99.
2. Гураль С.К., Сорокина Е.И. Интерферентные языковые явления и положительный перенос (английский, французский и итальянский языки) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 7–11.
3. Тимофеев А.В. К вопросу преодоления межъязыковой интерференции при обучении иноязычной лексике студентов технического вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №12. С. 147–151.
4. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
5. Барышникова Ю.В., Емец Т.В., Вторушина Ю.Л. Система работы по предотвращению интерференции родного языка при обучении английскому языку студентов-бакалавров педагогического направления // Перспективы науки и образования. 2018. № 6 (36). С. 173–181.
6. Педагогическая энциклопедия. М., 1966.

7. Макаричев Ф.В., Елизарова Г.В. Значимость национального культурного компонента лексики в процессе межкультурной коммуникации // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2 (52). С. 380–388.
8. Василюк А.В., Пулеха И.Р. Обучение переводу инокультурной лексики // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2018 Материалы международной студенческой научно-практической конференции. 2018. С. 264–270.
9. Беляевская Е.Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 5 (32). С. 76–83.
10. Emets T.V., Baryshnikova I.V., Trutnev A.Y., Suvorova E.V., Akhmetzyanova T.L. Logical and linguistic strategies for translating complex sentences in literary texts of natural languages // XLinguae. 2018. T. 11. № 2. C. 3–16.

References

1. Borozdina N.A. Ispol'zovanie rezul'tatov diahronicheskogo analiza anglijskih prostranstvennyh predlogov kak sposob preodoleniya interferencii rodnogo yazyka pri obuchenii anglijskomu yazyku // Provincial'nye nauchnye zapiski. 2017. №1 (5). S. 97–99.
2. Gural' S.K., Sorokina E.I. Interferentnye yazykovye yavleniya i polozhitel'nyj perenos (anglijskij, francuzskij i ital'yanskij yazyki) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 354. S. 7–11.
3. Timofeev A.V. K voprosu preodoleniya mezh"yazykovoj interferencii pri obuchenii inoyazychnoj leksike studentov tekhnicheskogo vuza // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2017. №12. S. 147–151.
4. Yarceva V.N. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. EHnciklopediya, 1990.
5. Baryshnikova Yu.V., Emec T.V., Vtorushina Yu.L. Sistema raboty po predotvrashcheniyu interferencii rodnogo yazyka pri obuchenii anglijskomu yazyku studentov-bakalavrov pedagogicheskogo napravleniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2018. № 6 (36). S. 173–181.
6. Pedagogicheskaya ehnciklopediya. M., 1966.

7. Makarichev F.V., Elizarova G.V. Znachimost' nacional'nogo kul'turnogo komponenta leksiki v processe mezhkul'turnoj kommunikacii // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 2 (52). S. 380–388.
8. Vasilyuk A.V., Pulekha I.R. Obuchenie perevodu inokul'turnoj leksiki // Student i nauka (gumanitarnyj cikl) – 2018 Materialy mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. S. 264–270.
9. Belyaevskaya E.G. Kognitivnaya lingvistika i prepodavanie inostrannyh yazykov // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 5 (32). S. 76-83.
10. Emets T.V., Baryshnikova I.V., Trutnev A.Y., Suvorova E.V., Akhmetzyanova T.L. Logical and linguistic strategies for translating complex sentences in literary texts of natural languages // XLinguae. 2018. T. 11. № 2. S. 3–16.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Барышникова Юлия Викторовна, доцент кафедры английского языка, кандидат педагогических наук, доцент
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
jvb72@mail.ru

Емец Татьяна Владимировна, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, доцент, кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
emectv@mail.ru

Барышникова Анна Михайловна, студентка группы ММТмб-17
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
anyabar1999@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Baryshnikova Yulia Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy, Docent, Department of the English language, Institute of Humanitarian Education
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
38, Lenin pr, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
jvb72@mail.ru
ORCID: 000-0001-5320-4726

Emets Tatiana Vladimirovna, Ph.D. in Philology, Docent, Department of Romano-Germanic Philology and Translation, Institute of Humanitarian Education
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
38, Lenin pr, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
emectv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8176-6125

Baryshnikova Anna Mikhailovna, student of the group MMTmb-17
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
38, Lenin pr, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
anyabar1999@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2406-4095

УДК 811.161.1

ИНТЕНСИВНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Соколова Е.П., Франчук О.В.

Статья посвящена описанию разноуровневых языковых средств выражения семантики интенсивности в современном русском языке. Особое внимание в статье уделяется трудным, спорным вопросам теории функциональной грамматики, неоднозначно трактуемым в современной лингвистике.

Ключевые слова: *функциональная грамматика; интенсивность; функционально-семантическое поле; семантическая категория.*

THE INTENSITY AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN MODERN RUSSIAN

Sokolova E.P., Franchuk O.V.

The article is devoted to the description of the multilingual means of intensive meanings in modern Russian. Special attention is paid to the difficult, controversial issues of the theory of functional grammar, ambiguously interpreted in modern linguistics.

Keywords: *functional grammar; intensity; functional-semantic field; semantic category.*

Введение

Настоящее исследование выполнено в рамках функционально-грамматического направления, разрабатываемого представителями Петербургской школы функциональной грамматики и их последователями (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, Ю.А. Пупынин и др.). Объектом исследования является функционально-семантическое поле интенсивности. Предметом анализа стали разноуровневые

языковые средства (лексические, фразеологические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и фонетические), образующие центральную и периферийную зоны описываемого поля.

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес лингвистов к изучению способов выражения усиления и ослабления признака (И.И. Туранский, А.Н. Полянский, С.Е. Родионова, Н.А. Лукьянова, Е.С. Кубрякова, С.С. Сафонова, О.О. Иванова и др.). При этом понятие «интенсивность» до сих не имеет однозначной интерпретации, более того, сам термин «интенсивность» не представлен во многих лингвистических справочниках и словарях.

Вопрос о статусе категории интенсивности является одним из дискуссионных в современном языкознании, до сих пор остаются нерешёнными вопросы, связанные с определением границы понятия интенсивности; соотношением объективного и субъективного в его содержании; проблемой взаимодействия интенсивности со смежными категориями (количественности, качественности, градуальности, экспрессивности, эмоциональности, образности, оценочности).

Таким образом, перед нами стоит задача охарактеризовать и описать основные элементы структуры функционально-семантического поля интенсивности; выделить средства передачи семантики интенсивности, определить их иерархию, а также описать взаимодействие анализируемого поля с другими полями, выявить зоны их пересечения.

Материалы и методы исследования

В работе применены следующие методы и приёмы исследования: описательный метод в сочетании с приемами наблюдения, сопоставления, обобщения, классификации и интерпретации лексико-грамматических явлений; полевый метод, структурирующий смысловое пространство поля интенсивности; дистрибутивный метод, позволяющий охарактеризовать значение анализируемых единиц на основании ближайшего контекстуального окружения; структурно-семантический метод, а также элементы статистического метода.

Материалом для исследования послужили рассказы А.П. Чехова [1], что позволило не только охарактеризовать центральную и периферийную зоны поля интенсивности, но также выявить, какие из описываемых языковых средств наиболее характерны для стиля писателя.

Результаты исследования

Функционально-семантическое поле интенсивности рассматривается нами как полицентрическая структура, имеющая центр и периферию.

В ***центральной зоне*** исследуемого поля выделяется трехкомпонентное ядро, которое представлено лексико-фразеологическими, морфологическими и словообразовательными средствами интенсификации, то есть такими формами, которые способны наиболее однозначно и регулярно передавать значение интенсификации. Для их реализации, как правило, не требуется поддержки контекста и других элементов среды.

Самым ярким средством интенсификации в исследуемом материале являются ***лексические средства***, представленные интенсификаторами – эксплицитными средствами усиления (44%) и интенсификатами – словами, имплицитно содержащими в своем значении сему интенсивности (56%).

Некоторые исследователи (А.В. Бондарко, Я.Э. Ахапкина, А. Вежбицкая, С.Е. Родионова) считают универсальным интенсификатором наречие *очень* со значением «высокая степень признака – статического или динамического» и его синонимы – *сильно* и *весьма*. Как показал анализ, наречие *очень* в значении «весьма, чрезвычайно, в сильной степени» употребляется чаще других интенсификаторов, например: *«Он… очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородие»»* («Крыжовник»).

Однако в русском языке семантика интенсивности может быть выражена не только с помощью универсальных интенсификаторов *очень, сильно, весьма*, но также с помощью слов, в ядерной части лексического значения которых сема интенсивности взаимодей-

ствует с другими семами. Исследователи отмечают, что подобных эксплицитных интенсификаторов в русском языке достаточно много. Все их можно разделить на две группы: 1) лексические средства выражения интенсивности, содержащие эмоциональную оценку говорящего к сообщаемому; 2) лексические средства выражения интенсивности, в которых эмоциональная оценка говорящего к сообщаемому отсутствует.

В частности, интенсификаторы-наречия, представляющие первую группу: *ужасно, безумно, чертовски, смертельно, безмерно, бесконечно, крайне, поразительно, удивительно, страшно* и т.п., как утверждает А.В. Бондарко, «указывают на эмоциональное небезразличие говорящего к предмету сообщения, сильное впечатление, которое производит на говорящего неожиданность высокой степени проявления признака, необходимость обратить внимание на этот признак и привести свое поведение в соответствие с требованиями ситуации» [2, с. 159]. В анализируемом материале представлены лексические интенсификаторы, включающие в своё значение эмоциональную сему. Среди них следует назвать: а) наречие *ужасно* в значении «очень, в высшей степени, чрезвычайно» [3, с. 1376], например: *«Она красна (вообще луна, вылезая из-за кустов, всегда почему-то бывает ужасно сконфужена)»* («Аптекарша»); б) *страшно* от *страшный* в значении, «выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами; исключительный» [3, с. 1277–1278], например: *«Страшно жадничал»* («Крыжовник») и др.

Интенсификаторы типа *совершенно, полностью, целиком, абсолютно, совсем, предельно, слишком* не выражают эмоциональную оценку говорящего, а только указывают на чрезмерную степень признака, т.е. на то, что свойство представлено в большей степени, чем нужно или можно, например: *«Ваша просьба по существу совсем к нам не относится»* («Беззащитное существо»).

Таким образом, в исследуемом материале преобладают высказывания с универсальными интенсификаторами, непосредственно передающими значение интенсивности признака (84%). Реже используются слова, в ядерной части лексического значения которых

сема интенсивности взаимодействует с другими семами. Среди них выделяются интенсификаторы, содержащие эмоциональный компонент в структуре лексического значения (11%), и интенсификаторы, указывающие на предельную или полную степень признака без эмоционального компонента (5%).

С точки зрения синтагматики выявлено, что интенсификаторы обычно сочетаются с именами прилагательными и наречиями, потому что данные части речи указывают на признак предмета, его свойства, которые способны проявляться с разной степенью интенсивности.

Под интенсификатами понимаются слова, в значении которых сема интенсивности содержится имплицитно. Прежде чем охарактеризовать структуру лексического значения анализируемых интенсификатов, необходимо определить понятие семантического признака. По мнению М.В. Никитина [4, с. 106–109], семантическим называется признак, отражённый в значении языковой единицы. При этом несущественно, исчерпывает ли признак данное значение или составляет только часть этого значения. В анализируемых лексических средствах выражения интенсификации импликация признака интенсивности является предсказуемой, обязательной, образуя сильный импликационал значения. «Семантические признаки сильного импликационала близки к интенсиональному ядру, составляя почти непременную часть лексического значения, поэтому они часто попадают в толкования значений в толковых словарях» [4, с. 110]. Например: *«Это подло в высшей степени!»* («Жилец»). Структура лексического значения слова *подло* помимо интенсиональной, ядерной части «низко, бесчестно» включает имплицитную сему интенсивности, также отражённую в словарной статье толкового словаря – «очень плохо» [3, с. 870]. В исследуемом материале интенсификаты наиболее последовательно представлены наречиями, глаголами, именами прилагательными и существительными, реже – словами категории состояния.

Провести четкую грань между интенсификаторами и интенсификатами трудно: многие слова, имеющие имплицитную сему

‘очень’, могут эксплицитно усиливать другие слова. Например, слова *невыносимо* ‘очень сильно’ и *страдать* ‘испытывать очень сильную боль’, сочетаясь, эксплицитно выражают усиление динамического признака: *«В дороге она простудилась, схватила флюс и теперь невыносимо страдала»* («Житейские невзгоды»).

В пределах значения одной лексемы часто совмещаются значения эмоциональности и интенсивности: «*Обедаю я мерзко…»* («Драматург») – ‘Я обедаю очень плохо, и это вызывает у меня неприятное чувство’; *«Эффект блистательный и делает честь нашей фирме»* («Мститель») – ‘Эффект очень хороший, и это меня радует’.

Интенсификация может использоваться не столько для называния, сколько для выражения эмоций: «*Милая! Прелесть!»* («Жених»)*; «Тварь! Дрянь ты этакая! Черт!»* («Женское счастье»)*; «Душечка!»* («Душечка»).

У часто употребляемых интенсифицирующих средств со временем может произойти изменение значения, если доминантная оценочная сема приобретает рецессивный характер, в то время как периферийная сема интенсифицированного признака усиливается, становится ядерной, например: *«За-ме-чательно подлая! – возмущался Кистунов, нервно вздрагивая плечами»* («Беззащитное существо»).

Таким образом, в исследуемом материале интенсификаты чаще всего представлены наречиями (28%), именами прилагательными (27%), глаголами (24%), именами существительными (20%), реже – словами категории состояния (1%). Анализ показал, что большинство слов, имеющих в структуре лексического значения имплицитную сему интенсивности ‘очень’, составляют определительные наречия и качественные имена прилагательные. В сфере глагольной интенсификации значение интенсивности действия выражается лексическим значением глагола, а также различными способами глагольного действия, при этом к значению усиления добавляются другие компоненты значения: длительности, тщательности, результативности, предельности и т.д. Семантика интенсивности в большей мере присуща абстрактным именам существительным, реже – конкретным и собирательным.

Фразеологические средства интенсивности не только выражают семантику усиления, но также передают дополнительные эмоционально-оценочные и экспрессивные семантические признаки, например: *«У бабы ни рожи, ни кожи, на всех зверей похожа, а он... целоваться!»* («Клевета»); *«Боже мой, я сгораю от нетерпения!»* («Княгиня»); *«Спичкин покраснел, как вареный рак»* («Речь и ремешок»).

К ***морфологическим средствам*** выражения интенсивности относятся степени сравнения имён прилагательных, слов категории состояния и наречий, например: *«Она срывается с места и старается бежать быстрее, чтобы прогнать сон»* («Спать хочется»). В связи с образованием омонимичных грамматических форм степеней сравнения возникает необходимость разграничения наречий, прилагательных и слов категории состояния, образующих омокомплексы [5].

В исследуемом материале преобладают формы степеней сравнения имён прилагательных (67%), которые обычно употребляются в простой превосходной степени. Наречие используется реже (26%), при этом частотностью характеризуются составляют формы простой сравнительной степени. Слова категории состояния в простой сравнительной степени со значением интенсивности встречаются редко (7%).

К ***словообразовательным средствам*** выражения интенсивности относятся суффиксы и префиксы, с помощью которых можно выразить значение усиления признака в субстантивных, адъективных и наречных лексемах. Словообразовательные средства интенсификации регулярно встречаются в области имён существительных и прилагательных, менее характерны они для наречий.

В анализируемых текстах преобладают имена существительные с семантикой интенсивности, образованные при помощи различных суффиксов: *-ечк-*, *-ишк-*, *-ищ-*, *-ик-*, *-иц-*, *-онк-*, *-щик-*, *-к-*, *-ек-*. Такие словоформы мотивируются именами существительными и обладают субъективно-оценочными значениями, например: *«И черная кошечка лежит у нее под боком и мурлычет»* («Душечка»); *«Польстилась ты на хамские капиталы, на сережечки да браслетики»* («Бабы»).

В современной учебной и научной литературе нет единого мнения по поводу квалификации суффиксов субъективной оценки [6, с. 26–29]. Одни лингвисты относят их к формообразованию, другие – к словообразованию. Второй подход представляется более предпочтительным, именно он отражен в «Русской грамматике» 1980 года [7], работах В.Н. Немченко [8, с. 151] и др.

В исследуемом материале представлены также части речи с признаковой категориальной семантикой, передающие ослабленную или повышенную степень проявления признака: имена прилагательные со значением интенсивности, образованные при помощи суффиксов: *еньк-*, *-оват-*, *-оньк-* и приставки *пре-*, а также наречия, образованные при помощи суффиксов *–оньк-*, *-ющ-*, *-еньк-*, *-оват-*. Например: *«Деточка моя, и уродился же ты такой умненький, такой беленький»* («Душечка»); *«Максим потихоньку от жены пошел в кухню, завернул в салфетку кусок кулича и пяток яиц и пошел в сарай к работникам»* («Казак»).

Таким образом, словообразовательные приёмы интенсификации в рассказах А.П. Чехова представлены именами существительными (42%) с суффиксами субъективной оценки (анализируемые слова обладают особым модификационным словообразовательным значением), а также именами прилагательными (42%) и наречиями (16%), образующими «степени качества». Чаще всего в исследуемом материале для выражения значения интенсивности используются суффиксы (98%), значительно реже – префиксы (2%).

К ***периферии*** исследуемого поля относятся синтаксические и фонетические средства, которые не имеют специальных показателей интенсивности, поскольку функция интенсификации не является для них основной, первичной. Но при активной поддержке контекста и речевой ситуации они способны передавать данную семантику благодаря участию других компонентов высказывания.

Синтаксические средства выражения интенсивности находятся на периферии исследуемого поля. Среди средств передачи интенсификации следует отметить:

а) нерасчленённые местоименно-союзные сложноподчиненные предложения, построенные по моделям: *такой… что*, *настолько… что*, *столько… что*, *до того … что*, *до такой степени… что*, *так много … что*, *так… что*, например: *«Как будто мне было внушение от ангела небесного, прочитал я ей наставление и говорил так чувствительно, что меня даже слеза прошибла»* («Бабы»); *«Скользящих ног так много, что, будь они в Китае, для них не хватило бы бамбуковых палок»* («Добрый знакомый»);

б) конструкции с косвенной интенсивностью, представляющие собою класс синтаксических образований, в рамках которых смысл интенсивности обозначается не прямо, а косвенно – за счет особого смыслового хода, например, сравнения: *«Пишет безграмотно, бессмысленно... как сапожник!»* («Чтение»);

в) конструкции с повторяющимися формами, например: *«Вы, женщины, не хотите понимать многое... многое...»* («Благодарный»). Повтор в русском языке всегда вносит экспрессивные оттенки, акцентируя определённый смысл. Так, повтор одинаковой глагольной формы подчёркивает интенсивность и длительность описываемых процессов, например: *«Говорил-говорил, ворчал-ворчал да вдруг, брат, как захохочет ни с того ни с сего»* («Женское счастье»).

В исследуемом материале преобладающими являются высказывания с повторяющимися наречиями, передающими интенсивность признака действия, например: *«Воздух темнел быстро-быстро…»* («Княгиня»);

г) конструкции с междометиями и междометными сочетаниями с частицей или местоименным словом, служащие как для обозначения степени интенсивности различных признаков, так и для актуализации выражения усиленной экспрессивной оценки. Особая эмоциональность и экспрессивность таких предложений дополнительно подчёркивается пунктуационными средствами: восклицательным знаком в конце высказывания. Например: *«Ох, грехи наши тяжкие!»* («Беспокойный гость»); *«Ах, как тяжело!»* («Жених»).

Выделенные выше синтаксические средства выражения интенсификации относятся к периферии функционально-семантического поля интенсивности, все они объединены общим инвариантным семанти-

ческим признаком данного поля. При этом ни одно из перечисленных средств не может составлять центр исследуемого поля, поскольку функция интенсификации не является для них основной, первичной.

Фонетические средства выражения интенсивности в рассказах А.П. Чехова используются достаточно редко. Они, как правило, характеризуются высокой степенью эмоциональности и оценочности, формируемой с помощью следующих средств: а) удлиненное произношение ударного слога, например: *«Но меня не надуешь, не-ет!»* («Контрабас и флейта»); *«-Гре-ех? Откудова грех?»* («Барыня»); б) удлиненное произношение безударного слога, например: *«- Сашенька-а! - окликает она»* («Душечка»); в) удлиненное произношение согласного звука, например: *«- Ужжасно!»* («Драматург»); *«- Трррус! Купчишка! Презренный Кит Китыч! Трррус! Заяц толстопузый!...»* («Месть»). Следует отметить, что при отрицательных эмоциях: гневе, презрении и т.д. – происходит удлинение согласного в ударном слоге; г) деление слова на слоги, например: *«-А-га-фья!.. - донесся из деревни чей-то глухой голос. - Агафья!»* («Агафья»); *«-По-ла-гаю...»* («Драматург»); послоговое произношение используется обычно для выражения решимости, при этом каждый слог произносится как ударный, так что противопоставление ударных и безударных гласных в таких случаях отпадает; д) удлинение первого согласного в слове, например: *«Очень рад! Молчать! Я ттебе...»* («Единственное средство»); *«- Нну, да...»* («Драматург»).

Обсуждение

Исследование показало, что средства выражения семантики интенсивности не всегда употребляются изолированно. В художественном тексте часто наблюдается взаимодействие, пересечение разноуровневых средств. Возможно сочетание и одновременное использование: а) лексического, словообразовательного и синтаксического средств интенсификации; б) лексического и словообразовательного средств интенсификации; г) лексического и фонетического средств интенсификации, например: *«Это, батенька, ве-ли-ко-лепная вещь!»* («Контрабас и флейта»).

Заключение

Проведённый анализ позволил сделать вывод о том, что в рассказах А.П. Чехова интенсификация чаще происходит в сторону увеличения признака – «больше нормы», значительно реже – в сторону его уменьшения, то есть «меньше нормы». Таким образом, в исследуемом материале семантика интенсивности передаётся наиболее последовательно на лексико-фразеологическом уровне (60%), словообразовательном (12%) и морфологическом (7,1%) – это центр анализируемого ФСП. К периферийным средствам интенсификации относятся синтаксические (16,7%) и фонетические (4,2%). Однако не всегда названные средства используются изолированно, во многих случаях наблюдается взаимодействие разноуровневых средств выражения интенсивности в пределах высказывания.

Список литературы

1. Чехов А.П. Рассказы. М.: АСТ, Neoclassic, 2017. 443 с.
2. Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / Отв. ред. Бондарко А.В., Шубик С.А. СПб.: Наука, 2005. 480 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов СПб.: Норинт, 1536 с.
4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
5. Ponomareva L., Churilina L., Buzhinskaya D., Derevskova E., Dorfman O., Sokolova E. Russian National Corpus as a Tool of Linguo-Didactic Innovation in Teaching Languages / L. Ponomareva, L. Churilina, D. Buzhinskaya, E. Derevskova, O. Dorfman, E. Sokolova. // International Journal of Environmental and Science Education. IJESE. Vol. 11 Issue 18 (2016), pp. 13043–13053.
6. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, 2007. 328 с.
7. Русская грамматика. Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
8. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984. 255 с.

References

1. Chehov A.P. Rasskazy. M.: AST, Neoclassic, 2017. 443 p.
2. Problemy funkcionalnoj grammatiki: polevye struktury / Otv. red. Bondarko A.V., Shubik S.A. SPb.: Nauka, 2005. 480 p.
3. Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka / gl. red. S.A. Kuznecov SPb.: Norint, 1536 p.
4. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoj semantiki. SPb.: Nauchnyj centr problem dialoga, 1996. 760 p.
5. Ponomareva L., Churilina L., Buzhinskaya D., Derevskova E., Dorfman O., Sokolova E. Russian National Corpus as a Tool of Linguo-Didactic Innovation in Teaching Languages / L. Ponomareva, L. Churilina, D. Buzhinskaya, E. Derevskova, O. Dorfman, E. Sokolova. // International Journal of Environmental and Science Education. IJESE. Vol. 11 Issue 18 (2016), pp. 13043–13053.
6. Zemskaya E.A. Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie. M.: Flinta, 2007. 328 p.
7. Russkaya grammatika. T.1.Fonetika. Fonologiya. Udarenie Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya / Gl. red. N.Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1980. 789 p.
8. Nemchenko V.N. Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie. M.: Vysshaya shkola, 1984. 255 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Соколова Елена Петровна, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, кандидат филологических наук, доцент

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация

Sokolova-mag@yandex. ru

Франчук Оксана Валерьевна, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, кандидат филологических наук, доцент

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
oxana.franchuk@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sokolova Elena Petrovna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
38, Lenin pr, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
Sokolova-mag@yandex. ru
ORCID: 0000-0001-5560-4002

Franchuk Oksana Valerjevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
38, Lenin pr, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
oxana.franchuk@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7645-0177

УДК 81

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Хадулаева У.Ш.

В статье рассматривается гастрономический дискурс с точки зрения передачи особенностей русской и английской национальной культуры. Работа имеет междисциплинарный характер, так как исследование национально-культурной специфики гастрономического дискурса затрагивает некоторые вопросы этнопсихологии и лингвокультурологии. В результате проведенного анализа были выявлены некоторые национально-культурные различия, нашедшие отражение на морфологическом и лексико-семантическом уровнях языка, а также определены ключевые лингвокультуремы русского и английского гастрономического дискурса.

Ключевые слова: *дискурс; гастрономический дискурс; лингвокультурема; коллективизм; индивидуализм.*

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF GASTRONOMIC DISCOURSE

Khadulaeva U.Sh.

The article deals with the gastronomic discourse from the point of view of the transfer of features of Russian and English national culture. The work has an interdisciplinary character, as the study of national and cultural specificity of gastronomic discourse touches upon some issues of ethnopsychology and linguoculturology.As a result of the analysis, some national and cultural differences were identified, which were reflected in the morphological and lexical-semantic levels of the language, as well as the key linguistic cultures of Russian and English gastronomic discourse.

Keywords: *discourse; gastronomic discourse; linguistic culture; collectivism; individualism; locus of control.*

Понятие «дискурс» как объект исследования лингвистики до сих пор не имеет однозначного определения. Данный термин претерпел множество интерпретаций: от фактического его отождествления с текстом до осмысления дискурса как сложного когнитивно-семантического явления, включающего «экстарлингвистические, прагматические, социокультурные, психологические и другие факторы» [1, с. 138].

Существуют разные типы дискурса: юридический, педагогический, медицинский, рекламный, гастрономический и другие. Под гастрономическим дискурсом следует понимать «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [2, с. 168].

Интерес к гастрономической культуре возник сравнительно недавно – в 1960–1970-х гг. в связи с трудами таких исследователей как К. Леви-Стросс, Р.Барт и М.Дуглас. В отечественной науке был написан ряд работ по тематике гастрономического дискурса (А.В. Олянич, Н.П. Головницкая, А.Ю. Земскова). Несмотря на важность и актуальность темы, гастрономический дискурс – все же недостаточно исследованный вид коммуникации.

Целью написания данной статьи является исследование национально-культурной специфики русского и английского гастрономического дискурса. Изучение национально-культурной специфики гастрономического дискурса представляется весьма актуальным вопросом, так как в данном типе дискурса находят свое отражение языковые, этнические и идеологические картины мира.

Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи: выявить, описать и провести сравнительный анализ языковых средств выражения национально-культурных особенностей гастрономического дискурса. Материалом для данной статьи послужили российские и британские кулинарные телепередачи, что и обусловливает новизну статьи.

В российских телепередачах сравнительно редко употребляются глагольные формы, соотносящиеся с местоимением первого лица множественного числа. Для иллюстрации приведем несколько примеров:

(И вот теперь, когда мы все это так взбили, мы берем сахар), (буквально две минутки жарим лук), (размешали желатин в молоке, он прекрасно растворился, оставляем в сторону), (мятные листочки мы не добавляем сразу сейчас в сливки) [3];

(Мы берем с вами мясо, грудинку, например, телячью или говяжью и бросаем ее в кастрюлю), (Ставим сковороду и готовим грибы), (наливаем масло на сковороду, добавляем немного соли и грибы), (мы добавляем сюда немного сливок) [4].

Из данных примеров становится очевидным, что роль агенса (исполнителя действия) в приготовлении блюда в русском гастрономическом дискурсе не подчеркивается. Личное местоимение **мы** может использоваться не только для обозначения субъекта речи, но и для обозначения группы лиц, входящих в съемочную группу.

Однако англичане при построении дискурса употребляют местоимение первого лица единственного числа чаще, чем представители русской культуры. Приведем несколько примеров:

(I will put that into oven /Я положу это в духовку) (здесь и далее перевод автора статьи); (I'm going to put the third of the mince at the base /Я кладу треть фарша на противень), (now I'm using chicken breasts today, you could use chicken wings if you prefer / Сейчас я использую куриную грудку, вы можете использовать куриные крылышки по своему усмотрению) [5];

(I'm gonna make a version of my Beef Wellington» /Я собираюсь приготовить свою версию говядины Веллингтон) [6],

(I can cut it to slices before frying it /Я могу порезать это на кусочки прежде чем обжарить); (I'm putting the ice-cream back into the freezer for a half an hour or so / Я кладу мороженое обратно в холодильник примерно на полтора часа); (I can get on with another part of my recipe – fantastic home-made ice-cream / Я могу приступить к следующей части моего рецепта – фантастическому домашнему мороженому) [7].

Речь телеведущих русских кулинарных передач в сопоставлении с речью английских телеведущих характеризуется большим использованием безличных конструкций. Следует отметить, что для рус-

ского гастрономического дискурса также характерно употребление бессубъектных предложений, выраженных дательным падежом:

(Нужно только листочки без веточек) (Ну, можно взять и ту рыбу, знаешь, которая у нас замороженная), (Пахнет фантастически!) [3],

(большое достоинство у грибов, вот этих древесных вешенок и у шампиньонов, ну, что их в принципе можно есть сырыми), (можно, как мы с вами, сделать пирог большой), (дело в том, что грецкие орехи – штука достаточно горькая, для того чтобы от этой горечи избавится нужно использовать воду), (нам понадобятся лимон, лимонная цедра, нам понадобится чеснок), (нам с вами понадобится тесто) [4].

Приведем пример из британской телепередачи:

(It has got a wonderful shine and pattern /У нее чудесно сияние и форма), (You'll need a small micro-fillets / Вам понадобятся микро-филе) [5];

(The first thing you need for Beef Wellington is wonderful Beef fillets / Первое, что вам понадобится для приготовления говядины «Веллингтон» – это филе), (You must let this get cold first / для начала необходимо все это охладить) [8].

По мнению А. Вежбицкой «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем это события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять» [9, с. 76].

В подтверждении нашей мысли процитируем слова исследователя С.Н.Рудаковой, по мнению которой «на уровне высказывания сигналы индивидуализма и коллективизма проявляются в предпочтении носителями английского языка личных конструкций типа I got it, I see, I wonder, I wish, I'd like и т. д., в то время как носители русского языка используют безличные конструкции понятно,

ясно, интересно, жаль, хотелось бы и т.д.» [10]. Употребление местоимения первого лица множественного числа и бессубъектных предложений, выраженных дательным падежом, очевидно, также объясняется коллективизмом менталитета. «В дательном падеже бессубъектного предложения лицо говорящего как бы отодвигается на второй план, что соответствует русскому менталитету, осуждающему стремление выставлять на первый план свое «Я» [11 с. 18].

Данные примеры подтверждают тот факт, что дискурс – довольно сложный феномен, в котором отражаются такие параметры культурных различий как коллективизм и индивидуализм [12, с. 254].

Известно, что среди лексико-семантических особенностей необходимо отметить следующие: в английском языке ключевой гастрономической лингвокультуремой является чай. Когда ведущая британских телепередач говорит о приятном времяпрепровождении в кругу семьи, на экране демонстрируют чашки чая. «По-прежнему живы важнейшие принципы чаепития: чай надо пить с молоком, лучше всего из фарфоровой чашки, обстановка чаепития важнее состава содержания, то есть качества еды и чая, наконец, чай не терпит спешки и очень любит дружескую беседу» [13]. В английском языке можно найти фразеологические единицы, включающие в себя лексему «tea»: *tea and sympathy* – (kindness and sympathy that you show to someone who is upset/доброта и сочувствие, проявляемые к человеку, который расстроился), *would not do sth for all the tea in China* – (used to say that nothing could persuade you to do something/используется чтобы сказать, что ничто не может убедить вас сделать что-либо) [14].

В Великобритании чай пьют по шесть или семь раз в сутки, и каждому времени суток соответствует определенный сорт чая. Самым известным чаепитием является five o'clock tea, именно к этому чаепитию подают разнообразные кексы, печенья, конфеты, пудинги и другие сладости. [15, с. 28–29].

Традиционные десерты к чаю наряду со многими другими блюдами часто называют «comfort food». В Кэмбриджском словаре дается следующее определение данного словосочетания: comfort

food – «the type of food that people eat when they are sad or worried, often sweet food or food that people ate as children» (блюдо, которое едят, когда грустно, еда, которую знают с детства, как правило, что-то сладкое – перевод автора статьи) [14].

(What a wonderful selection of warm comfort food!/Какой прекрасный выбор теплой согревающей еды) [5].

(Comfort food for me all about warming food /По моему мнению еда, приносящая комфорт – это согревающая еда) [5].

(Of course, dessert doesn't have to be supersized to be tasty or comforting/Конечно, необязательно готовить огромный десерт, для того чтобы он был вкусным и приносил радость) [7].

В русском языке главной гастрономической лингвокультуремой является «хлеб». Как известно, слово «хлеб» входит в состав многих фразеологических единиц: зарабатывать на хлеб, быть нужным как хлеб, остаться без куска хлеба, хлебосольный человек, на хлеб с маслом хватает, хлеба и зрелищ, хлебом не корми и другие [16, с. 67–70].

(Самое вкусное, что есть на свете, самое вкусное – это хлеб. Хлеб…не потому что он – всему голова, а потому что, когда человек голоден – единственное о чем он думает: хлеба, хлеба, не зрелищ…нет! Хлеба), (Я уверен, когда вы приезжали в Среднюю Азию, на гастроли, ну вас же встречали там… на Кавказ в республики, вы же наверно оттуда ящиками привозили, угощали, вы же хлебосольный человек) [17].

При межкультурной коммуникации могут возникнуть недопонимания вследствие незнания реалий, идиом, разной семантики слов, буквального восприятия смысла некоторых словосочетаний и выражений, а также обычаев и традиций другого народа, которые отражаются в дискурсе. Помимо нескольких вышеуказанных примеров можно привести и многие другие:

(Вот все мы приготовили для такой элегантной, затейливой закуски…Когда говорю слово «закуска» это такая даже вот я не имею ввиду закуска для алкогольных напитков), (Я люблю заморить червячка, закусить, перекусить; Вы мне звоните, я выезжаю из Москвы, через два дня приезжаю, варим пельмени. Эх, посидим!) [17];

В русском языке закуской называют «кушанья, употребляемые перед обедом или ужином для возбуждения аппетита или для заедания выпитого вина, водки» [18].

В английском языке существует несколько слов для обозначения столового термина «закуска»: snack – закуска, предназначенная для подачи на завтрак;

savouries – закуска, которую подают до или после трапезы;

appetizers – закуска к алкогольным напиткам [15, с. 22].

Также слову закуска в английском языке находятся и другие эквиваленты:

(This is got to be one of the best starters I've ever tasted…Believe me, you'll never find a better curtain razor for your dinner party/Это одна из самых вкусных закусок, которую я когда-либо пробовал… Поверьте мне, вы и не найдете закуски лучше для вашего званного ужина) [7].

Из этого следует, что представители обеих культур будут испытывать некоторые трудности, связанные с пониманием семантики и стилистики вышеуказанных слов. Такое словосочетание, как «посидим за столом» может быть воспринято иностранцами буквально, в то время как для носителей русского языка данное выражение будет означать «отметим какое-либо событие, насладимся трапезой».

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что национально-культурная специфика русского гастрономического дискурса выражается в языке посредством:

1. Особенностей синтаксиса (безличные предложения, бессубъектные предложения, выраженные дательным падежом).
2. Лексико-семантических особенностей (преобладающее большинство случаев употребления местоимения «мы» вместо «я»; различные семантические объемы слов, словосочетаний – (закуска, посидеть за столом); значения фразеологизмов, отражающих национально-культурные особенности, традиции – хлебосольный человек, хлеб – всему голова, хлеба и зрелищ и т.д.).
3. Гастрономической лингвокультуремы (хлеб).

Национально-культурная специфика английского гастрономического дискурса выражается с помощью:

1. Синтаксических особенностей (доминанирующее употребление в речи личных предложений над безличными).
2. Лексико-семантических особенностей (преобладающее большинство использования местоимения «я» в сравнении с частотностью использования местоимения «мы» при упоминании агенса действия; различный семантический объем слов – appetizers, savouries, snack).
3. Гастрономической лингвокультуремы (tea).

Таким образом, в гастрономическом дискурсе, как в базовой форме коммуникации, отражается этнокультурная специфика: ключевые лингвокультуремы, особенности мировосприятия народов, параметры культурных различий, такие как коллективизм/индивидуализм, внешний локус контроля/ внутренний локус контроля. Следует отметить, что лингвокультурологическое исследование гастрономического дискурса связано с такими дисциплинами как этнопсихология, межкультурная коммуникация, история, география.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С . 296–297.
2. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) [Текст] / А.В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и дискурс. Москва 2003. С. 167–200.
3. «Едим дома». [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=qXM3tbcRVdo (дата обращения: 31.05.18).
4. Готовим с Алексеем Зиминым». [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=K8nOZznXAnE (дата обращения:15.10.18).
5. «Mary Berry's foolproof cooking». [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=qvV3jqAccSs (дата обращения: 07.05.18).
6. «Saturday kitchen». [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=aXlf6ro6fBQ (дата обращения: 05. 04.18).
7. «Home comfort: No drama dinner party». [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UegR6hO3Sww (дата обращения: 5.09.18).

8. «Mary Berry's foolproof cooking». [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=qvV3jqAccSs (дата обращения: 07.05.18).
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
10. Рудакова Н.В. Сигналы национальных концептов в языковой системе и речевой деятельности (на материале рус. и англ. яз.) //Языковая семантика и образ мира: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан, ун-та. — Казань, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n67.htm (дата обращения: 15.01.19).
11. Гаврилова Г.Ф. Языковые средства и их контактоустанавливающие функции в процессе межличностной коммуникации // Активные процессы в современном русском языке. Таганрог, 2006.
12. Словарь терминов межкультурной коммуникации под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М., 2013. 632 с.
13. Павловская А.В. 5 o'clock и другие традиции Англии [Эл. ресурс]. URL: https://history.wikireading.ru/302884 (дата обращения: 11.12.18).
14. Cambridge Dictionary, Cambridge University Press. [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/.
15. Земскова А. Ю. Лингвосемиотические характеристики английского гастрономического дискурса. Волгоград 2009. 303 с.
16. Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры, том 1 – блюда и продукты питания. Томск, 2015. 427 с.
17. «Смак».[Электронныйресурс]URL:https://www.youtube.com/watch?v=xGZoGRDWAPA (дата обращения: 09.05.18).
18. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (дата обращения: 14.12.18).

References

1. Artunova N.D. Metaphor // Lingvisticheskij entziclopedicheskij slovar. M., 1990, pp. 296–297.
2. Oljanich A.B. Gastronomicheskiy discurs v sisteme massovoy kommunikatsii (semantiko-semioticheckie kharacteristiki) [tekst] / Oljanich A.B. Massovoya kultura na rubezhe XX–XXI vekov.Chelovek I diskurs. M. 2003, pp. 167–200.

3. «Edim doma» [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=qXM3tbcRVdo (дата обращения: 31.05.18).
4. «Gotovim s Alecseem Ziminum» [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=K8nOZznXAnE (дата обращения: 15.10.18).
5. «Mary Berry's foolproof cooking». [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=qvV3jqAccSs (дата обращения: 07.05.18).
6. «Saturday kitchen» [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=aXlf6ro6fBQ (дата обращения: 05. 04.18).
7. «Home comfort: No drama dinner party». [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UegR6hO3Sww (дата обращения: 5.09.18).
8. «Mary Berry's foolproof cooking». [Эл. ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=qvV3jqAccSs (дата обращения: 07.05.18).
9. Vezbitskaja A. Jazyk. Kultura. Poznanie. M., 1997.
10. Rudakova N.B. Signali natsionalnikh kontseptov v yazikovoy sisteme I rechevoy deyatelnosti (na materiale russkikh i angliiskikh yazikov) // Yazikovaya semantika i obraz mira: Tez. mezhdunar.nauch. konf., posvyasch.200 Kazan universiteta. Kazan, 1997.[Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n67.htm (дата обращения: 15.01.19).
11. Gavrilova G, Ph. Jazykovye sredstva I ikh kontaktoustanavlivaushie funktzii v protzesse mezjlichnostnoj kommunikatzii // Aktivnyje protzesse v sovremennom russkom jazyke. Taganrog, 2006.
12. Slovar termonov mezkulturnoj kommunikatsii pod red. M.G. Lebedko i Z.G. Proshinoj. M., 2013. 632 с.
13. Pavlovskaja A.B. 5 o'clock I drugie traditsii Anglii [Эл. ресурс]. URL: https://history.wikireading.ru/302884 (дата обращения: 11.12.18).
14. Cambridge Dictionary, Cambridge University Press. [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/.
15. Zemskova A. Jy. Lingvosemioticheskie kharacteristiki anglijskogo gastronomicheskogo diskursa. Volgograd, 2009. 303с.
16. Jurina E.A. Slovar russkoq pishevoj metaphori. Tom 1. Tomsk, 2015. 427 с.
17. «Smak».[Электронныйресурс].URL:https://www.youtube.com/watch?v=xGZoGRDWAPA (дата обращения: 09.05.18).

18. Bolshoi tolkoviy slovar russkogo yazika. Gl. Redactor. S.A. Kuznetsov. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (дата обращения: 14.12.18).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хадулаева Умукусум Шамильевна

Дагестанский государственный университет
ул. Батырая, 4а, Махачкала, Дагестан, 367008, Российская Федерация
uma_077@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Khadulaeva Umukusum Shamilevna

Dagestan state University
4a, Batyra str, Makhachkala, Dagestan, 367008, Russian Federation
uma_077@mail.ru

УДК 811.512.145’373

РАЗЛИЧИЯ И ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ РЕЧИ

Хайруллина А.С., Гарифуллина Л.Р.

В статье проанализированы фонетические, морфологические и синтаксические различия и общие черты между городской и сельской речью, изучены диалекты общения жителей города Лениногорск Республики Татарстан и деревень Нижние Чершилы, Куакбаш и Федотовка.

Ключевые слова: *родной язык; общение; диалект; городская и сельская речь.*

THE DIFFERENCES AND SIMILARITIES OF URBAN AND RURAL SPEECH

Khajrullina A.S., Garifullina L.R.

The article is about phonetic, morphological and syntactic differences and similarities between urban and rural speech, based on the study of dialects, communication of residents of Leninogorsk Republic of Tatarstan and the villages of Lower Chershily, Kuakbash and Fedotovka.

Keywords: *native language; communication; dialect; urban and pural speech.*

Введение

Основной целью работы является изучение и сравнение городской и сельской речи, а именно жителей города Лениногорск Республики Татарстан и деревень Нижние Чершилы, Куакбаш и Федотовка.

Метод и методология проведения работы

В работе использован комплекс методов и приемов анализа фактического материала, основным из которых является описательный.

Также использован метод сравнительно-типологического анализа, структурный метод, системный и сравнительно-сопоставительный анализ городской и сельской речи.

Результаты

При довольно беглом изучении обнаружены различия и общие черты городской и сельской речи.

Обсуждение

В XXI веке важным элементом в городской и сельской речи является отношения и столкновение языковых культур. Новый век открыл новые возможности для этих движений. Во время модернизации общественных движений внутри культур зарождаются конфликты. С истечением времени данные конфликты перерастают в межкультурные. Здесь главную роль играют время и степень глобализации модернизированных процессов.

На основе конфликта, в условиях миграции, проблема межкультурных отношений особенно обостряется. Они усложняют поиски новых культурных совпадений. Данная проблема касается не только мигрантов, но и народов, старающихся сохранить свои культуры.

Несмотря на то, что конфликт является сравнительно новым, можно выделить его основные направления и тенденции: использование сельских местностей для краткосрочного и долгосрочного отдыха (ночью и на выходных, для отпуска и для лечения); ведение хозяйства на дачах и своих земельных участках; переход из городов многих образовательных учреждений; урбанизация хозяйственных работ и общественной инфраструктуры и др.

Решением данной ситуации являются: проведение комплексных мероприятий по охране природы, обеспечение народа с работой, создание возможности выбора различных профессий, ведение разнообразной культурной деятельности. Для того, чтобы заинтересовать молодежь деревней, необходимо ввести новые возможности молодым: льготы, обеспечение жильем, цивилизацией.

В современном мире актуальной и важной проблемой является установление тесной общественной связи между городскими и деревенскими жителями.

Для того, чтобы выявить различия и схожие черты городской и деревенской речи, мы рассмотрели фонетические, лексические, морфологические и синтаксические аспекты речи жителей города Лениногорск Республики Татарстан и деревень Нижние Чершилы, Куакбаш и Федотовка.

По итогу ряда исследований мы пришли к выводу: характерной особенностью городской речи является ошибочное произношение татарских звуков. При произношении звуков **[w], [ж], [к,], [г], [ң], [h], [‘] у** горожан возникают проблемы. Очень часто в городской речи звук [**w**] произносится как [**в**], звук [**ж**] как [**ж**], [**к**,], [**г**] произносятся как [**к**], [**г**], звук [**ң**] как [**н**] и звук [**h**] как [**х**] .

Произношение звука [**ао**] как русского [**а**] также является особенностью городской речи. Например:

[*Кайбер кешеләр беркайчан да спорт белән шөгыльләнмиләр/ Кеше организмы өчен зыянлы әйберләр кулланучылар да күп/ Кайберәүләр күп ашыйлар. Андый кешеләр йыш авырыйлар/*

Без гаиләбез белән спорт йаратабыз. Минем әтием белән энем һәр көнне 5 чакрым араны йөгерәләр/ Аларның сәләмәтлекләре нык/ Минем әтием спиртлы эчемлекләр эчми, тәмәке тартмый/ Мин әнийем белән йал көннәрендә аэробикага йөрим/ Һәр көнне иртән җиләк-җимеш ашыйбыз/ Йәшелчәләрнең дә файдасы зур/Хәр көн саф хавада йөрибез/

Минем энем йөзәргә йарата велосипедта йөри/ Йөзү умыртка-лыкка файдалы/ Велосипедта йөрү мускулларны ныгыта/

Йабыгу өчен йөгерү файдалы/ Ул йөрәк эшчәнлегенә дә сулыш алу органнарына да уңай йогынты ясый/ Миңа теннис бик ошый/ Аның айаклар һәм куллар өчен файдасы бик зур].

Если в определенных сельских местностях встречается один диалект, то в городских же их намного больше.

В городе отклонение от норм речи высказывается в грамматических формах отдельных слов. Часто исходная форма слова заменя-

ется неестественными средствами. Этот процесс мы можем увидеть у залогов глагола.

Например: *Әңгәмәбезне алга таба дәвам итәбез/ Дальнейшем продложаем нашу беседу.* Правильный вариант: **Продолжаем нашу беседу.**

Сезнең гаиләгездә биш кеше исәпләнелә/ В вашей семье числится пять человек. Правильный вариант: **В вашей семье пять человек.**

Ошибки в области морфологии возникают у людей, которые общаются на двух языках, но плохо знают грамматические особенности того или иного языка (большей частью русского), и заимствуют слова. В результате влияния грамматики русского языка происходит интерференция в морфологии [1, с. 126].

Морфологическая интерференция меняет схожие, близкие категории и формы обоих языков. Именно такая близость приводит к переносу морфологической формы из одного языка в другой.

Интерференция в морфологии основывается на дословном переводе: татарин, хорошо знающий русский язык, для того, чтобы выразить какое-либо понятие, обращается к грамматике русского языка и выбирает подходящую грамматическую форму. Морфологические ошибки встречаются чаще всего в именах существительных и глаголах.

Одной из таких ошибок является перевод прилагательных с отрицательной частицей “**не**”. Часто люди не задумываются о правильности перевода и переводят дословно:

“Безне зур булмаган бүлмәгә урнаштырдылар” / **Нас поселили в небольшую комнату**. В данном предложении словосочетание “***зур булмаган***” является калькой слова “небольшой”. Правильней вариант будеть так: “*Безне кечерәк кенә бер бүлмәгә урнаштырдылар”*.

“Әйдә, безнең өйдән ерак булмаган кафега барып киләбез” / **Давай сходим в кафе, который расположен недалеко от нашего дома**. Словосочетание “***ерак булмаган***” – дословный перевод слова “недалекий”. А сейчас приводим правильный перевод: *Әйдә, безнең өйгә якын гына (урнашкан) кафега барып киләбез.*

“Төзек булмаган техниканы чүплеккә ташларга кирәк” / **Несправную технику надо выбросить** (правильно будет – ватык техника).

“*Никахта тормаучы ирләр һәм хатын-кызлар”* /никахта тормаучы – **не состоящие в браке** сүзтезмәсенең уңышсыз калькасы; дөресе – ялгыз ирләр һәм хатын-кызлар(*одинокие*).

Сейчас обратим внимание на синтаксические различия между городской и сельской речью. Их не так уж и много. Это касается не только устойчивых выражений – фразеологизмов, но и синтаксических словосочетаний. Поэтому при дословном переводе с русского языка словосочетания и предложения звучат естественно [2, с. 28].

1. В городской речи используется много слов, связанных с городской жизнедеятельностью: ***домофон, метро, троллейбус, лифт, маршрутка***. В сельской речи такие слова не входят в активный состав лексики. В обоих видах речи широко используются заимствованные слова, в городской речи сложно не заметить неуместное использование слов.
2. В сельской речи татарский литературный язык тесно связан с диалектами. В городской речи тоже встречаются слова разных диалектов. В то же время город объединяет в себе представителей сразу нескольких диалектов.
3. Отличия между городской и сельской речью рождаются по причине отличия культур и жизнедеятельности жителей, а также различной степени влияния на эту речь русского языка.

Все же общих черт больше чем отличий. Основой для городской и сельской речи является татарская литературная речь.

Заключение (выводы)

Итак, исследовав сельскую и городскую речь, мы можем сказать следующее:

1. очень часто городские жители не замечают разницу между литературной речью и диалектами;
2. люди часто используют кальки, то есть переводят дословно;
3. во время использования в речи имен прилагательных и форм глагола городские жители допускают грамматические ошибки;
4. с каждым днем все чаще используются синтаксические модели русского языка.

Список литературы

1. Хадиева Г.К. Фонетика татарского языка: конспект лекций. Казань: КФУ, 2014. 71 с.
2. Юсупов Р.А. Перевод и культура речи. Казань: Таткнигоиздат, 2008. 240 с.

References

1. Khadiyeva G.K. (2014). Fonetika tatarskogo yazyka: konspekt lektsiy [Phonetics of the Tatar language: lecture notes]. Kazan.
2. Yusupov R.A. (2008). Perevod i kultura rechi [Translation and speech culture]. Kazan.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Хайруллина Альфира Салихзяновна, кандидат филологических наук, доцент
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, Елабуга, 423604, Российская Федерация
alfira-7171@mail.ru

Гарифуллина Лия Рафгатовна, студент 4 курса
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, Елабуга, 423604, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Khajrullina Alfira Salihczjanovna, PhD in Philology, Associate Professor
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya st., Elabuga, 423604, Russian Federation
alfira-7171@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6182-5773

Garifullina Liya Rafgatovna, student
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya st., Elabuga, 423604, Russian Federation

© Современные исследования социальных проблем
2019, Том 11, № 1-2 • http://soc-journal.ru

УДК 811.111

СЕМИОЗИС СУЕВЕРНОГО ЗНАКА «BLACK SHEEP» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Халеева С.А.

В данной статье рассмотрены некоторые особенности порождения новых интерпретант английского суеверного знака «black sheep». Автор предпринимает попытку проследить специфику семиозиса указанного языкового знака через сопоставление вариантов его бытования как элемента английского суеверного дискурса, устойчивого фразеологического сочетания и части современного сленга, чтобы продемонстрировать расширение его семантической емкости в современном английском языке.

Ключевые слова: *суеверие; языковой знак; семиозис; идиоматическое значение; молодежный сленг; английский язык.*

THE SEMIOSIS OF THE SUPERSTITIOUS SIGN «BLACK SHEEP» IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Khaleeva S.A.

The article describes some peculiarities of generation of new interpretants of the English superstitious sign «black sheep». The author makes an attempt to trace the specificity of the semiosis of this language sign through the comparison of its existence as an element of the English superstitious discourse, a steady phraseological collocation and a part of the modern slang to demonstrate the expansion of its semantic capacity in the modern English language.

Keywords: *superstition; language sign; semiosis; idiomatic meaning; youth slang; English language.*

В любой современной лингвокультуре можно обнаружить специфические исторически сложившиеся символические значения различных цветов, и, как следствие, многочисленные суеверия и

народные приметы, основанные на их национально-культурном восприятии.И хотяпрототипические значения основных цветов имеют универсальную транс-культурную природу (например, огонь выступает в качестве прототипа красного цвета, небо / море – синего, растения – зеленого, солнце – желтого, свет / снег / молоко – белого; угли / темнота – черного), это не означает, что восприятие цвета в разных культурах будет идентичным, как и то, что оно обязательно должно различаться. Мы полностью согласны с точкой зрения Дж. Лакоффа, что категоризация цвета представляет собой процесс, объединяющий не только биологические и когнитивные механизмы, но и культурно-специфический выбор [4, с. 29–30]. Цвет в качестве компонента культуры приобретает сложную систему смыслов и толкований, становится воплощением культурных ценностей, в то время как цветовое видение мира неизбежно осмысливается в соответствии с «цветокультурными» установками [1].

Изучая систему английских цветовых суеверий, мы обнаружили специфическое культурно-обусловленное восприятие различных цветов, которое, с течением времени,не только было «ретранслировано» в различные языковые сферы, но и получило новыеинтерпретативныезначения, расширив тем самым семантическую емкость уже устоявшихся языковых знаков.

В качестве примера мы бы хотели рассмотреть особенности порождения новых интерпретант английского суеверного знака «blacksheep» (*рус.* черная овца) (*здесь и далее перевод наш – С.Х.*). В целом, ассоциативные значения, входящие в семантическое пространство черного цвета в английской лингвокультуре, отражены в таких понятиях как «смерть», «похороны», «зло», «дьявол», «несчастье», «колдовство» и т.д. Основная национально-культурная установка цветонаименования «black» в английском суеверном дискурсе – *unlucky* (*рус*. к несчастью, к беде), поскольку это «цвет дьявола» и «нечисти», принимающей обличие черного пса, черного кота, черной курицы, черного петуха, черного кролика, черной свиньи и т.д. [2]. И в этом смыслесуеверный знак «blacksheep» является очевидным исключением, поскольку способен одновременно транс-

лировать абсолютно противоположные значения. Всловаре английских суеверий «A Dictionary of Superstitions» (I. Opie, M. Tatem) мы обнаружили, например, такие примеры его бытования в конце 19 – начале 20 веков [6, с. 29]:

- *One black sheep is regarded by the Sussex shepherd as an omen of good luck to his flock* (*рус*. Пастух из Суссекса считает, что одна черная овца – это счастливый знак удачи для его стада).
- *If the first lamb of the season is born black, it foretells mourning garments for the family within the year* (*рус*. Если первый ягненок сезона рождается черным, это предвещает траурные одежды для всей семьи в течение года).
- *It is unlucky to see a black lamb as the first of the season* (*рус*. Увидеть черного ягненка первым в сезоне – к беде).
- *To keep a black ewe is supposed to bring luck to the flock – others say bad luck* (*рус*. Одни говорят, что держать черную овцу в стаде к удаче, другие – к беде).
- *In Kent a black lamb foretells good luck to the flock, but I am told that in Shropshire an exactly opposite fate befalls the farmer to whom a black lamb is born* (*рус*. В Кенте черный ягненок предвещает удачу всему стаду, но говорят, что в Шропшире фермера, у которого родился черный ягненок, ожидает прямо противоположная судьба).

Таким образом, в силу различных факторов (территориальных, социальных, профессиональных и т.д.) ассоциативное восприятие суеверного знака «blacksheep» в английской лингвокультуре варьирует в пределах диаметрально противоположных значений – «к удаче» / «к беде». Но если обратиться к современным толковым словарям английского языка, то этот же самый знак приобретает совершенно другое значение, в котором восприятие черного цвета переходит на совершенно новый идиоматический уровень:«blacksheep» – «паршивая овца». Например:

- *a person who has done something bad that brings embarrassment or shame to his or her family* (*рус*. человек, который сделал что-то плохое, что смутило или опозорило его или её семью) [3];

- *someone who embarrasses a group or family because the person is different or has gotten into trouble* (*рус*. тот, кто позорит группу или семью, потому что сильно отличается от других или создает проблемы) [3];
- *a member of a family or group who is regarded as a disgrace to it* (*рус.*член семьи или группы, который считается её позором) [5].

Иными словами, «blacksheep» перестает восприниматься как предзнаменование удачи либо неудачи, а означает только отрицательную оценочную характеристику человека, компрометирующего или опозорившего свою семью. Дальнейшее расширение семантики знака, закрепленное в словарях, распространилось на негативное восприятие профессиональных качеств и характеристик человека [3]:

- *But there are black sheep in any profession* (*рус*. В любой профессии есть свои паршивые овцы).
- *I hope that, from 2004, the digital tachograph will prevent black sheep from finding new boltholes!*(*рус*. Надеюсь, что с 2004 года цифровой тахограф не позволит паршивым овцам находить новые лазейки!)

Нам удалось обнаружить несколько новых интерпретант выражения «blacksheep», бытующие в современном английском языке [7]:

1. бунтарь, аутсайдер:

A Black Sheep is someone who doesn't follow mainstream, someone who doesn't care what is in or out. Usually someone causing some mischief, or terror and laughing about it. Someonethatstandsout the crowd (рус. Черная овца – это кто-то, кто не идет за толпой, кто-то, кому все равно, что происходит. Обычно тот, кто наносит какой-то вред или вызывает неприятности и смеется над этим. Кто-то, кто выделяется в толпе).

2. предатель, вероломный человек:

A Black Sheep can also be a backstabber (*рус*. «Паршивая овца» также может означать «предатель»).

Dude Mary Roach is such a Black Sheep... He told my girlfriend I was cheating on her (*рус.*Чувак Мэри Роуч – вероломная паршивая овца... Он сказал моей девушке, что я ей изменяю).

3. неординарный человек, маргинал, «белая ворона»:

A Black Sheep – a person who takes pride on being an outcast because he knows being a weirdo is what ultimately will give him something to be proud of. It usually takes some balls to be a black sheep (*рус.* Человек, который гордится тем, что является маргиналом, потому что он знает, что быть странным – это то, что в конечном итоге приведет его к тому, чем можно гордиться. Обычно требуется мужество, чтобы быть белой вороной).

4. добровольно отверженный и всеми покинутый изгой:

– *A Black Sheep – aperson who feels left out, because they choose not to come around. Feels sorry for themselves and considers themselves to be an outcast, but doesn't put forth much effort on their part* (*рус.* Человек, чувствующий себя одиноким, потому что не хочет никуда ходить. Жалеет себя и считает себя изгоем, но не прикладывает со своей стороны особых усилий, чтобы это исправить).
– *I haven't seen my family in three years, and now they act like they don't know me. I mustbe the blacksheep* (*рус*. Я не видел свою семью три года, а теперь они ведут себя так, будто не знают меня. Должно быть, теперь я для них «паршивая овца»).

Таким образом, опираясь на подобранные примеры, мы можем сделать вывод, что знак английского суеверного дискурса «blacksheep» (как предвестник удачи/неудачи) в современном английском языке вышел из сферы культурно-обусловленного цветовосприятия на идиоматический уровень (blacksheep – «паршивая овца»), и продолжил расширение своей семантической емкости, приобретая новые интерпретанты «бунтарь / аутсайдер», «предатель / вероломный человек», «неординарный человек / маргинал / «белая ворона» и «добровольно отверженный и всеми покинутый изгой».

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Григорьева И.В. Исследование цветообозначений в современной лингвистике. URL: http://www.rusnauka.com/ESPR_2006/Philologia/9_grigor_ eva.rtf.htm (дата обращения: 05.01.2019).
2. Халеева С.А. Национально-культурные цветоустановки и знаковое своеобразие английских «колороморфных» суеверий // Филологические науки. Вопросы теории и практики, №10. Тамбов: Грамота, 2013. С. 180–189.
3. Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/example/ английский/black-sheep (дата обращения: 05.01.2019).
4. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things; What Categories Reveal about Mind. Chicago and London. The University of Chicago Press, 1978. 54 с.
5. Oxford dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/black_sheep (дата обращения: 05.01.2019).
6. Opie I., Tatem M. A dictionary of superstitions. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 494 с.
7. Urban Dictionary. URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term= black%20sheep (дата обращения: 05.01.2019).

References

1. Grigor'eva I.V. Issledovanie cvetooboznachenij v sovremennoj lingvistike. URL: http://www.rusnauka.com/ESPR_2006/Philologia/9_grigor_eva.rtf.htm.
2. Haleeva S.A. Nacional'no-kul'turnye cvetoustanovki i znakovoe svoeobrazie anglijskih «koloromorfnyh» sueverij // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, №10. Tambov: Gramota, 2013. S. 180–189.
3. Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/example/ английский/black-sheep.
4. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things; What Categories Reveal about Mind. [Текст] / G. Lakoff. Chicago and London. The University of Chicago Press, 1978. 54 с.
5. Oxford dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/black_sheep

6. Opie I., Tatem M. A dictionary of superstitions. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 494 с.
7. Urban Dictionary. URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term= black%20sheep

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Халеева Светлана Анатольевна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук, доцент.
Пятигорский государственный университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357532, Российская Федерация
sve-khaleeva@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Khaleeva Svetlana Anatolyevna, associate professor of the Chair of Experimental Linguistics and Cross-cultural Competence, candidate of Philological Sciences, docent
Pyatigorsk State University
9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357532, Russian Federation
sve-khaleeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1723-3348

УДК 81.36

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕМЕЦКИХ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

Шакирова Р.Д., Вильданова Э.М.

В статье рассматриваются модальные частицы (МЧ), являющиеся маркерами эпистемической модальности. Речь идет о МЧ doch, ja, halt, эпистемическая функция которых заключается в указании на категоричность достоверности сообщения. Примечательно, что в этой функции они сближаются по значению с модальными словами (МС) wirklich, natürlich, bestimmt.

Ключевые слова: *немецкий язык; модальная частица; модальное слово; эпистемическая модальность; категорическая достоверность.*

EPISTEMIC FUNCTION OF GERMAN MODAL PARTICLES

Shakirova R.D., Vildanova E.M.

The article discusses modal particles (MP) marking epistemic modality. We are speaking about the MP doch, ja, halt, whose epistemic function is to indicate categorical certainty of the statement. It is remarkable that in this function they converge in meaning with modal words (MW) wirklich, natürlich, bestimmt.

Keywords: *German language; modal particle; modal word; epistemic modality; categorical certainty.*

Введение

Несмотря на семантическую примитивность или даже некоторую загадочность значений, бесспорная уникальность такого языкового явления, как частицы, позволила им в последние годы привлечь к себе стойкий интерес исследователей. До сравнительно недавнего времени частицы находились, по справедливому замечанию М.Е. Соколовой [1, с. 402], «на периферии исследовательского интереса в силу объективной сложности их описания». Действительно, анализ

широко известных грамматик немецкого языка [2] позволяет прийти к выводу, что описание частиц занимает очень незначительный по объему раздел, несмотря на высокую частотность их употребления в разговорной речи, а также многочисленность состава.

В настоящей статье предпринимается попытка выделения группы частиц, маркирующих эпистемическую модальность, под которой понимается выражение степени уверенности говорящего в достоверности высказывания [3]. Эпистемическая модальность соотносится с характером и степенью достоверности знаний говорящего о сообщаемой им ситуации и характеризуется такими параметрами, как количество и качество. С учетом количества информации в лингвистической литературе фиксируются три основные ситуации достоверности: категорическая достоверность (КД), проблематическая достоверность (ПД) и простая достоверность. Изучаемые в данной работе частицы эксплицируют значение КД.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили прозаические произведения немецкоязычных писателей, изданные в конце XX вв. В процессе исследования был использован описательный метод.

Результаты исследования

Эпистемическая функция немецких МЧ *doch, ja, halt* заключается в выражении категорической степени уверенности говорящего в достоверности высказывания. В этой функции они демонстрируют семантическую близость с МС *wirklich, natürlich, bestimmt.*

Обсуждение

Общеизвестно, что частицы представляют собой лексемы, денотатный компонент лексико-семантической информации которых не имеет образного соответствия в действительности, тогда как сигнитификат характеризуется размытостью, поэтому их описание вызывает большие трудности.

Один из самых высокочастотных элементов современного немецкого языка МЧ *doch* употребляется, как правило, в случае знания

говорящим подробных обстоятельств ситуации: Ich wußte das. Ich wußte auch, daß ich nichts verpaßte, und hatte *doch* oft das Gefühl … (B. Schlink). Это позволяет ему выразить категорическую степень достоверности высказывания. Важно отметить, что МЧ *doch* аналогично МС КД *wirklich, natürlich, bestimmt* придает высказыванию оттенок некоторого сомнения или даже удивления и предупреждает о том, что адресат колеблется относительно достоверности сообщения, а говорящий стремится склонить его на свою сторону, выражая высокую степень своей убежденности в достоверности высказывания.

Используя МЧ *halt* говорящий указывает на недопустимость пересмотра изложенных им фактов, хотя вполне вероятно, что они в силу определенных обстоятельств могут не устроить и самого говорящего. Такие высказывания характеризуются легким оттенком неизбежности, включая имплицитное значение “Ситуация такова, что нельзя ничего изменить”: Mädchen sind *halt* seltsam (B. Lebert). Заметим, что МЧ КД *halt* не допускает использования других показателей субъективной модальности в рамках одного высказывания.

При помощи МЧ *ja* говорящий может сообщить общеизвестные события с выражением высокой степени уверенности говорящего. Пропозиция представляется как категорически достоверная: Es gibt *ja* gar keinen Weinachtsmann (B. Noak). Высокая степень достоверности высказывания, маркируемая МЧ *ja*, обусловлена как знанием говорящим ситуации, так и очевидностью сообщаемых фактов. В одном случае, например, речь идет о знании места проживания, в другом – является всем известной данностью: Er wohnte *ja* nur fünf Minuten von hier (P. Süskind); Sie ist *ja* nur eine Concierge und als solche verpflichtet, die Treppe und den Gang zu fegen …, aber nicht, eine Taube zu verjagen (P. Süskind).

Необходимо указать, что МЧ *ja* аналогично МЧ *doch* хорошо «уживается» в рамках одного высказывания с другими средствами выражения эпистемической модальности. На это обращает внимание также А.В. Аверина [4, с. 133].

Заключение

К наиболее высокочастотным маркерам эпистемической модальности мы относим МЧ *doch, halt, ja,* которые представляют собой уни-

кальное явление в грамматическом строе немецкого языка, в силу, безусловно, прежде всего размытости своего значения. Эпистемическая функция МЧ *doch, halt, ja* заключается в маркировании категорической степени уверенности говорящего в достоверности высказывания.

Список литературы

1. Соколова М.Е. Модальные слова и модальные частицы в ракурсе категории модальности и за ее пределами (на материале немецкого языка) // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 401–408.
2. Duden. Grammatik: 8., überarbeitende Aufl. / Hrsg. von der Dudenverlag. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 2009. Bd. 4. 1343 S.
3. Shakirova R.D., Sadrieva G.A., Safina A.R., Almikaeva I.G., Galimullina A.F. Evidentiality, Epistemic Modality, and Epistemic Status // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. Australia: Australian International Academic Centre. Vol. 5. № 5. 2016, pp. 32–38.
4. Аверина А.В. Сочетаемость модальной частицы ja с модальными словами и оценочными наречиями в немецком языке // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 132–136.
5. Зливко С.Д., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Кодификация узуальных и речевых особенностей употребления иноязычных неологизмов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 3–3. С. 151–159.

References

1. Sokolova, M.E. (2009). Modal'nye slova i modal'nye chasticy v rakurse kategorii modal'nosti i za ee predelami (na materiale nemeckogo jazyka). *Jazyk. Tekst. Diskurs*, 7: 401–408.
2. Duden. *Grammatik: 8., überarbeitende Aufl.* / Hrsg. von der Dudenverlag. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 2009. Bd. 4. 1343 s.
3. Shakirova R.D., Sadrieva G.A., Safina A.R., Almikaeva I.G., Galimullina A.F. (2016). Evidentiality, Epistemic Modality, and Epistemic Status. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 5(5): 32–38.
4. Averina A.V. (2015). Sochetaemost' modal'noj chasticy ja s modal'nymi slovami i ocenochnymi narechijami v nemeckom jazyke // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 6: 132–136.

5. Zlivko S.D., Magsumov T.A., Maksimov Ya.A. (2018) Codification of usual (lexicographical) and speech features of the use of foreign-language neologisms. *Russian Journal of Humanities*, 10 (3-3): 151–159.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Шакирова Резеда Дильшатовна, заведующая кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук, доцент
Набережночелнинский госуд. педагогический университет
ул. Низаметдинова, 28, г. Набережные Челны, 423806, Российская Федерация
rez-shakirova@yandex.ru

Вильданова Эльмира Минекасимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии,
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
пр-т Мира, 68/19, г. Набережные Челны, 423812, Российская Федерация
carinavil@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shakirova Rezeda Dilshatovna, Head of the Department of foreign languages, Dr in Philology, Associate Professor
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
28, Nizametdinov st., Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation
rez-shakirova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1023-6485

Vildanova Elmira Minekasimovna, PhD in Philology, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
68/19, Mira av., Naberezhnye Chelny, 423812, Russian Federation
carinavil@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-0957-8816

УДК 811.161.1

МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: СЕМАНТИКА И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Шишимер Л.Ф., Строева И.С.

В статье рассматриваются английские междометные фразеологические единицы, опорными компонентами которых являются имена собственные. Делается попытка установить соотнесенность выражаемой оборотом эмоции с экстралингвистической ситуацией, а также определить функциональную нагрузку имени собственного во фразеологизации междометной единицы.

Ключевые слова: *междометная семантика; экспрессивный потенциал; полифункциональность; опорный компонент; антропоним; топоним.*

INTERJECTIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS: SEMANTICS AND EXPRESSIVE POTENTIAL

Shishimer L.F., Stroyeva I.S.

The article is devoted to English interjectional phraseological units, the supporting components of which are proper names. An attempt is undertaken to establish the correlation of the emotions expressed by such units with extralinguistic situations, as well as to determine the functional load of proper names in the phraseology of the interjectional units.

Keywords: *interjectional semantics; expressive potential; polyfunctionality; supporting component; anthroponym; toponym.*

Введение

Специфичность класса междометных единиц порождает разнообразные теории и подходы к его изучению, постановку различных исследовательских задач, связанных с установлением статуса меж-

дометных образований, определением их функционального потенциала и многих других вопросов. Целью данного исследования является анализ английских междометных фразеологических единиц, содержащих в своем составе именной компонент.

Материалы и методы исследования

Основным методом, использованным в работе, является метод объяснительного описания и компонентного анализа. Материалом послужили лексические единицы, отобранные преимущественно из лексикографических источников и ресурсов Интернета.

Результаты исследования

Речевая коммуникация способствует порождению междометных образований различного типа. Одним из своеобразных ресурсов живой разговорной речи являются междометные фразеологизмы, яркое средство эмоционально-экспрессивного выражения коммуникативного смысла.

В речи междометные фразеологические единицы (далее – МФЕ) могут употребляться как отдельные высказывания или же как вводные фразы, будучи связанными с контекстом лишь по смыслу. При этом происходит полная или частичная деактуализация лексических компонентов фраз, что обусловливает структурно-семантическую целостность последних. При этом чем выше степень такой деактуализации, тем целостнее значение МФЕ.

Функциональная предназначенность междометных фразеологизмов состоит в способности быть инструментом выражения ментального или эмоционального отношения индивида к предмету. Многие обороты, обладая мощным экспрессивным потенциалом, полифункциональны. Например, МФЕ *Good grief!* вербализует как изумление, так и гнев, оборот *Famous last words!* может представлять собой комментарий по поводу услышанного или использоваться говорящим для выражения сомнения, недоверия, междометное образование *Man alive!* также семантически диффузно и репрезентирует удивление, досаду, иногда радость, в зависимости от ситуативного контекста.

В лингвистике представлено определенное количество трудов, исследующих структурно-семантические, синтаксические особенности, функционально-коммуникативные свойства МФЕ. В данной статье анализу подвергается группа английских междометных оборотов, содержащих в своем составе имя собственное (антропоним или топоним).

Отметим, что данная группа по своему составу немногочисленна, ей присущ определенный набор эмоциональных оттенков, выражаемых МФЕ. К примеру, МФЕ *By George*! передает широкий диапазон эмоций: удивление, восхищение, досада, гнев и другие. А.В. Куниным подмечено, что возможности восклицания by George! неисчерпаемы, а примеры, которые приводит ученый «дают представление о выражаемых им эмоциях в зависимости от внутрифразового или фразового контекста, с которым этот оборот соотносится» [1, с. 422]. Проиллюстрируем вышесказанное: 1) Yes, sir, she surprised me the other night! *By George*, if she didn't! (Th.Dreiser) – удивление; 2) **"***By George,* but you can dance, though," cried Inigo enthusiastically (J.B. Priestley) – восхищение; 3) *By George,* it's foggy: they were going, indeed, at a snail's pace… (J.Galsworthy), It couldn't be, *by George,* that she was deceiving him (Th.Dreiser) – гнев, досада, негодование, раздражение; 4) *By George!* He was sorry for MacGown! (J.Galsworthy) – сожаление; 5) *By George!* I'll do something in the world yet! (A.Conan Doyle) – уверенность.

В числе изучаемой группы находятся такие обороты, как *Queen Anne is dead!* (Открыл Америку!), *By the Lord Harry!* (Будь я проклят!), *All my eye and Betty Martin!* (Чепуха на постном масле!), *Great Scott!* (Вот те на!), *I'll take my Sam upon it! Upon my Sam!* (Честное слово!), *Bob's your uncle!* (Дело в шляпе!, Вуаля!), *No way, Jose!* (Ни за какие коврижки!) и другие**.**

Получив экспрессивное переосмысление, междометные ФЕ обобщенно выражают эмоции и волеизъявление, и значение фраз является немотивированным. Денотативный аспект междометной семантики проявляется в том, как междометная единица соотносится в каждом отдельном случае контекстной реализации с экстралингвистической ситуацией. «Подобная соотнесенность носит

опосредованный характер, так как реализуется в зависимости от сообщения о ситуации одного из персонажей или от авторского описания ситуации», подчеркивает А.В. Кунин [1, с. 421]. Так, значение МФЕ *Great Scott!,* представляющего в повседневной жизни обычное поминание имени Господнего, коррелирует с выражением крайней степени удивления, недоумения, волнения или испуга: 1) *"Great Scott!"* thought Digory, "I believe the whole adventure's taken no time at all." [Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Magician's Nephew (1955)]. / *Ничего себе!* – поразился Дигори. – Здесь, кажется, и секунды не прошло! [Клайв Стейплз Льюис. Хроники Нарнии. Племянник чародея (Г. А. Островская, 1991)]; 2) *"Great Scott!"* everybody shouted, all over the house, and old Uncle Silas he looked perfectly astonished. [Mark Twain. Tom Sawyer, Detective (1896)]. / *Господи!* воскликнули в зале, а дядя Сайлас сидел совершенно ошеломленный. [Марк Твен. Том Сойер – сыщик (Н. Грибанов, 1960)].

Помимо установления корреляции МФЕ с экстралингвистической ситуацией задачей исследования являлось определить, какова доля участия опорных компонентов во фразеологизации междометных оборотов, а также проследить, на каком историческом материале появились такие разговорные выражения. В частности, МФЕ *Queen Anne is dead!* (Открыл Америку!) представляет собой по сути ироничный комментарий по поводу устаревших новостей. Возникновение оборота, его фиксация в словарном составе языка и вопроизводимость имеют историческую основу: упоминается английская королева Анна (1702–1714 гг.), смерть которой долгое время держалась в секрете. Слухи все же просочились, и к моменту официального объявления новость перестала быть таковой, что, собственно, и обусловило употребление фразы в значении «Старо, как мир!» или же «Открыл Америку!» [2].

Основная гипотеза происхождения междометного фразеологизма *Bob's your uncle!* (Дело в шляпе!) имеет следующую историческую подоснову: в 1887 году премьер-министр Великобритании Роберт (сокращенно – Боб) Сисил, лорд Солсбери, назначил своего племянника Артура Бальфура Генеральным секретарем Ирландии. Отношения с Ирландией были тогда деликатной темой, а Бальфур

казался общественности недостойным этой должности из-за отсутствия политического опыта. Обыватели не без оснований пришли к выводу о том, что назначение неопытного политика на столь ответственный пост не обошлось без протекции его родного дяди Боба. Появилось выражение “to have Bob as your uncle”, что означало “гарантировать успех”. Согласно другой теории, данный фразеологизм восходит к еще более давнему выражению “all is bob”, означающему «Проще простого!», в сленговом варианте – «Всё пучком!».

Обратимся к МФЕ с опорным компонентом-топонимом. В их числе такие обороты, как *I’m from Missouri!* (Я не верю на слово!), *Go to Halifax!* (Пошел к черту!), *The best of British!* (Ни пуха ни пера!) и другие.

Семантика междометной ФЕ *I’m from Missouri!* заключается в выражении недоверия к услышанному и имеет следующее обоснование: у штата Миссури, как и всех других штатов страны, имеется официальное прозвище «Show Me State» – «Покажи мне штат». Точно определить, откуда пошло это название на сегодняшний день невозможно. Однако, по одной из версий, такое прозвище миссурийцы получили из-за своей недоверчивости и подозрительности, предпочитавшие один раз увидеть, чем сто раз услышать. По другой же версии, это фраза была произнесена одним из представителей штата, который, выступая в американском Конгрессе, воскликнул: «Покажите мне штат, где стало лучше после отмены рабства?!». Полагают, что с тех пор прозвище «Show Me State» стало активно использоваться для обозначения штата Миссури, а полный вариант фразы «I’m from Missouri and you’ll have to show me» привел к появлению междометного оборота со значением «Don’t try to fool me» («докажи мне») [3].

МФЕ *Go to Halifax!* (Пошёл к чёрту!) представляет собой эвфимизм, значение которого также сформировалось на историческом материале. В английском городе Галифаксе, знаменитом ткацкими мануфактурами, до 1650 года действовал закон, согласно которому жители города могли требовать смертной казни для любого, кто был уличен в краже куска материи, если стоимость его превышала 13,5 пенсов. Таким образом, выражение «to go to Halifax» приобрело значение «отправляться на смерть, в ад», образный эквивалент которого представлен междометным фразеологизмом.

Обсуждение

В ресурсах английской междометной фразеологии число оборотов, в которых как самостоятельный компонент выступает имя собственное (антропоним/топоним), невелико, но данные лексические единицы представляют определенный интерес с точки зрения их происхождения и функционирования в разговорной речи. Как нам видится, лингвистическая сущность имени собственного, содержащаяся в идентификации и индивидуализации лица/географического наименования, создав все необходимые условия для возникновения образного выражения, утрачивает свою значимость в его семантике с последующей фразеологизацией оборота.

Заключение

Междометные фразеологизмы представляют собой значимый ресурс живой разговорной речи, активное средство словотворчества. Являясь своеобразной формой отражения культуры общества, его уникальности, они обладают ярким национальным характером. Лишь на фоне данной материальной и духовной культуры, на основе системы данного языка, в контексте которой возникло то или иное слово или словосочетание, образ, закрепленный за значением, может стать ясным и конкретным.

Список литературы

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
2. British Library. [Эл. ресурс] Режим доступа: http://britishlibrary.typepad.co.uk/untoldlives/2014/08/queen-anne-is-dead.html
3. История США: материалы к курсу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ushistory.ru/esse/822-american-state-nickname.html

References

1. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka. [The course of phraseology of the modern English language]. Dubna: Feniks+, 2005. 488 s.

2. British Library. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://britishlibrary.typepad.co.uk/untoldlives/2014/08/queen-anne-is-dead.html
3. Istoriya SShA: materialy k kursu [The history of the USA: course materials]. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ushistory.ru/esse/822-american-state-nickname.html

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Шишимер Лариса Федоровна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Российская Федерация
shishimerlf@pgu.ru

Строева Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Российская Федерация
Stroeva80@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shishimer Larisa Fedorovna, candidate of philological sciences, associate professor
Pyatigorsk State University
9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation
shishimerlf@pgu.ru
ORCID: 0000-0001-8699-1746

Stroyeva Irina Sergeyevna, candidate of philological sciences, associate professor
Pyatigorsk State University
9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation
Stroeva80@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3038-7544

УДК 8.81.42

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА», «THE INDEPENDENT»)

Яковлева А.С., Погорелова С.Д., Шешукова С.В.

В статье представлено исследование языковых средств выражения оценки в газетных заголовках (на материале газет «Российская газета», «TheIndependent»).

Ключевые слова: *газетный заголовок; категория оценки; языковые средства выражения.*

LANGUAGEMEANS OF EVALUATION EXPRESSION IN NEWSPAPER HEADLINES (BASED ON «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА», «THE INDEPENDENT»)

Yakovleva A.S., Pogorelova S.D., Sheshukova S.V.

The article considers languagemeans of evaluation expression in newspaper headlines (based on «Российская газета», «The Independent»).

Keywords: *newspaper headline; evaluation category; language expression means.*

В нашем исследовании мы попытались выявить особенности средств выражения категории оценки в газетных заголовках, на примере британской газеты «The Independent» и русскоязычной газеты «Российская Газета». Сегодня нельзя представить жизнь людей без возможности получения и использования какой-либо информации. Такими источниками информации являются – газеты, журналы, радио, интернет, телевидение и т.д. Пресса занимает одно из важнейших мест в социальной и политической жизни страны, помогая человеку ориентироваться в окружающей действительности.

Актуальность данного исследования состоит в том факте, что пресса занимает одно из важнейших мест в культурной и политической жизни страны, помогая человеку ориентироваться в окружающей действительности. Более того, оценочность языковых средств является основной характеристикой «газетного языка».

Объектом исследования в данной работе является категория оценки в заголовках газетных статей «The Independent», «Российская Газета». **Предмет исследования** – средства выражения оценки в газетных заголовках. **Цель нашей работы** – выявить особенности средств выражения оценочного значения на примере двух газет, а также определить характер оценки.

Поставленная цель предполагает решение **следующих задач**: исследовать газетные жанры и описать основные функции газетных заголовков; проанализировать англоязычные и русскоязычные газетные заголовки на предмет содержания оценки и ее характер; сопоставить и сравнить результаты анализа средств выражения категории оценки на примере англоязычных и русскоязычных заголовков.

Материал исследования – заголовки статей газет «The Independent», «Российская Газета». **Методы исследования** – анализ научной литературы, метод сплошной выборки, дефиниционный анализ, также сравнительный метод.

Газетные издания играют большую роль в процессе информирования человечества. Газета – «периодическое издание, выходящее через краткие промежутки времени» [7, с. 90].

Газеты по распространению бывают: национальные, региональные и местные, по периодичности – ежедневные, еженедельные, ежемесячные. Основная тематика газет – общеполитическая, отраслевая, деловая, смешанная, развлекательная и т.д. Среди жанровых форм, ученые выделяют следующие жанры газет: информационные, художественно-публицистические, публицистические. Следует сказать, что публицистический стиль является наиболее распространенным в газетных изданиях.

Зачастую, язык газетных статей эмоционально насыщен, и порой напоминает язык художественной литературы, где можно встре-

тить метафоры, идиомы, сравнения, иронию, сарказм и т.д. Также для газетных статей характерно смешение разговорных и книжных элементов языка.

Функция газетных статей – дать оценку фактам, событиям, изложенным в газетных сообщениях.

Структура газетной статьи включает в себя следующие компоненты: «заголовок, подзаголовок, лид, зачин, основной корпус текста, заключение». Следует отметить, что границы данных компонентов подвижны, а сами «компоненты семантически тесно связаны между собой» [6, с. 5]. Структура газетной статьи всегда обусловлена жанром, типом и темой публикации, а также способом подачи материала принятым для периодического издания.

Газетный заголовок – компонент газетной информации, который оказывает воздействие на читателя. Газетный заголовок привлекает внимание читателя, чем побуждает его ознакомиться со статьей более подробно. «Заголовки публикаций в газете – неотъемлемый элемент ее дизайна. От их характера и оформления во многом зависит «лицо» периодического издания. Важнейшая их функция – привлечение внимания читателя. Заголовки помогают ему быстро ознакомиться с содержанием номера, понять, о чем сообщают его публикации, что важно в информации, которую ему предлагают, что представляет для него особый интерес. Умение оформителей газеты использовать заголовки в очередном номере часто определяет решение читателя – прочитать те публикации, заголовки которых возбудили в нем интерес, или отложить номер в сторону. Газетная практика дает многочисленные примеры того, как в результате неудачного выбора и оформления заголовков резко снижается воздействие важной информации на читателей: содержательную статью с неправильно выбранным, невыразительным, неграмотно оформленным заголовком не замечают. И наоборот, яркий заголовок, привлекший читателя своим содержанием и формой, побуждает прочитать следующий за ним текст или рассмотреть стоящую под ним иллюстрацию. Он играет роль крючка, заглотнув который, читатель знакомится со своим «уловом» – всей публикацией» [3, с. 49].

Исследователи выделяют множество типов и видов газетных заголовков. В нашем исследовании мы опираемся на классификацию, предложенную И.В. Арнольд. Она делит заголовки на: информационные, заголовки, содержащие уже знакомую информацию, эмоционально оценочные, рифмованные и сенсационные [1, с. 238].

При определении функции заголовков статей очень часто возникают трудности. Кроме того, некоторые исследователи затрудняются дать чёткое определение его функции. Так, Г.О. Винокур выделяет такие функции, как: обозначающая; указательная; рекламная. Лингвист считает, что «функция заглавия в том, чтобы указать на событие и обозначить его» [2, с. 174].

А.С. Попов утверждает, что «каждый заголовок имеет три основные функции: номинативная; информационная; рекламная».

Информативную функцию автор рассматривает шире, чем другие лингвисты. Он дополняет её такими функциями, как директивность и эмоциональность. Следовательно, информация оказывает еще и волевое и эмоциональное воздействие на читателя» [5, с. 103].

В.С. Мужев устанавливает, что заголовки обладают следующими основными функциями: номинативная; информационная; экспрессивно-аппелятивная; рекламная; разделительная. Лингвист приходит к выводу, что «все функции взаимосвязаны между собой. Если какая-то функция преобладает, то роль другой функции уменьшается» [4, с. 87].

Таким образом, можно сказать, что заголовки являются важным компонентом статьи. Они помогают понять читателю, о чем пойдет речь в статье, завлекая его различными грамматическими и лексическими средствами. Зачастую заголовки носят эмоционально-экспрессивный характер, т.е. несут в себе оценку.

Мы провели анализ газетных заголовков, выражающих категорию оценки на материале газет «Российская Газета» и «The Independent» .

«Российская Газета» – еженедельное социально-политическое издание, в котором публикуются государственные документы, различные указы, и постановления, а также новости касающиеся поли-

тики и экономики страны. Официальным печатным органом данной газеты является Правительство Российской Федерации.

«The Independent» – это ежедневная общественно-политическая газета в Великобритании, которая была основана в 1821 году. Ее тираж составляет 355,750 экземпляров. Популярность данной газеты растет не только среди жителей Британии, но и во всем мире.

Исследование, на наличие оценочной категории в структуре заголовка, проведено на: 1.Словообразовательном; 2. Лексическом; 3. Стилистическом; 4. Синтаксическом; 5. Графическом уровнях языка.

Для установления категории оценочного значения мы использовали метод дефиниционного анализа. В процессе анализа были использованы англоязычные толковые словари Даля, Ожегова, Ушакова, Розенталя и англоязычные словари Longman Online Dictionary, Macmillan Online Dictionary и др.

На словообразовательном уровне, в русском языке оценка чаще всего образована следующими способами: словосложение, аффиксальный способ (приставочный, суффиксальный, постфиксальный, приставочно-суффиксальный и др.), аббревиация.

Для выражения оценки на словообразовательном уровне, очень часто используется способ словосложения. Так, в заголовке «*Переживем безболезненно*» приставка – *без* передаёт положительное оценочное значение. В заголовке «*Лапочка-доченька*», положительное оценочное значение выражено посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов *-чк, -еньк.* Оценочное значение может передаваться путем сложения двух корней *–прав* и *–суд*: «*Правосудие – и никаких сделок*».

Заголовок «Антикриз для холодов»». В этом заголовке оценочное значение выражено приставкой *–анти*, которая передает положительный характер оценки.

Для того чтобы определить наличие оценочного значения на лексическом уровне, необходимо обратиться к толкованию нужных нам слов. Так в заголовке «*Счет в пользу*» в семантике слова «*счет*» не содержатся интересующие нас оценочные значения. Что касается слова «*польза*», то словарь дает следующую трактовку:

Польза – -ы, ж. Хорошие, положительные последствия, благо; выгода. [7.]. Мы видим, что в семантике слова «*польза*» заложено оценочное значение, а именно положительная оценка.

В заголовке *«Утро доброе»*, оценочное значение присутствует в слове – «*доброе*». Словарь дает следующую трактовку: *Добрый – -ая, -ое; добр, добра, добро, добры и добры. Делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества. Добрая душа. Добрые глаза. Он добр ко мне.* [7]. Мы видим, что слово «добрый» обладает оценочным значением, и положительным характером оценки.

В следующем заголовке «*Как стать богатым и здоровым*» также присутствуют слова, обладающие оценочным значением на лексическом уровне. Исходя из определений слов, можно сказать, что данные слова, наряду с заголовком носят положительный характер оценки. *Богатый – -ая, -ое; -ат; богаче. Обладающий большим имуществом, деньгами, очень зажиточный.* [7]. *Здоровый* – прил. *обладающий хорошим здоровьем.* [9].

Заголовок «*В пять раз дороже*», также как и предыдущий, связан с процессом подорожания. Как мы уже выяснили ранее, данный процесс характеризуется с отрицательной стороны.

Мы знаем, что слова могут иметь как прямое, так и переносное значение. Зачастую, оценочный характер заложен именно в переносном значении. Рассмотрим заголовок «*Киев и кровь*». В семантике слова *кровь*, как такового, присутствует нулевой характер оценки.

Кровь – сущ. жидкость красного цвета, циркулирующая в животном организме. [9], обращаясь к переносному значению слова: *Кровь – сущ. 3. убийство.* [9].

Очевидно, что этот заголовок имеет отрицательный характер оценки, так как в используемом переносном значении слова заложен отрицательный смысл. В заголовках газетных статей очень часто встречаются слова и выражения связанные с чувствами, а именно с влюбленностью/любовью. Например, «*Влюбленный в Италию»: Влюбленный – прил. испытывающий чувственное влечение, любовь к кому/чему-либо.* Данное слово характеризуется с

положительной стороны, вследствие чего, весь заголовок имеет положительный характер оценки.

В ходе исследования встречается большое количество заголовков содержащих фразеологизмы и игру слов, которые указывают на наличие оценочного значения на стилистическом уровне. К примеру, заголовок «*Как рыба об лед*» является фразеологизмом, несущим негативный характер оценки. *Как рыба об лед (биться) – разг. усиленно бороться, мучиться в усиленной борьбе.* [8].

В заголовке «*Праздник уходит в минус*» оценка содержится в выражении – *уходить в минус. Уходить в минус – заканчиваться, прекращаться.* [8].

Авторы статей нередко используют в своих заголовках такие стилистические фигуры как олицетворение. Заголовок «*Дом ищет хозяина*», в котором использовано воплощение неодушевленного предмета в живое существо. Тем самым, автор показывает свое положительное отношение к данному предмету. Характер оценки – положительный.

Оценочный смысл также может извлекаться из синтаксиса предложения: императивные, вопросительные, параллельные конструкции характеризуются оценочным значением на стилистическом уровне языка: «*Нет денег – нет газа»; «Думайте сами»; «Освободи дорогу!»; «Штрафную!» «Пустите к столу*».

К средствам графического выражения оценки относятся кавычки, курсив, восклицательные и вопросительные знаки, многоточия, удвоение графем. Так, заголовок «*«ЗДРАВОМЫСЛЯЩИЙ» человек*» имеет отрицательное оценочное значение, выраженное с помощью кавычек, которые используются для того, чтобы поменять смысл слова наоборот.

В заголовке «*ДВОЕК.NET*» автор, чтобы выразить оценочное значение, использовал несколько приемов – 1) использование заглавных букв, чтобы усилить воздействующий эффект, привлечь внимание; 2) смешение русских и английских слов; 3) в семантике слова *net* содержится отрицательное значение.

Таким образом, мы видим, что журналисты газеты «Российская Газета» отдают предпочтение использованию стилистических

средств языка в заголовках газетных статей. За счёт использования стилистических фигур и образных средств выразительности автору удается внести в заголовок оттенок оценки. Чаще всего данная оценка носит негативный характер. Наименее характерными уровнями содержания оценочного значения являются словообразовательный и графический уровни.

В ходе анализа англоязычных заголовков газеты «The Independent» на предмет содержания оценочного значения, мы увидели, что в английском языке часто встречаются суффиксы и префиксы, выражающие оценку. К примеру, в заголовке «*These are the 10 nonprofit organizations in Britain*», отрицательное значение выражено с помощью префикса -*non*, а в заголовках «*NHS staff are working unpaid* »; «*Watch unlucky trip*» – с помощью префикса -un.

В заголовках «*These are the 10 lowest paying jobs in Britain*»; «*The most awkward political interviews ever* » оценочное значение выражено с помощью форм степеней сравнения прилагательных – *the lowest, the most.* Характер оценки – отрицательный.

Рассматривая лексический уровень языка, следует обратиться к толковому словарю. Например: заголовок газеты «'*Superman' ecstasy pills*». Используя дефиниционный анализ, мы определили, что в этом заголовке слово «Ecstasy» придает предложению отрицательный характер: *Ecstasy – n. an illegal drug that gives a feeling of happiness and energy.* [10].

В заголовке «*Eurostar chaos*» слово «*chaos»* содержит в себе отрицательный характер оценки: *Chaos – n. complete confusion and disorder: a state in which behavior and events are not controlled by anything.* [10].

Заголовок «*Abu Hamza is guilty*» передает отрицательный характер оценки, выраженный в слове *guilty*. *Guilty: adj. responsible for committing a crime or doing something bad or wrong; adj. showing that you know you have done something bad or wrong.* [10.].

На стилистическом уровне, оценку обычно несет в себе метафора, антитеза, метонимия и другие стилистические средства языка. Благодаря использованию стилистических средств, можно передать оценку в очень сжатой форме.

К примеру, в заголовке «*The beauty in dirt*» содержится антитеза, то есть противопоставление прекрасного – ужасному, которая придает заголовку отрицательный характер.

Часто для передачи оценочного значения используется сравнение. Например: «*Pope Francis saying Catholics shouldn't breed 'like rabbits'*».

В газетном заголовке «*Islam 'invites people to violence'*» автор использует олицетворение, которое усиливает оценочный эффект, оказываемый словом «*violence*».

Авторы очень часто используют в заголовках восклицательные, побудительные, вопросительные, отрицательные предложения, чтобы привлечь внимание читателя. Данные предложения оказывают воздействие на читателя, тем самым достигая своей цели – убедить читателя, навязать определенную точку зрения. В следующих заголовках «*Speak for yourself!*»; «*Do 80% of Britons really want to leave the EU?*»; «*This is not a photo*» оценочное значение заложено в синтаксисе этих предложений.

На графическом уровне, оценка чаще всего передается с помощью прямой речи, кавычек, заглавных букв. Так, в заголовке «*Stephen Fryis 'spiritually sighted'*» отрицательный оценочный характер достигнут с помощью кавычек, которые меняют смысл высказывания на противоположный. В заголовке «*BORIS NEMTSOV: 'I'M AFRAID PUTIN WILL KILL ME,'*» отрицательный характер оценки выражен в форме прямой речи говорящего.

Следовательно, наиболее употребительным способом выражения оценочного значения среди заголовков англоязычных статей газеты «The Independent» являются лексический и словообразовательный способы. Наименее распространенными способами выражения оценочного значения являются синтаксический и графический способы. Англоязычные единицы в большинстве своем обладают отрицательным характером оценки, т.е. большая часть газетных заголовков свидетельствует о негативном характере газетных статей.

В заключение, стоит отметить, что в русскоязычных и англоязычных газетах чаще всего освещаются события негативного характера. И это неудивительно, потому что первые полосы так часто пестрят пугающими событиями, которые порой повергают нас в

уныние: экономические кризисы, политические разногласия, социальные недовольства, коррупция и т.д. Журналисты, таким образом, манипулируют массой людей. Люди реагируют на такие слова, как «война», «катастрофа», «бедствие» более эмоционально, чем на слова «радость», «улыбка», «счастье».

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодированная): Учебное пособие для студентов фак. и ин-тов иностр. яз. Л.: Просвещение, 1973. 303 с.
2. Винокур Г.О. Культура языка. М. Издательство: Лабиринт, 2006. С. 256.
3. Гуревич С.М. Газета: Вчера, Сегодня, Завтра: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 165 с.
4. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. М.: Москва, 1970. Вып. 55. С. 86–94.
5. Попов А.С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М.: Москва, 1966. С. 95–126.
6. Чжао Вэньцзе Особенности организации текста газетной заметки: автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. филол. наук. Москва: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2007. С. 26.

Словари

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ozhegov.info/slovar/
8. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999.
9. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: http://www.efremova.info/.
10. ABBY Lingvo online dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.lingvo-online.ru/ru.

11. Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. UK: Longman, 2003. 1949 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International student edition. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2002. 1691 p.

Электронные ресурсы

13. Википедия [Электронный ресурс]. URL: http://www.ru.wikipedia.org
14. Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/
15. The Independent [Электронный ресурс]. URL: http://www.independent.co.uk/

References

1. Arnold I.V. Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka. [stylistics of modern English] (Stilistika dekodirovannaya): Uchebnoy posobiye dlya studentov fakulteta inistrannyh yazykov. L.: Prosvechenye, 1973. 303 p.
2. Vinokur G.O. Kultura yazyka[the culture of language]. M. Izdatelstvo: Labirint, 2006. P. 256.
3. Gurevitch S.M. Gazeta: Vchera, segodnja, zavtra [newspaper: yesterday, today, tomorrow]: Uchebnoy posobiye dlya vuzov. M.: Aspekt Press, 2004. 165 p.
4. Muzhev V.S. O phunkziyah zagolovkov [on the functions of headings] // Uchyenye zapiski MG P II YA im. M. Toreza. Voprosyi romano-germaskoy philologii. M.: Moskva,1970. Vyip. 55, pp. 86–94.
5. Popov A.S. Sintaksicheskaja struktura sovremennyih gazetnyih zaglaviy I eye razvitiye [syntactic structure of modern newspaper titles] // Razvitiye sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka. M.: Moskva, 1966, pp. 95–126.
6. Chzhao Vyizse. Osobennosti organisazii teksta gazetnoy zametki [features of the organization of the text of a newspaper note]: avtoref.dis. na soisk. Uchyen.st.kand.philol.nauk. Moskva: Rossiyskaya akademiya nauk, Institut russkogo yazyika im. V.V. Vinogradova, 2007. P. 26.

Dictionaries

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar russkogo yazyika [explanatory dictionary of Russian language]. URL: http://ozhegov.info/slovar/

8. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]. Под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999.
9. Tolkivyi slovar Efremovoyi [explanatory dictionary]. URL: http://www.efremova.info/.
10. ABBY Lingvo online dictionary. URL: http://www.lingvo-online.ru/ru.
11. Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. UK: Longman, 2003. 1949 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International student edition. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2002. 1691 p.

Electronic resources

13. Vikipediy [Wikipedia]. URL: http://www.ru.wikipedia.org
14. Rossiyskaya Gazeta [Russian newspaper]. URL: http://www.rg.ru/
15. The Independent . URL: http://www.independent.co.uk/

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Яковлева Анна Сергеевна, доцент кафедры межкультурной коммуникацией, кандидат филол.наук, доцент
Тюменский Индустриальный Университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, Российская Федерация
Jakovlewa@mail.ru

Погорелова Светлана Давидовна, заведующий кафедрой межкультурной коммуникацией, кандидат филол.наук, доцент
Тюменский Индустриальный Университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, Российская Федерация
Svetlanap97@mail.ru

Шешукова Светлана Владиславовна, старший преподаватель
Тюменский Индустриальный Университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, Российская Федерация
sveta-sheshukova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yakovleva Anna Sergeevna, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication
Industrial University of Tyumen
38, Volodarsky st., Tyumen, 625000, Russian Federation
Jakovlewa@mail.ru

Pogorelova Svetlana Davidovna, Head of Department of Intercultural Communication, PhD in Philology, Associate Professor
Industrial University of Tyumen
38, Volodarsky st., Tyumen, 625000, Russian Federation
Svetlanap97@mail.ru

Sheshukova Svetlana Vladislavovna, Department of Intercultural Communication, Senior Lecturer
Industrial University of Tyumen
38, Volodarsky st., Tyumen, 625000, Russian Federation
sveta-sheshukova@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(http://soc-journal.ru/submissions.html)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
	ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы
Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References
Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(http://soc-journal.ru/submissions.html)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)
Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.
2. Objective.
3. Materials and methods.
4. Results of the research and Discussion.
5. Conclusion.
6. Conflict of interest information.
7. Sponsorship information.
8. Acknowledgments.

References
References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

FUNCTIONAL AND SEMANTIC PECULIARITIES
OF ENGLISH BUSINESS AND FINANCIAL JARGON
Nikitina I.N. 12
OCCASIONAL WORD-FORMATION AT THE LEXICAL LEVEL
IN J. ROWLING WORKS
Romanyuk M.Yu. 17
РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И РЕЧЕВЫХ ТАКТИК
В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЖАНРА «БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЕ»
Айвазашвили Э.О. 22
СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В СИТКОМЕ «ОТЧАЯННЫЕ ДОМОХОЗЯЙКИ»
Брагина М.А., Ласица Л.А. 31
О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ
ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Габидуллина Ф.И., Ибрагимова Э.Р. 36
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-
СОМАТИЗМОМ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
Габидуллина Ф.И., Насипов И.С. 43
СТРУКТУРНО-ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «УРОКОВ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ» Г.ТУКАЯ
Галимзянова Э.М., Файзуллина Ф.Г. 49
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ», «СЛОВАРЬ» И «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»
Гафиятова Э.В. 55
К ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАМ
ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОЛЕКТОВ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
Гончарова О.В. 75

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПАРЕМИЯХ С ПРОХИБИТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ (НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ)
Денисова Е.А., Шакирова Д.Ш. 83
АДВЕРБИАЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЕГО ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА СЕСИЛИИ АХЕРН «ПОДАРОК»)
Дехнич О.В., Чупилко Е.В. 95
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СИНТАКСИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ УСЛОВНЫМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
Евстафиади О.В., Ласица Л.А. 102
АСПЕКТЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТАТАРСКИХ ТРАГЕДИЯХ XX ВЕКА
Еникеев И.А., Ганиева А.Ф., Миннуллина Ф.Х. 109
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГЕРУНДИЯ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ОСНОВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДЕЛОВОГО ТЕКСТОВ)
Ипатова В.П. 118
СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ
Каримова И.Р. 123
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
Кудрявцева О.М., Каракешишян С.О. 129
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ ГЕРМАНИИ)
Лаврищева Е.В., Чекалова Е.С. 137
ФРЕЙМ И ПРОПОЗИЦИЯ КАК РАЗНЫЕ УРОВНИ АНАЛИЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
Макарова О.В. 146
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕДАЧИ НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ
Мустафина Р.Ф. 153

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ SCHWARZ / ЧЕРНЫЙ / КАРА
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ
МИРА НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ
Мухамадьярова А.Ф. 158
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РАБОТЫ
С ТЕКСТАМИ КОМИКСОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ
Осипова Н.В., Душенко А.В. 166
РОЛЬ ПОРЯДКА СЛОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СИНОНИМИИ
И АНТОНИМИИ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ
Поддубская О.Н. 176
О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
Барышникова Ю.В., Емец Т.В., Барышникова А.М. 184
ИНТЕНСИВНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
Соколова Е.П., Франчук О.В. 194
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
Хадулаева У.Ш. 207
РАЗЛИЧИЯ И ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ РЕЧИ
Хайруллина А.С., Гарифуллина Л.Р. 218
СЕМИОЗИС СУЕВЕРНОГО ЗНАКА «BLACK SHEEP»
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
Халеева С.А. 224
ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕМЕЦКИХ
МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
Шакирова Р.Д., Вильданова Э.М. 231
МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ:
СЕМАНТИКА И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
Шишимер Л.Ф., Строева И.С. 236
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ГАЗЕТНЫХ
ЗАГОЛОВКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА»,
«THE INDEPENDENT»)
Яковлева А.С., Погорелова С.Д., Шешукова С.В. 243

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 256

CONTENTS

PHILOLOGY

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЖАРГОНИЗМОВ
СФЕРЫ БИЗНЕСА И ФИНАНСОВ
Никитина И.Н. 12
ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В РАБОТАХ ДЖ. РОУЛИНГ
Романюк М.Ю. 17
THE ROLE OF COMMUNICATIVE STRATEGIES
AND SPEECH TACTICS IN THE IMPLEMENTATION
OF THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL
OF THE GENRE OF «BUSINESS MEETING»
Aivazashvili E.O. 22
THE WAYS OF TRANSLATION OF PRECEDENT PHENOMENA
IN THE SITCOM «DESPERATE HOUSEWIVES»
Bragina M.A., Lasitsa L.A. 31
ABOUT SOME METHODS OF TRANSLATION
OF POETIC WORKS' TITLES
Gabidullina F.I. 36
LEXICO-GRAMMATICAL
CATEGORIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH THE COMPONENT-SOMATISM
IN THE TATAR LANGUAGE
Gabidullina F.I., Nasipov I.S. 43
STRUCTURAL-GENRE FEATURES
«LESSONS OF NATIONAL LITERATURE SCHOOL» G. TUKAY
Galimzynova E.M., Fayzullina F.G. 49
TO THE DEFINITION OF NOTIONS
"PROFESSIONAL COMMUNICATION", "DICTIONARY"
AND "LANGUAGE PERSONALITY"
Gafiyatova E.V. 55

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES
OF THE DESCRIPTION OF MODERN REGIOLECTS
IN FOREIGN LINGUISTICS
Goncharova O.V. 75
COMMUNICATIVE TACTICS OF SPEECH
INFLUENCE IN PAREMIAS WITH PROHIBITIVE SEMANTICS
(BASED ON THE STUDY OF RUSSIAN
AND GERMAN PROVERBS)
Denisova E.A., Shakirova D.Sh. 83
ADVERBIAL AND ITS TRANSLATION
EQUIVALENCE IN RUSSIAN (BASED ON THE NOVEL
BY CECELIA AHERN "THE GIFT")
Dekhnich O.V., Chupilko E.V. 95
STYLISTIC POTENTIAL OF SYNTACTICALLY
MARKED COMPLEX CONDITIONAL SENTENCES
IN THE ENGLISH LITERARY TEXT
Evstafiadi O.V., Lasitsa L.A. 102
ASPECTS OF AESTHETIC COMMUNICATION
IN TATAR TRAGEDIES OF THE TWENTIETH
CENTURY
Enikeev I.A., Ganieva A.F., Minnullina F.Kh. 109
FEATURES OF TRANSLATING A GERUND
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (ON THE BASIS
OF LITERARY AND BUSINESS TEXTS)
Ipatova V.P. 118
MODERN SYSTEMATIZATION OF THE TEXTS
Karimova I.R. 123
PROFESSIONAL COMMUNICATIVE
COMPETENCE AS A BASIC COMPONENT
OF FOREIGN LANGUAGE PREPARATION
OF STUDENTS OF NONLINGUISTIC SPECIALITIES
Kudryavtseva O.M., Karakeshishian S.O. 129
TRANSLATION PECULIARITIES
OF POLITICAL METAPHORS (ON THE MATERIAL
OF MODERN MASS MEDIA OF GERMANY)
Lavristscheva E.V., Chekalova E.S. 137

FRAME AND PROPOSITION AS DIFFERENT LEVELS OF LINGUISTIC UNITS ANALYSIS
Makarova O.V. 146
PRAGMATIC MEANING OF THE UTTERANCES WITH THE VERBS OF SPEAKING WITH A NEGATIVE CONNOTATION
Mustafina R.F. 153
THE INDICATIONS OF COLOURS SCHWARZ / ЧЕРНЫЙ / КАРА IN THE PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL VIEW OF THE WORLD IN GERMAN, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES
Mukhamadiarova A.F. 158
SEQUENCE OF WORK WITH TEXTS OF COMICS IN THE PROCESS OF TEACHING FRENCH LANGUAGE
Osipova N.V., Dushenko A.V. 166
THE ROLE OF WORD ORDER IN THE DEFINITION OF SYNONYMY AND ANTONYMY AT THE SYNTACTIC LEVEL
Poddubskaya O.N. 176
ON LEXICAL INTERFERENCE
Baryshnikova Yu.V., Emets T.V., Baryshnikova A.M. 184
THE INTENSITY AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN MODERN RUSSIAN
Sokolova E.P., Franchuk O.V. 194
NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF GASTRONOMIC DISCOURSE
Khadulaeva U.Sh. 207
THE DIFFERENCES AND SIMILARITIES OF URBAN AND RURAL SPEECH
Khajrullina A.S., Garifullina L.R. 218
THE SEMIOSIS OF THE SUPERSTITIOUS SIGN «BLACK SHEEP» IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE
Khaleeva S.A. 224
EPISTEMIC FUNCTION OF GERMAN MODAL PARTICLES
Shakirova R.D., Vildanova E.M. 231

INTERJECTIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS:
SEMANTICS AND EXPRESSIVE POTENTIAL
Shishimer L.F., Stroyeva I.S. 236
LANGUAGEMEANS OF EVALUATION EXPRESSION
IN NEWSPAPER HEADLINES (BASED ON «РОССИЙСКАЯ
ГАЗЕТА», «THE INDEPENDENT»)
Yakovleva A.S., Pogorelova S.D., Sheshukova S.V. 243

RULES FOR AUTHORS 256

Подписано в печать 29.03.2019. Дата выхода в свет 29.03.2019. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,09. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP93/017. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.